

#8 (24), 2017 część 2

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w

Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze

wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo

publikowane jest w języku polskim, angielskim,

niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego
miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz
czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej
czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

#8 (24), 2017 part 2

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The
journal is registered and published in Poland.

Articles in all spheres of sciences are published in the

journal. Journal is published in **English, German, Polish**

and Russian.

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the
journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Кабдусова Д.Е. СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ.....	4
--	---

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Babenkova E.V., Myrdasov A.A. QIGONG JAKO ŚRODEK ZWIĘKSZENIA MOŻLIWOŚCI ADAPTACYJNYCH OBYWATELI DOROSŁOŚCI	9
---	---

Голованов С.А., Кулькова И.В., Расулов М.М. КОРРЕКЦИЯ ФИТНЕСОМ ЗДОРОВЬЯ МУЖЧИН ПРИ ЗАБОЛЕВАНИИ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ И АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТОНИЕЙ.....	13
---	----

Tamozhska I. V. THE RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE ACTIVITY OF THE SCIENTIFIC AND PEDAGOGIC STAFF AT THE MEDICAL SCHOOL OF KHARKIV UNIVERSITY (1884 – 1900).....	15
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Lytvyn A. LINGUOCULTURAL PARAMETERS OF ENGLISH INNOVATIVE VOCABULARY IN THE FIELD OF SPORTS AND TOURISM	19
--	----

Божко О.С. КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ АТМОСФЕРИ САСПЕНС ЖАНРУ ХОРРОР.....	23
---	----

Kalandarov A.R. GENERAL PECULIARITIES OF COMPARATIVENESS IN UZBEK LANGUAGE.....	30
---	----

Волик Н.А. МОДИФИКАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЖАНРА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ В ПОЭЗИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА XVIII ВЕКА.....	33
---	----

Анохина В.С. РЕЧЕВОЕ ЛИДЕРСТВО В СЕМЬЕ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ	40
---	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Купарашвили М.Д. МАТЕРИНСТВО – НЕВИДИМАЯ ПРОБЛЕМА.....	44
--	----

Тетиор А. Н. ВЕЛИКИЙ А.С. ПУШКИН: ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ.....	50
---	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мандыч А.В., Рыжикова Н.И. ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АГРАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	58
---	----

Мельников М.А. СТЕЙКХОЛДЕРЫ В АНТИКРИЗИСНОМ УПРАВЛЕНИИ: РЕАКТИВНЫЙ И ПРОАКТИВНЫЙ ПОДХОД.....	61
---	----

Нісходовська О.Ю. ОСНОВНІ ПІДХОДИ ДО ФОРМУВАННЯ ІНКЛЮЗИВНОЇ МОДЕЛІ ПІДПРИЄМНИЦТВА ВИРОБНИКІВ ГРЕЧКИ	64
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кравченко К.С. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ.....	68
--	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Kabdusova D.E.

*master of art criticism sciences, senior lecturer
of Choreography Pedagogy department,
The Kazakh national academy of choreography*

Кабдусова Дина Ериковна

*магистр искусствоведческих наук, старший преподаватель
кафедры «Педагогика хореографии»
Казахской национальной академии хореографии*

PRESERVATION OF THE TRADITIONS OF RUSSIAN DANCE CULTURE СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Summary: The article discusses the issues of preservation of national traditions of dance culture of the Russian ethnosc.

Key words: tradition, dance, Russian dance, dance culture, folk art.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы сохранения национальных традиций танцевальной культуры русского этноса.

Ключевые слова: традиция, танец, русский танец, танцевальная культура, народное творчество.

Творчество является неотъемлемой частью человеческой жизни: оно формирует личность, влияет на развитие деятельности, развивает мышление, активизирует интеллектуальную деятельность, формирует общую духовную культуру личности, закладывает основы ценностных ориентаций человека. Личность человека может полностью раскрыться, сформироваться лишь при помощи и участия искусства. Оно помогает формированию его чувств, развивает его творческие способности.

Среди множества форм художественной культуры, хореографическое искусство занимает особое место. Оно развивает образное мышление и фантазию, а также обеспечивает гармоничное духовное и физическое развитие, воспитывает к пониманию прекрасного. Танец – это квинтэссенция глубоких чувств и фантазий народа, включающая в себя яркое и красочное художественное отображение тех или иных эмоций, а также – четкое содержание, тему и идею, что свойственно любому народному танцу. При помощи тех или иных пространственных рисунков и разнообразных пластических движений возникает конкретный и обобщенный художественный образ в рамках сюжетной драматургической основы.

Восприятие танцевального образа бывает непосредственным и ассоциативным. Характер, ритм, темп мелодии органически связаны с лексикой и содержанием танца, в которых отображаются те или иные танцевальные образы в их художественности, конкретности и правдивости. Танец, в отличие от искусств живописи, скульптуры и других, которые обладают средствами объективного изображения действительности, представляет собой искусство выражения действительности представления чувств, эмоций, настроений, мыслей и идей. В связи с этим, содержание танца – это, прежде всего, эмоциональная сторона переживаний

человека и только через эти переживания происходит отражение образов окружающей действительности.

Воздействуя на чувства и мысли человека, танец способствует эмоциональному познанию окружающей действительности и помогает ее преобразованию, изменению. При помощи своего эмоционального языка танец воздействует на чувства, мышление, влияет на мировоззрение человека, направляет и изменяет его. Танец – прежде всего путь к познанию огромного и содержательного мира человеческих чувств. Лишенный своего эмоционального содержания, танец перестает быть искусством.

Истоки танцевального искусства заложены в глубокой древности. Свидетельство тому – наскальные рисунки с изображением, танцующих фигур, созданные предположительно в период неолита (8-5 тыс. лет до н.э.). И в наши дни не существует единого мнения о первенстве рождения танца, песни либо музыки, но неоспоримо одно – зарождение танца связано с осознанием ритма в качестве сопровождения определенной последовательности телодвижений. Эти ритмические телодвижения могли нести в себе различное содержание, что послужило в последствии поводом к созданию множества теорий о происхождении танца (его предшественниками называли игру, религиозные или магические ритуалы, первичные человеческие инстинкты и т.п.). Любая из теорий имеет право на существование, так же как не может считаться и единственной верной. Их внимательное изучение подтверждает вывод – во все времена танец имел важное значение в общественной жизни человека, в его гармоничном, эстетическом и физическом развитии.

Национальное самосознание, каждого народа, напрямую зависит от фольклорного творчества. В котором большая роль отведена не только музыке,

народным сказаниям, обычаям и обрядам, но также и к народной пляске – танцу.

Народный танец – коллективное художественное творчество народа, вобравшее в себя его многовековой жизненный опыт и знания. Он многообразно отражает жизнь человека, раскрывает его духовную красоту и богатство. Эстетические идеалы, заложенные в народном танце, оказали благотворное влияние на многие поколения людей. Быт и обычаи этносов различных стран имеют непосредственную связь с развитием культурного наследия и оказывают огромное влияние на становление танцевальной культуры. Хореографическое искусство является одним из наиболее распространенных и древних видов искусств, которое зародилось из этнической структуры каждого народа. Издавна по средствам танца человек передавал свои чувства, эмоции и отношение к жизненным явлениям.

Каждый народный танец – это история народа. В нем отражены радости и печали, мудрость и героизм, быт, нравы, глубокая вера в доброе начало. Издревле танцы сопровождали человека в течение всей его жизни. Менялся только характер этих сочиненных народом произведений.

Позже народный танец обрел самостоятельную жизнь: в своей пластике он без слов рассказывал о жизни народа, его истории, заботах. Но это не значило, что утрачены самобытность, отличительные особенности, имеющие прямое отношение к народу, его создавшему. Н.В.Гоголь предлагал своим читателям: «Посмотрите, народные танцы являются в разных углах мира: испанец пляшет не так как швейцарец, шотландец, как теньеровский немец, немец не так, как француз, как азиат. Даже в провинциях одного и того же государства изменяется танец. Северный русс не так пляшет, как мало-россиянин, как славянин южный, как поляк, как финн: у одного танец говорящий, у другого – бесчувственный; у одного – бешеный, разгульный, у другого – спокойный; у одного – напряженный, тяжелый, у другого – легкий, воздушный. Откуда родилось такое разнообразие танцев? Оно родилось из характера народа, его жизни и образа занятий. Народ, прошедший горделивую и бранную жизнь, выражает ту же гордость в своем танце; у народа беспечного и больного также безграничная воля и поэтическое самозабвение отражают в танце так же негу, страсть и ревность» [1].

Народные танцы, созданные талантом народа, передаются из поколения в поколение, и под воздействием времени, политических и территориальных особенностей, условий жизни видоизменяются, а порой остаются забытыми на совсем.

Становление хореографического искусства нашей страны, не посредственно происходило под влиянием развития Русской хореографической школы. Это было обусловлено территориальными, политическими и экономическими факторами, что ненароком обрекает каждого из нас ознакомиться с хореографической культурой Русского народа.

Историческое прошлое русского народа свидетельствует об его исключительно развитой твор-

ческой среде, в которой воспитывались многие поколения людей, складывалась национальная культура.

Русский народный танец зародился в обрядах и играх древних славянских племен. Большинство древнерусских плясок имело тесную связь с культом земледелия, природным циклом и подражанию повадкам животных. Анализируя работы исследователей русской национальной и танцевальной культуры, примеров воинственных танцев не найдено.

В обрядовых плясках древней Руси проявлялись формы мышления и мироощущения свойственные человеку того времени. Это анимизм и магия. Анимизмом является одухотворение природы, вера в то, что за каждым живым и не живым предметом мироздания скрывается невидимый дух, тем самым оживляя его. Анимизм тесно связан с магическим представлением мира – вера в силу слова, ритма, телодвижения, при помощи которых, человек так или иначе может влиять на силу природы и вызывать желаемые результаты: богатый урожай, крепкое здоровье, удачу на охоте, приплод скота. В основе обрядовых плясок всегда был заложен принцип аналогии – вера в получение власти над предметом по средствам овладения его внешним обликом. Главным в охотничьих плясках была имитация проворливого зверя. Центром в земледельческих плясках была имитация природных явлений, птиц и животных, трудовых и земельных работ. И здесь человек отдавая свое воображение переносил его в действительность. Сжигая или хороня чучело Масленицы, Костромы, он представлял, что хоронит и прощается с зимой на еще один год. Имитируя птичий полет взывал к прилету настоящих птиц. Воспроизводя имитацию процессов труда, желал получить богатый урожай. Таким образом, в обрядах и обрядовых плясках человек закреплял полученные им знания и опыт. Глубоко не осмысливая результат своих действий, он рассматривал его как итог воздействия добрых либо злых сил. Старался повторять те же действия, воспроизводя их в той же обстановке, в том же порядке, которые принесли ему удачу. То есть так как в его понимании было угодно добрым силам. Так закреплялись в народе и передавались из поколения в поколение обрядовые пляски. История формирования эстетической стороны народных обрядов – это постоянный отбор народом лучших произведений своего творчества. Эти произведения, войдя в обряд, не оставались неизменными, они шлифовались от поколения к поколению.

С течением времени вера русского народа в магическую силу обряда постепенно угасала, и принимала более игровую форму. Постепенно из обрядов выделяются отдельные жанры такие как: игры, песни и хороводы, которые служили в качестве развлечения русского народа в проведении досуга. В эпоху Киевской Руси танцевальное искусство воплощается в творчестве скоморохов – бродячих актеров, в интермедиях народной драмы, представлениях кукольного театра с известным героем Петрушкой. Народ исполняет танцы в период

религиозных и календарных праздников, которые с введением христианства на Руси несколько трансформируются на основе языческих обрядов.

Наиболее древней и распространенной формой русского танца, дошедшей до наших дней, являются хороводы, имеющие множество разделений на жанры и формы. Хороводы могут быть игровыми и орнаментальными, исполняться по кругу, линейно, а также вбирать в себя многообразие различных геометрических рисунков, быть как смешанными по составу танцующих, так и исключительно женскими. В орнаментальном хороводе танцующие ходят кругами, рядами, создают из хороводной цепи фигуры, в ритм с музыкой, которая является для них лишь музыкальным сопровождением. В песне к такому хороводу нет яркого сюжета с действующими лицами, какого-то конкретного действия. Их содержание связано с образами природы, коллективным народным трудом, бытом. Замысловатые фигуры хоровода имитируют узоры русских кружевниц, узоры, вырезанные по дереву, работу живописцев. Второй вид русского хоровода – игровой. Главным в нем является раскрытие сюжета. В сопровождающей танец песне есть конкретное действие, герои, и исполнители разыгрывают его с помощью пляски, жестов, мимики. Создают образы, характеры героев, изображают трудовые процессы, сказочные темы. Рисунки в игровых хороводах проще, чем в орнаментальных. Композиция строится по кругу, либо парами и линиями. Хороводы водили по всей России, но, как правило, в каждом регионе он отличается стилем, композицией, манерой исполнения. Это связано с природными климатическими условиями, особенностями быта и труда.

На ряду с хороводными формами появляются пляски переплясы. плясовые – массовые, парные и сольные импровизационные танцы. Они имеют территориальные различия: плавные и степенные северные, быстрые и техничные южнорусские. Каждая губерния имеет свои особенности в танце и свой неповторимый по колориту и орнаменту костюм. Перепляс – это соревнование. Парни соревнуются в ловкости, силе, удали, индивидуальности. Это исключительно мужской танец. Перепляс исполняется под стандартные народные мелодии или под частушки. В настоящее время перепляс исполняется так: по несколько танцоров с двух сторон становятся друг против друга и начинают танцевать наперебой.

Танцевальная лексика русского народного танца является самым важным выразительным средством в танце. Жесты, мимика, позы, движения рук, головы, корпуса, ног – её составляющие. В русском народном танце лексика представляет собой наиболее сконцентрированную форму с ярко выраженным национальным колоритом, поэтому по ней можно определить, какому региону, области, селу, району принадлежит танец. Существует несколько видов танцевальной лексики:

1. Образная – создаёт ассоциацию с определённым образом (гусь, олень, лебедь и т. д.). Её называют эмоционально – подражательной.

2. Естественно-пластическая – подсказанная самим действием, развивающимся в танце.

3. Традиционная – выработанная веками, находящаяся в постоянном развитии, о чём свидетельствуют танцы, созданные в наши дни, отличающиеся от старинных танцев не только выразительностью, манерой исполнения, но и богатством танцевальных движений.

Большое значение в русском народном танце приобретает его интонация, представляющая собой совокупность выразительных средств. Например, одно и то же движение, исполненное в разном темпе, будет выражать различное состояние танцора: быстрый темп – радость, медленный – грусть, задумчивость. Малейшее изменение того или иного движения изменит характер и содержание действия.

Эстетические вкусы народа, его духовные идеалы, быт – все это раскрывает и выражает специфическая художественная форма русского народного танца. Общество развивается и в ходе этого развития русский народный танец приобретает высокий уровень самостоятельного значения, становится своеобразной формой воспитания народной эстетики. Русский танец становится и развивается в тесной связи с песней, ведь не смотря на все многообразие форм хороводного русского танца, драматическое начало заложено и исходит из ритмического рисунка музыки. Анализируя труд А. Климова «Основы русского народного танца» – «Каждая новая эпоха, новые политические, экономические, административные и религиозные условия отражались в формах общественного сознания, в том числе и в народном творчестве» [2], мы пришли к выводу, что развитие русского народного танца тесно связано со всей историей русского народа. Сейчас мы наблюдаем русский танец таковым, каким он дошел до нашего времени, под воздействием всех жизненных и человеческих факторов. Из года в год под влиянием прогресса в социуме, происходит и эволюция танца. Постепенно из танцевальной лексики выходят устаревшие и зарождаются новые виды танца. Исходя из этого, русский народный танец так же находится под постоянным воздействием, тем самым непрерывно совершенствуясь и обогащаясь лексически.

Рассмотрев основные направления русского народного танца, мы наблюдаем что, в художественной форме запечатлены не только характер и самобытность народа, атак же, прошлое и настоящее страны. Нельзя не подчеркнуть, что велик и многогранен танцевальный терминологический словарь русского танцевального фольклора. Русский народный танец же, отличающийся строгой соразмерностью мелодической линии, благородством пропорций, выразительностью, способствует развитию более тонкого музыкального вкуса, более яркого танцевального подчерка, развивает умение красиво танцевать, слаженно взаимодействовать с другими участниками танца, раскрывает яркую индивидуальность, способствует наиболее эффективному нравственно – эстетическому воспитанию ребенка.

Анализ путей этапов развития русского танцевального творчества, позволяет отметить что, русский народный танец, это большой пласт для изучения русской культуры. С развитием танцевальной культуры мы можем наблюдать появление профессиональных театров и учебных заведений в России. Благодаря Петровским реформам, культурная жизнь русского этноса вступила на новую планку развития. Приглашены мастера из Франции и Италии для обучения танцовщиков профессиональному классическому танцу. Стали зарождаться балетные спектакли, в которых обязательно присутствовали характерные и национальные танцы, соответствующие сюжетному развитию. Именно «Русский танец» встречается в таких балетах как: «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Щелкунчик» П. Чайковского, «Конек-Горбунок» Ц. Пуни., «Каменный цветок» С. Прокофьева, «Иван Грозный» С. Прокофьева, «Медный всадник» Р. Глиэра и во многих национальных русских балетах, которые сегодня утратили себя. К сожалению, в мировом классическом наследии постепенно исчезают русские танцы. Редко сегодня в «Лебедином озере» можно встретить русский танец, лишь только в «Щелкунчике» русский танец «Трепак» сохранился для современного поколения. Для сохранения национальных традиций и культуры этноса, мы считаем необходимым пропагандировать русские танцы через высокое искусство, такое как балетные спектакли. И пропаганда должна быть не только в России, но и за ее пределами. Сегодня много гастролирующих трупп, но зачастую спектакли сокращают и редактируют потому что не многие исполнители знают хореографический текст характерных танцев.

Недавно, на сайте «Арт галереи Кристина» была опубликована статья об одном артисте балета характерных и национальных танцев, который мечтает пропагандировать русскую танцевальную культуру в США. Его зовут Владимир Никитин, с детства он увлекается танцевальным искусством всерьез, поначалу он занимался в самодеятельном любительском коллективе (Народно-хореографический ансамбль «Ровесник», г. Казань). Позже, Володя пробовал свои силы при поступлении в хореографическое училище, к сожалению, его не приняли, но он продолжал заниматься любимым делом. Окончив школу, он снова пробует поступать, но только уже в университет, и ему это удается. Специальность для обучения Владимир выбрал «Современный танец», однако, народные танцы он не бросил, а активно продолжал выступать и гастролировать с любимым коллективом. И вот по окончании университета, Никитина приглашают работать в Государственный ансамбль «Казань», где он исполняет сольные партии и выезжает за рубеж. Там он исполнял сольные партии в танцах, выгодно демонстрируя свои технические способности, владение трюками и сражая наповал сценической харизмой. Никитина стали часто поощрять за стремления к победе, и он был удостоен ежегодной премии имени Николь Даутовны Юлтыевой. На всероссийском конкурсе в городе Кирове вместе с ансамблем «Ровесник» завоевал первое

место и приз Владимира Захарова. По всей России проходят конкурсы и фестивали, где ищут одаренных артистов и в 2007 году Грант президента РФ получил именно Владимир Никитин. В 2008 году на конкурсе «Танцуй Поволжье» Владимир закрепил успех еще одним первым призом. На неординарное исполнение обратила свой взор руководитель Государственного академического хореографического ансамбля «Берёзка» Мира Кольцова. Обладая огромным опытом и профессиональной интуицией, Кольцова была щедра на похвалы молодому исполнителю. Отметив все достоинства, Мира Михайловна пригласила танцовщика в ансамбль. Судьба распорядилась так, что Никитин был в плотном гастрольном графике и не связал свою карьеру с этим замечательным ансамблем. Универсальные артисты высоко ценятся в искусстве, поэтому, когда о молодом танцовщике стало известно, Никитина стали приглашать не только коллективы народного танца, но и классического балета. В каждом спектакле хореографического наследия есть партии для характерных танцовщиков и только обладатели сильной школы могут достойно показать тонкости исполнения характерного и народно-сценического танца.

Исполняя партию русской куклы в балете «Щелкунчик», Владимир с легкостью марионетки взлетал в воздух, подбрасывая ноги в отрицательный шпагат, на мгновение замирал в воздухе, а сложившись пополам в «складочке», молниеносно вращался. Стоит подчеркнуть сценичность и внешние данные танцовщика, хороший шаг, воздушный прыжок, благородные черты лица и широкую улыбку. В балете «Лебединое озеро» ему довелось исполнять русский, испанский, неаполитанский и венгерский танцы. В каждом из них он демонстрировал знание танцевальных культур разных стран, партнерские навыки и отличные технические показатели. В балете «Дон Кихот» раскрылся в полной мере комедийный талант танцовщика в партии Санчо-Панса. Полностью вжившись в роль озорника и верного оруженосца, Владимир успешно продолжил выступать в этой партии на гастролях со многими труппами [3].

В планах у артиста повидать мир, преуспеть в профессии. В Нью-Йорке Владимир мечтает начать педагогическую деятельность, учить детей всем тонкостям народного танца, прививая традиции великого наследия и сохраняя их. Люди разбросаны по миру, в каждой стране чтут разнообразие культур и очень важно, чтобы нюансы не были потеряны за океаном. Главное для артиста – не останавливаться на достигнутых целях, а смело шагать вперед на встречу к новым победам. Надеюсь, что у Володи все получится, и он будет прославлять Родину через пропаганду национальной танцевальной культуры.

Анализируя опыт Никитина Владимира, хотелось бы пожелать, чтобы русская национальная танцевальная культура процветала на всех уголках нашего земного шара. В течение долгого времени русский народ создал множество ярких изобрази-

тельных танцевальных движений, выработал манеру их исполнения и своеобразную пластику, отвечающие темпераменту, характеру и национальному духу русского человека. Эти отдельные движения – элементы – встречаются в различных русских танцах, составляя их основу, являясь своеобразным языком танца, его лексикой. Сегодня, в век новых технологий, очень важно не утратить «свои корни» и продолжать сохранять и обогащать танцевальную культуру своего этноса. Исследование проблемы показало, что русская танцевальная культура очень богата и имеет большое значение в истории русского этноса. Несмотря на все исторические события, русское традиционное танцевальное творчество сохранено и дошло до XXI века. Анализ источников показал, что некоторые традиционные русские танцы дошли до современного общества в измененном виде, так как с течением времени непрерывно происходит трансформация и модернизация танцевального искусства в целом.

Список литературы

1. Г.П. Гусев методика преподавания народного танца. Учебное пособие для студентов вуза культуры и искусства. – М: Гуманитарное изд. центр ВЛАДОС, 2003
2. Климов А.А. «Основы характерного народного танца», М., Искусство, 1981
3. http://kristinaartgallery.ru/Vladimir_russkaya_dusha
4. Устинова Т. Беречь красоту русского танца. М., «Мол. гвардия», 1959.
5. Устинова Т. Русский народный танец. М., «Искусство», 1976.
6. Н.М. Бачинская Русские хороводы и хороводные песни. / Н.М.Бачинская. – М., 1951
7. К.Я. Голейзовский Образы русской народной хореографии. / К.Я. Голейзовский. – М., 1964
8. Г.П. Молявко Русский танец и методика его преподавания: сохранение и воспроизводство танцевальной культуры Сибири/ Уч. пособие / Изд-во Алт. гос. акад. культуры, 2007

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Babenkova E. V.

kandydat nauk pedagogicznych, dyrektorka
MU " Kompleksowe centrum usług socjalnych ludności
Październikowego gminy Czelabińskim imieniu Pan. N. F. Rynku"

Myrdasov A. A.

pielęgniarsz oddziału dziennego pobytu
(częściowo stacjonarna forma opieki społecznej)
MU " Kompleksowe centrum usług socjalnych ludności
Październikowego gminy Czelabińskim imieniu Pan. N. F. Rynku"

Бабенкова Екатерина Валерьевна

кандидат педагогических наук, директор
МУ «Комплексный центр социального обслуживания
населения Октябрьского муниципального района
Челябинской области имени Н. Ф. Ратушной»

Мурдасов Андрей Андреевич

медбрат отделения дневного пребывания
(полустационарная форма социального
обслуживания населения),
МУ «Комплексный центр социального обслуживания
населения Октябрьского муниципального района
Челябинской области имени Н. Ф. Ратушной»

QIGONG JAKO ŚRODEK ZWIĘKSZENIA MOŻLIWOŚCI ADAPTACYJNYCH OBYWATELI DOROSŁOŚCI

Summary: Badane teoretyczne i praktyczne aspekty uprawiania ćwiczeniami oddechowymi i związane z tym funkcjonalne i emocjonalne reakcje organizmu obywateli w podeszłym wieku, jako skutecznego narzędzia do zwiększenia możliwości adaptacyjnych zdrowotnego gimnastyka qi gong.

Key words: możliwości adaptacyjne, dojrzały wiek, ćwiczenia oddechowe Qigong.

Аннотация: Исследование теоретических и практических аспектов занятий дыхательными физическими упражнениями и, связанные с этим функциональных и эмоциональных реакций организма граждан зрелого возраста, как эффективного средства повышения адаптационных возможностей оздоровительной гимнастики Цигун.

Ключевые слова: адаптивные возможности, зрелый возраст, дыхательная гимнастика Цигун.

Okres dojrzałości wiekowej – najdłuższy w życiu współczesnego człowieka. Za tym stoi nie tylko obiektywnie które stało się więcej czas życia fizycznego, ale i wydłużenie czasu do osiągnięcia dojrzałości społecznej. W psychologii taki proces nazywa socjalizacji. To właśnie w dorosłym życiu człowiek może odczuwać swoją przynależność do społeczeństwa w pełni.

Współczesne dane gerontologii świadczą o tym, że inwolucyjnych okres rozwoju człowieka zaczyna się w 30-35 lat, kiedy przechodzi się od pierwszego okresu dorosłości w drugiej. Okres ten dzieli ewolucyjne i etap ontogenezy okresy rozwoju.

Człowiek, który osiągnął połowy życia, świadomy swojej izolacji nie tylko młodzieży, ale i od tych, którzy dożył starości. W tym czasie on zaczyna czuć, że od stanu zdrowia zależy zawodowe sukcesy.

Według danych Federalnej służby statystyki państwowej Federacji Rosyjskiej w 2014 roku mieszkał 51 369 000 osób należących do drugiej grupy dojrzałości, a w 2016 roku – 51 960 000 osób.

W 2016 roku w porównaniu z 2014 rokiem wśród ludności drugiego okresu dojrzałego wieku odnotowano wzrost chorób układu wydzielania

wewnętrznego, zaburzeń odżywiania, zaburzeń metabolicznych (+21,4 %), nowotworów (+14,8 %), chorób układu mięśniowo-szkieletowego i tkanki łącznej (+8,5 %), choroby układu moczowo-płciowego (+7,5 %), chorób układu nerwowego i chorób układu pokarmowego (+5,0 %).

W przedziale wieku 30-60 lat następuje powolny, ale stały spadek szeregu wskaźników fizycznych, funkcjonalnych stanu i poziomu kondycji fizycznej człowieka. Przy czym masa ciała, częstość oddechów, ciśnienie tętnicze skurczowe zmieniają się w górę, a wskaźniki kondycji fizycznej spadają.

Mięśnie człowieka dojrzałego wieku w większości zachowują swoje właściwości funkcjonalne, jednak perrepsивные zmian morfologicznych cech układu mięśniowo-szkieletowego są widoczne już po 30-35 lat. To odnosi się przede wszystkim do zmniejszenia elastyczności aparatu więzadłowego, obniżenia jego wytrzymałości, zwiększonej łamliwości kości, edukacja kości wielu elementów kręgosłupa, zmniejszenie ruchomości w stawach.

Po 30 latach zaczyna się zmniejszać szybkość reakcji ruchowej, co wiąże się również z obniżeniem

podudliwości ośrodków nerwowych mięśni i zmniejszenie ich funkcjonalnej sprawności ruchowej. Z wiekiem znacznie się pogarsza zdolności koordynacyjne, zmniejsza się zdolność do rozwoju nowych ruchów. Obniża się również wydajność pracy umysłowej działalności, głównie w parametrach ilościowych, co prowadzi do szybszego zmęczenia.

Wszystkie powyższe wpływa na zdolność ludzi starszych dostosować się do zmieniających się warunków środowiska zewnętrznego, a w konsekwencji prowadzi do przyspieszenia procesów inwolucji, zachodzących w tym okresie.

Naukowe i praktyczne dane mówią o tym, że można zarządzać procesem inacej rozwój zmian, spowolnienie regres organizmu za pomocą racjonalnej aktywności ruchowej. Prawidłowa organizacja aktywności fizycznej zgodnie z charakterystyką wieku człowieka zakłada systematyczną fizyczną trening o średniej i niskiej intensywności obciążeń, zróżnicowanych w charakterze oddziaływania na organizm.

Ludzki organizm jako jednolity system ma rezerwami samoregulacji. Orientalne odnowy biologicznej metody wykorzystują te wewnętrzne rezerwy, przywracanie równowagi, która jest przyczyną chorób tych lub innych organów.

Qigong – zdrowotny chiński system ćwiczeń i praktyk medytacyjnych, które przywracają równowagę, zdrowie, przyczyniają się do spokoju i продляют życie.

Qigong zwiększa parametry fizyczne organizmu, normalizuje oddychanie, puls, ciśnienie krwi, hormonów, hamuje procesy zapalne.

Analiza naukowo-dydaktycznej literatury na temat utrzymania zdrowia w wieku dorosłym potwierdza konieczność jej rozwoju w celu rozwiązania powstałych sprzeczności między:

- a) potrzeb ludzi starszych w wiedzy na temat podstaw zdrowego stylu życia i umiejętności zastosowania tej wiedzy w życiu codziennym;
- b) potrzeb społeczeństwa w zdrowych i sprawnym członkach i niedostatecznej wydajności systemu ratowania zdrowia dorosłej populacji;
- c) koniecznością dostosowania starych i wdrażania nowoczesnych metod zdrowotnego kultury fizycznej z ludźmi w średnim wieku i słabego разработанностью takich metod.

Dlatego **celem** naszej pracy teoretycznie uzasadnić skuteczność techniki Qigong w celu zwiększenia zdolności adaptacyjnych osób starszych.

Osiągnięcie celów i kontrola założeń przewiduje rozwiązanie następujących **zadań**:

- na podstawie analizy naukowo-dydaktycznej literatury zbadać ten problem stanu zdolności adaptacyjnych osób starszych;
- zidentyfikować czynniki ryzyka, obniżenie zdolności adaptacyjne ludzi w średnim wieku.

Zakładamy, że zajęcia zdrowotnego Qigong z osobami w średnim wieku przyczyniają się do zwiększenia ich możliwości adaptacyjnych pod warunkiem regularnych zajęć, indywidualnego i osobistego podejścia, z uwzględnieniem ich stanu psychofizycznego.

Obywatele dojrzałego wieku dla zachowania zdrowia i twórczego długowieczności potrzebna jest zrównoważona aktywność ruchowa, uwzględniająca ich zaburzenia psychofizycznych cech i potrzeb, mająca na celu powstrzymanie procesów przedwczesnego starzenia się. W tym okresie na pierwsze miejsce wychodzą zdrowotno naprawcze i zapobiegawcze ukierunkowania wychowanie fizyczne działalności. Inaczej rozwój zmiany układu sercowo-naczyniowego, układu mięśniowo-szkieletowego, a także naruszenia humoralnej regulacji nie pozwalają w dorosłym życiu wykonywać wiele ćwiczeń fizycznych, ponieważ mogą one wywołać zmęczenie organizmu i zachęcić do negatywnych zmian w nim.

Jednym ze skutecznych środków poprawy zdolności adaptacyjnych jest relaks. Selye w swojej teorii twierdzi, że automatyczna reakcja alarmu składa się z trzech kolejnych faz: impuls, stres, adaptacja. Zatem, jeśli człowiek kieruje swoje wysiłki na zwiększenie możliwości adaptacyjnych, na stresujące, impuls musi świadomie odpowiadać relaksem. Za pomocą tego rodzaju aktywnej ochrony osób może unieвозмоżliwić narażone na działanie stresu impulsu, zatrzymać go lub osłabić stres, zapobiegając tym samym psychosomatyczne zaburzenia w organizmie.

Człowiek ma możliwość, świadomie kontrolując oddech używać go do uspokojenia, do podcięcia – mięśniowego i psychicznego. W ten sposób, autoregulacja oddech może stać się skutecznym środkiem, wraz z relaksu i koncentracji [1].

W ramach kultury fizycznej powyższe metody można zrealizować, na przykład, środki pielęgnacyjne gimnastyki Qigong.

Qigong jest starożytny wschodniej systemem, ukierunkowanej na zdrowie i leczenie organizmu. Wiele ćwiczeń Qigong skierowane na podnoszenie odporności organizmu właściwości, relaks w sytuacjach stresowych [2].

Statyczne i dynamiczne ćwiczenia medytacji zdrowotnego chińskiej gimnastyki Qigong są szeroko stosowane w Chinach w leczeniu i nawet w celach leczniczych.

Pierwsze stopnie Qigong – zdrowotne, mające na celu normalizację fizycznego i stanu emocjonalnego człowieka. System nie ma religijnej, politycznej lub ideologicznej malowania i jest nauczana SNG z 1991 roku, a ponadto w USA, Niemczech, Hiszpanii, Węgier, Słowacji, Izraelu, krajach Bałtyckich.

W praktyce Qigong ważne jest, aby zrozumieć zasadę każdego działania, tak jak Qigong działa na wszystkich poziomach, co znacznie pomaga zwiększyć możliwości adaptacyjne organizmu. Każda forma praktyki Qigong ma swoje szczególne powołanie i teorii, jeśli ich nie znać, nie będzie widoczna wartość praktyki. Przed przystąpieniem do szkolenia, musi mieć jasne wyobrażenie o tym, co robić, a umysł powinien być spokojny, skupiony i poważny. To wymaga równowagi emocjonalnej i jasność umysłu. Rozluźnienie jest jednym z głównych kluczy do sukcesu w Qigong [3].

Dla udanej praktyki Qigong należy przestrzegać pięć ważnych zasad: regulacja ciała, kontrola oddechu, kontrola umysłu, regulacja energii, regulacja ducha.

Regulacja ciała. Oznacza to, że ciało musi być obraz wycentrowany i wyważone. Umiejętność przyjąć prawidłową pozycję ciała i rozluźnić mięśnie jest podstawowym warunkiem sukcesu w Qigong. Położenie samego ciała zależy od napięcia mięśniowego, czyli od tego wewnętrznego jakości, która jest nieodłącznym mięśni. Nawet będąc w spokoju, mięsień w ka-kim stopniu nadal jest skrócone. Stopień napięcia mięśni, znajdującej się w spokoju, nazywa mięśniowym tonusom, a reszta zmniejszenie – тонусным. Oba te czynniki mają wskaźniki elastyczności mięśni [4].

Napięcie mięśni można kontrolować świadomie, mając na uwadze i całkowite rozluźnienie mięśni szkieletowych, ponieważ oprócz wielu wzbudzenia istnieją również ośrodki hamowania, które leżą w obszarze średniego mózgu i kory mózgowej. Należy zrozumieć, że rozluźnienie ciała zaczyna się od świadomego impulsu, dlatego zanim zrelaksować ciało należy rozluźnić lub regulować umysł [5].

Regulacja oddychania. Wykorzystując mechanizm oddychania, człowiek silnym kolejności wpływa na układ krążenia i energetyczny system, a przez nich i na organy podtrzymywania życia, na napędowy-szkieletowy do regulacji lub przywrócenia ich funkcji i celu osiągnięcia odpowiedniej reakcji autoimmunologicznej organizmu na impulsy z zewnątrz.

Medytacyjny oddech za pomocą mechanizmu samoregulacji pomaga organizmowi utrzymać równowagę i bezboleśnie reagować na nagłe zmiany wynikające zarówno w zewnętrznej, jak i wewnętrznej środowisku [6].

Średnio na minutę człowiek produkuje 15 dróg ruchu trwałą około cztery sekundy każdy. Oddychowy ruch obejmuje trzy fazy: wdech, wydech i pauzę. Zwykły objętość wdychanego powietrza osiąga przy tym około 500 mililitrów.

Proces oddychania posiada dwoisty charakter: jego regulacja może odbywać się automatycznie i wolicjonalnym obowiązującymi przepisami.

Ośrodek oddechowy podłużne mózgu ma trzy główne funkcje:

- a) regulacja pracy mięśni, związanych z procesem oddychania (przysłony, piersi, skrzydła nosa, krtani, oskrzeli);
- b) zmiana rytmu i amplitudy oddychania w zależności od potrzeb organizmu;
- c) uruchomienie dodatkowych mięśni (np. ściany brzucha).

Oprócz głównego ośrodka oddechowego, zlokalizowanego w obszarze rdzenia przedłużonego mózgu, istnieją i pomocnicze centra oddychania, leżące w obrębie rdzenia kręgowego i które mogą częściowo zastąpić główny w przypadku osłabienia jej funkcji.

W Qigong istnieje osiem słów kluczowych, które opisują prawidłowe oddychanie, które następują podczas praktyki: spokojny, subtelny, głęboki, długi, ciągły, jednorodny, powolne, miękkie.

Należy ustawić optymalną częstotliwość oddychania i optymalną długość cyklu oddechowego: albo cztery dróg cyklu na minutę, albo trzy. W pierwszym przypadku czas trwania fazy wyniesie 15 sekund, w drugim – 20 sekund.

Należy jednak pamiętać, że dalsze spowolnienie częstości oddechów obarczona taki czy inny stopień niedotlenienia, odbite na zdrowie. Trzeba mieć na uwadze, że wśród zdrowych ludzi jest niewielki procent tak zwanych брадипноиков, nieodmiennie mających rzadkie, głębokie oddychanie [7].

Gdy oddech jednorodnie, następuje uspokojenie umysłu. Głęboki i spokojny oddech relaksuje ciało i daje jasność umysłu. Lekkie a przy tym wystarczająco dużo powietrza, co z kolei zapewnia wystarczającą ilość tlenu mózgu i całe ciało w całości. W przypadku sterowania oddechem główną uwagę należy zwrócić na zachowanie płuc w miłej i spokojnej stanie.

Regulacja umysłu. Aby mieć spokojne, gładkie i zrównoważony oddech należy uspokoić i zrobić neutralny umysł i emocje. Zmiany nastroju osoby mają pewną ścisły związek z częstotliwością i amplitudą bioelektryczne mózgu. Kiedy podekscytowany negatywne lub pozytywne emocje, są ustalone szybkie fale o niskiej amplitudzie. Gdy emocje człowieka gładkie i spokojne, są rejestrowane powolne fale. W praktyce Qigong stan ten nazywany jest "wejściem w spokój".

Encefalogram, nakręcony podczas zajęć Qigong, udowodniła, że amplituda hamujące alfa-fal wzrasta, rytm zwalnia, odpowiednio proces hamowania zwiększa [8].

Za pomocą funkcji ochronnych takiego procesu hamowania, można osiągnąć regeneracji komórek kory mózgowej, które, przechodząc przez podniecenie, doszły do stanu funkcjonalnego chaosu". Okazuje wpływ na zrównoważony patologiczne ogniska podniecenia, które przechodzą w stan hamowania, co stwarza korzystne warunki do zmniejszenia niepokoju. W rezultacie duża część ośrodków nerwowych może uzyskać lokalny wakacje, co przyczynia się do poprawy zdolności do ośrodków nerwowych kontrolować pobudzenie i hamowanie.

Regulacja energii. Zanim przejdę do regulacji qi, trzeba regulować ciało, oddech i umysł. To właśnie umysł napędza i kieruje energię. W medycynie chińskiej energia powstaje dwoma przeciwnymi początkami – yin i yang. Przeciwnością yin-yang objawia się w postaci ich wzajemnej kontroli i konfrontacji. Żadna zaczął nie może istnieć w izolacji od innych.

Yin i yang muszą być zrównoważone w ludzkim organizmie. Występowanie chorób ze względu na naruszenie równowagi między yin i yang w wyniku jednostronnego wzrostu lub jednostronnego ucisku [9].

Z pomocą chińskiej gimnastyki rekreacyjnej Qigong uzyskuje się optymalne dla organizmu połączenie yin-yang, innymi słowy, homeostazy.

Regulacja ducha. Człowiek istnieje w środowisku, która w związku z ciągłym wpływem bodźców zewnętrznych, wyświetla psychikę z równowagi. Stan psychiczny, nastrój — to jest coś, co niewidzialne, które jest rejestrowane przez nasze zmysły.

W medycynie chińskiej zauważyć, że emocjonalnie-świadoma działalność człowieka towarzyszy rodzinę uczucia: radość, gniew, smutek (tosca), rozmyślanie, smutek, strach, strach. Zwykle znajdują

się one w ramach procesów biologicznych i nie prowadzą do choroby. Jednak w przypadku długotrwałego psychicznym wszczeniu lub w przypadku nagłej nagłej psychicznego urazu, wykraczającej poza możliwości regulacji aktywności umysłowej, występuje utrata zdolności do sterowania pracą yin i yang, qi i krwi, gęstych i pustych narządów wewnętrznych i rozwija się choroba. Dane psychologia biologiczna również mówią o tym, że nastrój wpływa na autonomiczny układ nerwowy, system wewnętrznych wydzielin, ściśle z nimi związane i odbija się na ich pracy [10].

Na początkowym etapie metoda Qigong jest kontrola oddechu za pomocą świadomości (kory mózgowej) w celu wykluczenia czynników środowiska zewnętrznego, who-działających na układ nerwowy. Należy pamiętać, że Qigong jest metodą treningu układu nerwowego w celu poprawy funkcjonalnego współdziałania narządów wewnętrznych, harmonizacji organizmu ze środowiskiem zewnętrznym. Z wszystkich funkcji narządów wewnętrznych tylko oddech może być sterowany automatycznie (bez udziału świadomości), a na życzenie (z udziałem kory mózgowej). W przypadku, gdy nie zwracamy uwagi na proces oddychania, jest regulowane tymi sygnałami, które dostają się do organizmu z zewnątrz i od wewnątrz. W zależności od ich oddech może stać się częste lub rzadkie, głębokie lub powierzchowne, płaskie lub nie szeregowo. Za pomocą oddechu i hamowania w korze mózgowej można usunąć negatywne emocje, zmniejszyć nadmierne pobudzenie ośrodkowego układu nerwowego [11].

Czynniki wewnętrzne i zewnętrzne środowiska, oddziałujące na ludzki organizm, naruszają równowagę między współczulnego i przywspółczulnego układu nerwowego. W tym samym czasie, to wiadomo, że oddech ma stymulujący wpływ na współczulny układ, a wydech – na przywspółczulny, i Qigong jest techniką, która za pomocą mechanizmu oddychania, przywraca równowagę funkcjonalną między nerw sympatyczny i przywspółczulnego działami układu nerwowego [12].

Dla osiągnięcia ostatecznego celu Qigong trzeba mieć trzy główne duchowych korzeni: wolę, cierpliwość i wytrzymałość.

Istnieje szereg przeciwwskazań, przy których nie warto ćwiczyć Qigong: ciąża i okres po porodzie, zapalne choroby w ostrej fazie, ostre gorączkowe stan i wysoka temperatura, krwawienia i skłonności do nich, wszelkie ostre stany zapalne naczyń krwionośnych i limfatycznych, zakrzepica, wyrażona żylaki, tętniak aorty, choroby narządów jamy brzusznej z tendencją do krwawień, nowotwory złośliwe, choroby psychiczne, hiper - i hipotoniczni kryzysów, ostry zawał mięśnia sercowego, zaburzenia funkcji jelitowych (nudności, wymioty, biegunka).

Należy zauważyć, że większość przeciwwskazań ma charakter tymczasowy. Przed rozpoczęciem zajęć należy skonsultować się z lekarzem.

Wnioski: w dorosłym życiu procesy inwolucji mają wpływ na wszystkie tkanki, narządy i układy oraz ich regulację. Dla realizacji homeostazy reakcji auto-immunologicznej u wyższych organizmów wyspecjalizowanych przystosowanie system, lub adaptacyjny romeocrat. Głównymi składnikami tego systemu są kora nadnerczy, przysadki i podwzgórza.

W dorosłym życiu podwzgórze gorzej postrzega regulujące sygnały, staje się do nich mniej wrażliwy, co nieuchronnie prowadzi do zaburzenia homeostazy. Jednym ze sposobów zachowania homeostazy jest reagowanie – rozwój wspólnych adaptacyjnych reakcji.

Automatyczna regulacja stałości środowiska wewnętrznego odbywa się głównie podwzgórze obszarem mózgu. W podwzgórzu komponują się nerwowy i humoralnej drodze automatycznej regulacji. W realizacji adaptacyjnych funkcji biorą udział wszystkie systemy organizmu, w tym mózgu jest najwyższym koordynacyjny centrum adaptacyjnych procesów.

Ćwiczenia fizyczne i związane z tym zmiany funkcji i reakcje emocjonalne wpływają korzystnie na organizm ludzi w średnim wieku. Zdolność do nauzenia i zapamiętywania ćwiczeń i rozwój umiejętności motorycznych zależy nie tyle od wieku, zajmujących się, ile od poziomu ich kondycji fizycznej.

Jednym ze skutecznych środków poprawy zdolności adaptacyjnych jest odnowy biologicznej gimnastyka qi gong. Dla udanej praktyki Qigong należy przestrzegać pięć ważnych zasad: regulacja ciała, kontrola oddechu, kontrola umysłu, regulacja energii, regulacja ducha.

Lista literatury:

1. Kondyba W. M. doświadczenie Świata duchowego samorozwoju. Zpb., – 2007. 544 s.
2. Golmen D. Różnorodność medytacyjnego doświadczenia. Kijów – 2008. 324 s.
3. Woronin B. F. Orientalne психотренинговые systemu. Kijów – 2012. 183 s.
4. Woronin B. F. Qigong przy bólach pleców. Kijów – 2008. 145 s.
5. Binh Ngo Schuman. Nhat-Nam – Podstawy. ZPB, – 2012. 519 s.
6. Abaev H. W. Psychologiczne aspekty dróg praktyk. Gliwice, – 2009. 229 s.
7. Hrycenko J. B. Tajemnice gong-fu: odpowiedzi wietnamskiego kreatora w dao Hryєн Hong Ten na 100 pytań. Mińsk, – 2012. 188 s.
8. Selchenok K. W. Tajemnice medycyny wschodniej. Gliwice, – 2014. 374 s.
9. Soldatkin S. W. Strukturalno-funkcjonalna analiza chińskiej zdrowotnego systemu qigong. M, – 2007. 116 s.
10. Taras A. E. Chińska psychofizycznej odnowy biologicznej gimnastyka qi gong. Mińsk, – 2011. 182 s.
11. Kondyba W. M. doświadczenie Świata duchowego samorozwoju. Zpb., – 2007. 544 s.
12. Daniłowa H. H. Fizjologia wyższej czynności nerwowej. M, – 2007. 431 s.

Голованов С.А.,кандидат педагогических наук¹**Кулькова И.В.,**

кандидат педагогических наук, доцент

Расулов М.М.доктор медицинских наук, профессор³

¹фитнес - клуб премиум класса «Svelte»; ² Педагогический институт физической культуры и спорта ГБОУ ВПО МГПУ; ³ ГНЦ РФ «Государственный научно-исследовательский институт химии и технологии элементоорганических соединений».

Резюме

Изучена возможность коррекции с помощью методики адаптивной физической культуры состояния здоровья мужчин, болеющих сахарным диабетом 2 типа, осложнённого гипертонией 1А. Установлено, что использование автоматического контроля задаваемой физической нагрузки программой «TANITA», в условиях фитнеса, способствует уменьшению уровня артериального давления и глюкозы в крови. Использование в процессе фитнеса автоматического, объективного контроля физической нагрузки в реальном времени совершенствует методики оздоровительной и адаптивной физической культуры.

Ключевые слова: фитнес, гипертония, диабет, программа «TANITA».

Abstract

The possibility of correction by the method of adaptive physical culture of the state of health of men with type 2 diabetes mellitus complicated by hypertension was studied. It is established that the use of automatic control of the given physical load by the program "TANITA", in conditions of fitness, helps to reduce the level of arterial pressure and glucose in the blood. Use in the process of fitness automatic, objective control of physical activity in real time improves the methods of health and adaptive physical culture.

Keywords: fitness, diabetes, hypertension, TANITA program.

КОРРЕКЦИЯ ФИТНЕСОМ ЗДОРОВЬЯ МУЖЧИН ПРИ ЗАБОЛЕВАНИИ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ И АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТОНИЕЙ**CORRECTION FITNESS MEN'S HEALTH IN DISEASE, INSTITUTE OF DIABETES AND ARTERIAL HYPERTENSION**

Введение. В последние годы во всём мире общее число больных сахарным диабетом и выраженными общими изменениями в состоянии здоровья резко возросло и стало устойчиво занимать второе место после сердечно – сосудистых заболеваний [3,4]. И это проблема не только РФ, но проблема планетарного масштаба, согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения [1,6]. Следовательно, проблема многогранная, сложная и *актуальная*. При этом, аудитория мужчин 35–45 лет является основной и распространённой в проявлениях рецидивных состояний. Тем не менее, возможность применения тренировочных и восстановительных методик фитнеса для коррекции состояния здоровья у больных сахарным диабетом и сопутствующими заболеваниями, изучена недостаточно, что и определило цель настоящего исследования, а именно - разработку и апробацию тренировочной методики в условиях аэробных физических нагрузок в фитнесе, для больных мужчин сахарным диабетом и гипертонией 1А.

Методы и организация исследования. Все исследования проводились на базе фитнес студии премиум класса «Svelte» в Москве. Общий срок наблюдений составлял 6 месяцев в году, что связано с особенностями тренировочного цикла, а также с особенностями анализатора «TANITA». Группа испытуемых добровольцев, состоявшая из 30 мужчин в возрасте 35–45 лет, болеющих диабетом 2 типа в пределах 3-8 лет и получавших

для лечения только таблетированные препараты, способствующие понижению уровня артериального давления и сахара в крови. При этом, несмотря на лечение, уровни сахара крови и артериальное давление у испытуемых были несколько повышенными. Испытуемые были разделены на 2 группы: 1) болеющие только диабетом 2 типа - 14 человек, 2) болеющие диабетом 2 типа, ожирением и гипертонией 1А- 16 человек.

Все испытуемые самостоятельно вели унифицированный дневник больного диабетом, а также дневник больного гипертонией, что было необходимо для постоянного контроля и самоконтроля уровня сахара в крови и уровня артериального давления. Перед началом тренировки все испытуемые проходили медицинское обследование и подробный инструктаж. Фитнес-эксперт вносил коррективы для достижения максимально быстрого и правильного результата занимающегося. С помощью аэробных упражнений (прогулок на свежем воздухе (не менее 10 км в день), легкого бега, плавания, занятий на велосипеде, эллипсоиде и т.д.), можно эффективно снизить уровень сахара в крови, а также артериального давления даже у больных осложнённым диабетом с многолетним стажем. Доказано, что самая эффективная и безопасная нагрузка для организма мужчин, должна проходить при ЧСС до 130-140 ударов в минуту [2]. После каждой тренировки должен быть обязательный день отдыха.

Подготовительный этап тренировки занимал по времени 15 минут и состоял из двух частей: общая разминка и специальная. Занятие начиналась с разминки на беговой дорожке или велосипеде в зависимости от особенностей и ограничений опорно - двигательного аппарата (ОДА). Задача – активизировать функции ОДА и деятельность внутренних систем организма, поднимая ЧСС (до 120–130 уд./мин.) в течение 10 мин. Затем – гимнастика на все группы мышц в течение 5 мин, для повышения координации движений, подготовки и мобилизации мышечного аппарата, нервной системы, связочного аппарата к предстоящей физической нагрузке.

Основной этап тренировки занимал по времени 50 минут и состоял из двух частей. Первой частью основного этапа занятия являлась работа на тренажерах с незначительными свободными весами (легкие гантели, бодибары) и собственным весом. Все упражнения выполнялись друг за другом по кругу (круговая тренировка), в течение 30 мин. Сложность упражнений была незначительная. Насчитывалось 10 упражнений. Работа проходила непрерывно, в среднем темпе, от одного упражнения к другому. Рабочие веса невысокие. Количество повторений в одном подходе 12 раз. Было 3 круга, после каждого полноценный отдых в течение 5-7 мин до полного восстановления. Проводился обязательный и постоянный контроль ЧСС занимающегося во время нагрузки и отдыха. В работе круговой тренировки был использован метод многократных повторений непредельных отягощений. Во время выполнения упражнений тренером и медицинским работником отслеживалась пульсовая

зона ЧСС не более 140–145 уд./мин., выше которой нагрузку не поднимали, чтобы не допускать внезапных проявлений рецидивных симптомов здоровья занимающихся. Второй частью основного этапа занятия являлось выполнение аэробной тренировки в течение 20 мин. Она включала в себя работу на кардио - тренажере (беговую дорожку или велосипед) с заданной ЧСС (не более 40% от макс.), выше которой аэробную нагрузку не применяли. Значение макс. ЧСС высчитывалось по формуле (220–возраст = макс ЧСС и из данного значения высчитывали 40%).

Заключительный этап тренировочного занятия – заминка, длившаяся 10 минут и включавшаяся в себя ходьбу на беговой дорожке или велосипеде в зависимости от особенностей ОДА. Выполнялись упражнения на расслабление с глубоким дыханием. Восстановительный этап был направлен на более мягкий выход из основного этапа тренировки. Происходило постепенное снижение функциональной активности организма, занимающегося и стабилизация ЧСС. Затем шли дыхательные упражнения и легкая растяжка.

Полученные данные обрабатывались статистически методом Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. Проведенные наблюдения показали, что применение тренировочных занятий в указанных режимах у больных сахарным диабетом 2 типа, сопровождаемым артериальной гипертензией 1 А приводит к устойчивому снижению уровня как систолического артериального давления (САД), так и диастолического артериального давления (ДАД), а также количества сахара в крови (таблица).

Таблица. Изменения соматического статуса и артериального давления крови у испытуемых

Показатели (единицы измерения)	С диабетом 2 типа		С диабетом 2 типа и гипертензией 1А	
	начало	конец	начало	конец
Уровень сахара (ед.)	10,1 ± 1,1	7,8 ± 0,7*	11,1 ± 1,3	8,1 ± 0,5*
САД (мм. рт.ст.)	117,5 ± 5,5	112,4 ± 4,5	139,5 ± 4,2	128,1 ± 3,1
ДАД (мм. рт.ст.)	78,5 ± 3,2	75,3 ± 3,3	90,2 ± 3,1	85,4 ± 2,5

Примечание: * - p<0,05

Адаптация к нагрузке на тренажерах, должна происходить постепенно, поэтому мы рекомендуем не более 3 занятий в неделю. После каждого занятия, обязательный день отдыха. Перед нагрузкой обязательна полноценная разминка в течение 7-10 мин. Разминку можно проводить и на беговой дорожке, возможно использование велосипеда, эллипса, степпера. Затем следует основная часть тренировки. И в конце заключительная часть занятия - заминка, в течение 10 мин, при которой возможно использование дорожки и велосипеда. Основная задача заминки, снизить пульсовую зону и успокоить организм, после нагрузки. При занятиях необходимо строго контролировать пульсовую зону. При этом важно также, что чрезмерная нагрузка может вызвать резкое падение уровня сахара в крови, а также резкое повышение артериального давления и привести к тяжёлым последствиям. И это требует

внимательного контроля состояния испытуемых, на протяжении всего тренировочного занятия.

Заключение. Таким образом, результаты исследования доказывают возможность укрепления здоровья тренирующихся мужчин в возрасте 35–45 лет с наличием сахарного диабета 2 типа и сопутствующей гипертензией 1А. Это согласуется с данными литературы [5]. Также доказывается эффективность занятий физической культурой с применением анализатора тела «TANITA». Нами разработаны методические рекомендации тренеру, медицинскому работнику и занимающемуся, обеспечивающие комплексную коррекцию здоровья. Полученные при исследовании материалы пополняют теорию физической реабилитации путем обоснования структуры и содержания методики оздоровительных тренировок, обеспечивающей активизацию защитных сил организма у лиц с ослабленным здоровьем.

Литература

1. Бокарев И.Н. Сахарный диабет - М.: МИА, 2006.
2. Голованов, С.А. Коррекция здоровья мужчин с ожирением в условиях аэробных физических нагрузок / С.А. Голованов // Теория и практика физической культуры. – 2014. – № 3. – С. 57 – 61 (0.6 п.л.).
3. Дедов И.И., Петеркова В.А., Кураева Т.Д., и др. Прогнозирование и профилактика сахарного диабета в детском возрасте. / Пособие для врачей. - М.: Институт проблем управления здравоохранением, 2009. - 52 стр.
4. Смирнова О.М., Кононенко И.В., Дедов И.И. Аутоиммунный латентный сахарный диабет у взрослых. // Проблемы эндокринологии. 2008. Т. 54. №2. С. 3-7.
5. Титович Е.В. Профилактика сахарного диабета: прошлое, настоящее и будущее //

Проблемы эндокринологии - 2009. - Т. 55. - № 2. - С. 3-9.

6. WHO Bull., 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Голованов Сергей Александрович - кандидат педагогических наук, мастер - тренер премиум клуба «Svelte»

Кулькова Ирина Валерьевна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент ПИФК и С ГОУ ВПО МГПУ

Расулов Максуд Мухамеджанович - доктор медицинских наук, профессор, начальник отдела ГНЦ РФ «Государственный научно-исследовательский институт химии и технологии элементоорганических соединений».

Tamozhska I. V.

*candidate of pedagogical sciences
Kharkiv State Motor Transport College*

THE RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE ACTIVITY OF THE SCIENTIFIC AND PEDAGOGIC STAFF AT THE MEDICAL SCHOOL OF KHARKIV UNIVERSITY (1884 – 1900)

Annotation. The retrospective analysis of the activity of the scientific and pedagogic staff at the Medical School of Kharkiv University during 1884 – 1900 is fulfilled in the article. It is found out that the most part of the privat-associate professors took the independent view and they were not threatened by authorities. The attention is drawn to the fact that privat-associate professors had the ability to elaborate criticality, as witnessed by the introductory lectures and scientific works.

It is noted that they became the authors and initiators of new courses and special courses, thereby excluding stagnant phenomena of long lasting character mostly in conservative professor environment. It is emphasized that privat-associate professors gave the huge informational and scientific impulse to the educational process of Medical School.

Key words: Kharkiv University, scientific and pedagogic staff, privat-associate professors, scientific and pedagogic activity.

Problem statement. The following development of the university education in Ukraine is impracticable without progressive, competitive professor and teaching staff that is capable to intellectual and creative self-development as the basis of successful person's functioning in conditions of permanent changes. That is why the study of the experience of the scientific and pedagogic activity of the scientific and pedagogic staff of Kharkiv University during 1884 – 1900 has a great contribution for the further modernization of the higher education in Ukraine.

Analysis of the latest researches. The peculiarities of the scientific and pedagogic activity of privat-associate professors of native universities in the second half of the XIX – the beginning of the XX century were researched by M. V. Hrybovskiy, I. S. Datsenko, S. M. Kulish, I. V. Pyskunov, T. M. Popova, H. O. Sharibzhanova and others [13; 14; 15; 16; 17]. The issues of the procedure of taking up a privat-associate professor's post, legislative guaranteeing of the privat-associate professors work, the status of privat-associate professors in different universities and their relationships with the professors, quantitative composition of the privat-associate professors.

The aim of the article is to fulfill the retrospective analysis of the activity of the scientific and pedagogic staff at the Medical School of Kharkiv University during 1884 – 1900.

Presentation of the basic materials. On 19 January 1885 Privat-associate Professor of the pharmacy and pharmacognosy department of Kharkiv University A. D. Chirikov (the author of 62 scientific articles) requested the Minister of the Public Education I. D. Delianova for appointing him as a regular professor but he didn't get the reply. Almost 3,5 years he remained as an acting extraordinary professor. On 15 April 1888 he became a full extraordinary professor [1, a. 92, 180–186]. During 1881–1890 A. D. Chirikov prepared two works «Course of pharmacognosy» and «Pharmacognosy training manual for seminars with medical students» that had been republished three times. From 1891 he headed Kharkiv Pharmacological Association.

From 1878 (during 7 years) O.M. Shyltov was a privat-associate professor of the Private Pathology and Therapy of Internal Medicine department of Kharkiv University. In 1885 he was chosen to become a member of London Psychological Association for his experimental scientific work “About the long-distance will

effects". In the letter to the trustee of Kharkiv region M.S. Maksimov from 16 February 1885, he wrote that he had to endure a significant struggle with poverty as all the time neither I nor other medic privat-associate professors but one, who was in especially favourable situation, got no salary from the University.

Maybe the person, who was in especially favourable situation, was Privat-associate Professor of the Histology department M. K. Kulchinskiy. To improve his livelihood O. M. Shyltov announced about the private patient attendance: from 9:00 till 11:00 – for patients with ear, nose and throat diseases and from 19:00 till 21:00 – for the patients with neurological disorders. Thursday and Sunday were days off. In 1888 O. M. Shyltov got the extraordinary professor post [1, a. 315–315; 2].

On 12 March 1885 Privat-associate Professor M.D. Ponomariov described his state in Kharkiv University in his report to the Minister of the Public Education.

For 10 years he had taught a Childhood Diseases course (6 years the course was optional and 4 years the course was compulsory). Besides, he provided practice in Children Clinic in Kharkiv receiving little fee. M. D. Ponomariov informed the Minister about the creation of Childhood Diseases Departments in Moscow and Kazan Universities. There was no such a department in Kharkiv University, although M. D. Ponomariov grounded the necessity of the existence of Childhood Diseases Department in educational establishment in his letter to the trustee of Kharkiv region M. S. Maksimov [1, pp. 544–544].

When A. H. Podreza came back from scientific business trip that had been lasting more than four years, on 3 May 1884 he became a privat-associate professor of the Private Surgery Department of Kharkiv University. A. H. Podreza had an extensive professional experience: he was a resident of Professor V. F. Grube's surgery clinic, a surgeon during Serbian-Turkish and Russian-Turkish wars. He planned to teach private course of urogenital organs diseases and a parallel course of surgery faculty clinic. He opened his private clinic. On 22 August 1885 he wished to teach a full course of a surgery pathology and therapy to students in VII – VIII semesters (4 hours every week) and also he held practice in surgery clinic (6 hours every week). He warned the administration of the department, if there was a lack of money, he would take responsibility for the financing such an activity. His request wasn't granted. On 11 September 1885 A. H. Podrez planned to hold lectures about urogenital system but he wasn't allowed to do it. On 27 January 1886 he wanted to open a parallel course of surgery pathology, but 13 professors of the department spoke out against it. This parallel course was allowed to be held by Professor M. S. Subbotin. Only in 1887 A. H. Podrez had an opportunity to hold the course of surgery faculty clinic and urogenital organs diseases. The faculty clinic was organized to hold practice with 80 students and A. H. Podrez's clinic – for 120 students [3, pp. 9 – 35].

Kharkiv University didn't have its own children clinic until 1905 that is why Privat-associate professor

M. M. Filipov taught the course «Children's Age Surgery» in City Children's Hospital. During different years E. F. Bellin taught the courses «Physical Injuries» (2 hours per week), «Judicial Psychology», «Judicial Medical Gynecology» and others. During some of the years his teaching load was 10 hours per week. In 1881 E. F. Bellin together with Privat-associate Professor V. I. Poray-Koshits (on behalf of Kharkiv Governor P.A. Gresser) became the organizers of the Medical-Police Committee project. It was assumed that the Committee would provide activities for preventing dissemination of sexually transmitted diseases and also fight with the diseases. The cause of the dissemination of this disease at the beginning of the 80-th of XIX century was considered to be casual sexual relationships between soldiers and prostitutes [4, pp. 11, 13]. Since 22 May 1879 E. F. Bellin had worked as a senior doctor for 20 years. At the same time from 30 November 1888 he was a privat-associate professor of the Judicial Medicine of Toxicology Department. He studied the function of the sewage system in Berlin, Frankfurt am Main, Breslavl, Vienna, Paris and in Denmark cities. He was the initiator of providing such system in Kharkiv. In January 1889 E. F. Bellin presented the report «About the normal training of judicial doctors in connection with the measures of extreme necessity to improve the conditions of teaching Judicial Medicine» at the 3d Pyrogov Conference [5; 6].

From 1870 Privat-associate Professor L. L. Hirshman taught Ophthalmology with Clinic (3 hours per week) in Kharkiv University and held practice (4 hours per week). He was well-known in Western Europe for his «virtuoso» operations. But in 1880 University Academic Council refused to give an ordinary professor post to L. L. Hirshman because of the lack of money. O. I. Krasnov taught the Military-field Surgery course (3 hours per week) in Kharkiv University, S. T. Bartashevich, M. H. Zaharzhhevskiy and O. H. Hlinskiy taught Infectious and Epidemic Diseases. Privat-associate Professor I. H. Orshanskiy taught 5 courses about problems of psychiatry and anthropology.

At the end of the XIX century the Ministry of Public Education and professorship of Kharkiv University tried to engage privat-associate professors to the scientific and pedagogic activity. A lot of privat-associate professors applied for the vacant posts of departments. For example, 9 applications were submitted for the Surgical Pathology Department in 1900. The most number of white balloons – 27 were given for M. A. Sokolov from Moscow University but 23 members of the Academic Council voted against him. Despite this he Ministry of Public Education approved M. A. Sokolov as an extraordinary professor of Surgical Pathology Department.

Corresponding member of Paris Medical Academy, Associate Professor Z. I. Streltsov denied the scientific character of M. K. Kulchytckiy works (the future Minister for Public Education of Russian Empire) but Extraordinary Professor of the Therapy Department K. Z. Kuchin disagreed with this opinion. In November

1883 M. K. Kulchytskyi became a privat-associate professor of the Gistology Department in Kharkiv University [7, pp. 107, 116–125].

According to the Statute Professor O. M. Brukv headed the Systematic and Clinic Study about Skin and Syphilitic Diseases Department that was created in 1884 in Kharkiv University. The department of venereal and skin diseased with the conducting pathological anatomy dismember in morgue was opened in Kharkiv military hospital. Privat-associate professor V. I. Paray-Koshits held classes in these establishments from 1885– 1886 studying year. From September 1897 former Privat-associate Professor of syphilidology of St. Volodymir University I. F. Zelenev headed the Systematic and Clinic Study about Skin and Syphilitic Diseases Department. He initiated the creation of biochemical and bacteriological laboratory, physiotherapeutic study, waxwork workshop. In 1911 I. F. Zelenev moved to Moscow University.

Doctor of Medicine O. M. Cherevko had been a privat-associate professor of the Normal Physiology Department of Kharkiv University for 15 year. He worked in L. Paster Paris Institute, as an assistant in Bacteriological Institute of Kharkiv Medical Association and a medical practitioner. On 4 March 1893 he defended a dissertation «About the influence of big hemisphere of frontal lobe on heart and vascular system».

Professors V. P. Danevskiy, V. Ya. Kostyurin, M. K. Kulchytskyi, F. M. Openhovskiy were appointed as the official opponents for taking part in the public defence by O. M. Cherevko the dissertation «About the influence of big hemisphere of frontal lobe on heart and vascular system» (4 March 1893). They made an expert examination of the research on the basis of high principles and demands. The opponents admitted the research satisfying but made a number of comments. To their point of view, the author didn't have a common style, the material was given without the differentiation into main and secondary. There were no data about the result of the dismemberment of animals that died after the researches.

O. M. Cherevko had taught physiology in Kharkiv University for 12 years and 7 years – in the first Kharkiv Dental School. The University Medical School had given him the extraordinary professor post three times but the Academic Council didn't approve those decisions being guided by far non-scientific principles. O. M. Cherevko saw the cause of such decisions in personal dislike of professors V. P. Danevskiy and I. H. Orshanskiy whom he called left Jew-anarchists [8, a. 67; 9, c. 99–100].

The most part of privat-associate professors of Medical School started their scientific and pedagogic activity in Kharkiv University from the post of non-staff resident of school clinics. But such post didn't include payment that is why privat-associate professors had to look for additional job. They held practical classes, collected scientific materials on the theme of the dissertation and treated sick people taking into the account the recommendations of the specialists.

The typical example of the career advancement can be the ophthalmologist P. M. Barabashov biography. After having graduated from University from 1878 he held the post of non-staff resident of ophthalmologic clinic in a year he was transferred to staff. In 1883 – 1886 he was both the laboratory assistant in physiologic-chemical laboratory and from 1885 the doctor in Technological Institute. In 1889 he defended the dissertation «To the study of retina structure». Being a privat-associate professor, he opened ophthalmologic private courses in 1890. In 1903 he became a staff extraordinary professor. So, the way to the professor post took him almost 25 years [10, pp. 20–21].

In 1888 the issues about the quality of writing and organization and defence of doctor dissertations were discussed at the meeting of Medical School. It was concluded that despite the severity of requirements that an aspirant had to keep, the granted scientific degree «doesn't guarantee ... the scientific development of a doctor who applied the privat-associate professor post». Professors called the requirements that had to be set to the theme and content of the thesis *pro venia legendi*. They raised the question of fee system. The scientists pointed out that for teaching demonstrative and practical courses the payment of fee was fairer. In other cases the fee rate of the professorial-teaching staff of the Medical School had to depend only on the amount of students that attend classes but not on the scientific-pedagogic level of teaching [11, p. 3–4]. It is hard to agree with this.

Sometimes the appointment to the departments happened with the support of acquaintances, due to patronage. Thus, in January 1893 D. K. Rodzaevskiy during the meeting with the dean of the Medical School of Kharkiv University, Professor P. I. Kovalevskiy, discussed the possibility of his moving to Kharkiv. Perhaps, a convincing argument for the professor was the fact that D. K. Rodzaevskiy defended successfully the doctor's dissertation «Homeopathy as medical-philosophical system in its past and present» in 1891. On 1 June 1893 D. K. Rodzaevskiy was appointed the extraordinary professor of the Pharmacology Department of Kharkiv University. In summer 1893 he was on a foreign business trip. 20 September 1893 had the introductory lecture «About specific and ordinary modus operandi of medications» [12, pp. 3–5].

Conclusions and the perspectives of further researches. The animating debates about holding vacant posts at the Medical School of Kharkiv University by privat-associate professors took place during the Academic Council meetings. The severity to the debates added the fact that the members of the Academic Council offered their candidacies as they wanted to be chosen for the posts. The majority of votes got those who had been working in the University for a while because professors knew their level of scientific and pedagogic training and also their personal qualities that matched the scientist and teacher's status. The privat-associate professors were the initiators of the implementation of studying courses and creation of departments at the school, the organizers of Medical-Police Committee project. The fee system of privat-associate professors

who taught optional subjects remained unsatisfactory for a long time.

References

1. The case about applying vacant departments in University // RDIA in SPB, f. 733, discr. 149, c. 325. – 573 p.
2. Announcement // Kharkov regional news. – 1887. – September 15.
3. Popov M. A. Professor Appolinariy Grigiryevich Podrez, his employment and literary activity (Materials for the history of Kharkov University) / M. A. Popov. – Kh. : Steam print house and lithography M. Zilberberg and Sons, 1902. – 158 p.
4. The Report about A. S. Viazigin dispute // Notes of Emperor Kharkov University. – 1899. – B. 4. – pp. 1–6.
5. Nazarov V. Yu. Emiliy Fedorovich Bellin: the triumph and tragedy / V. Yu. Nazarov // Forensic Medicine (St. Petersburg). – 2012. – № 4. – pp. 54–57.
6. Lesovoy V. N. Emiliy Fedorovich Bellin – the bright representative of Kharkov Medical School of the XIX century. To the 160 birth anniversary / V. N. Lesovoy, Zh. N. Pertseva, V. A. Olhovskiy, Yu. N. Kravchenko // Experimental and clinic medicine (Kharkiv) [digital source]. – access mode: http://nbuv.gov.ua/UJRN/eikm_2012_2_37.
7. Popov M. A. Historical and statistic review of the Medical School of Emperor Kharkov University in 100 years. II. The Normal Anatomy Department history in relation to attached to it studying and supporting establishments / M.A. Popov. – Kh / Printing House «Publishing Business» of Earl K.N. Gagarin, 1905. – 228 p.
8. The case about professors and vacant departments of Kharkov University // RDIA in SPB, f. 733, discr. 154, c. 329. – 736 p.
9. About the dissertations defence // Notes of Emperor Kharkov University. – 1893. – B. 3. – pp. 99–117.
10. Chekanov N. A. Biographical dictionary of former pupils of First Kharkov Gymnasium. Gymnasiums over the past century from 1805 till 1905 / N.A. Chekanov. – Kh. : «Kharkov printing lithography», 1905. – VI, 442 p.
11. Discussion of the University Statute // SAKR, f. r – 5810, discr. 1, c. 141. – 13 p.
12. Popov M. A. Dometiy Konstantinovich Rodzaevskiy and his literary activity (Materials for the history of Kharkov University) / M. A. Popov. – Kh. : Kh. M. Arshavskiy's Printing lithography, 1895. – 28 p.
13. Gribovskiy M. V. Phenomena of privat-associate professorship in Russian universities at the end of XIX – the beginning of the XX centuries / M. V. Gribovskiy // Moscow State Region University Bulletin. Series «History and Political Sciences». – 2012. – № 2. – pp. 103–108.
14. Datsenko I. S. Institute of privat-associate professors and young scientists training in Russian Empire universities (the second half of the XIX – the beginning of the XX century) / I. S. Datsenko // Taras Shevchenko Kyiv National University Bulletin . History. – 2009. – Is. 98. – pp. 9–13.
15. Sharibzhanov G. O. Professor and teaching Corpus of Kharkiv University at the end of XIX – the beginning of the XX century / G. O. Sharibzhanov, S. M. Kulish // N. V. Karazin Kharkiv National University Bulliten. History of Ukraine. Ukrainian Studies : historical and philosophical sciences. – 2008, – № 835. – Is. 11. – pp. 28–38.
16. Popova T. N. Institute of privat-associate professorship in Russian Empire universities (the second half of the XIX – the beginning of the XX century) / T. N. Popova // Notes of the Historical Department of Odesa University. – 1998. – Is. 7. – pp. 122–130.
17. Piskunov I. V. The legal state of privat-associate professors of Russian universities (1803–1884) / I. V. Piskunov // Bulliten of Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series 2 : The history of Russian Orthodox Church . – 2014. – Is. 4. – pp. 98–116.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Lytvyn Andriana

*lecturer of the department of Ukrainian and Foreign Languages
Lviv State University of Physical Culture*

LINGUOCULTURAL PARAMETERS OF ENGLISH INNOVATIVE VOCABULARY IN THE FIELD OF SPORTS AND TOURISM

Summary: The article is devoted to the study of linguocultural parameters of the English innovative vocabulary in sports and tourism field. The problem of language and culture similarities and differences has been revealed. The linguocultural parameters of sports and tourism vocabulary have been grouped. The analysis of the stylistic features of sports and tourism lexical units has resulted in demonstration the phenomenon of lexico-semantic divergence between British and American English. The groups of divergent oppositions have been singled out.

Key words: linguoculture, innovation, vocabulary, divergence, sports tourism discourse.

Intoroduction. The phenomenon of sports and tourism is disclosed in sports tourism discourse. The main feature of sports tourism discourse is determined by the following aspects: a) entertainment; b) overcoming the difficulties (physical or psychological stress); c) broadening the outlook (exploring historical and cultural sights); d) popularity and attractiveness; e) getting new emotions while watching spectacular events.

Researchers indicate the existence of at least three areas of discourse: *linguistic*, which means interpretation of discourse in relation to speech, text, dialogue; *publicistic*, which stands for correlation associated with individual style and language; *philosophical and sociological discourse*, which suggests rational and critical evaluation of values, norms and rules of social life through communication [2, p. 15-16]. However, as it is noted by O. H. Malysheva, a factor that complicates the understanding of the term “discourse” is that all the above areas are complementary and interactive.

We are imposed with the idea that discourse is a pragmatic communicative event of sociocultural nature. When supporting the idea of other researchers, O. H. Malysheva defines discourse as a kind of semantic combination of linguistic forms, knowledge and pragmatic aspects of communicative situation, a social and cultural tradition of communication and a system of communication. The scientist also notes that when studying the discourse researchers investigate its ontological features. Albeit the majority of definitions of the term “discourse” are wide enough they are difficult to use when describing specific types of discourse [2, p. 16].

Results and Discussion. Researchers advance the hypothesis that while analyzing discourse one can find out linguocultural parameters of vocabulary. One of the most important aspects that help to research the phenomenon of sports and tourism in depth is to research these parameters which represent cultural specifics through sport and tourism discourse.

The linguocultural parameters of sports and tourism vocabulary includes the following groups: 1) a group which combines all kinds of agents who do sports tourism action (“participants”); 2) a group that describes an action typical for sports tourism (“movement”, “entertainment”); 3) a group that indicates the

means by which an action is performed (“equipment”); 4) a group that describes a place where the action is performed (“place”, “nature”).

It is known that language is a way to penetrate into mentality of people and their culture. It is also believed that language is able to tell people more than they know about themselves. The issue about language and culture riveted attention of many researchers: V. Humboldt, O. A. Potebnia, V. A. Maslova. Scientists are of the opinion that the structure of language can be compared with the structure of reality. Language is a feature of culture because culture is materialized through linguistic and communicative ability of man, and thus this phenomenon helps us to reflect reality. In turn, culture is a component of language, because the whole culture is reflected through the prism of language. However some researchers claim that although language and culture are semiotic systems and have common features, they also have different characteristics. By common features of language and culture the following is considered: a) language and culture are forms of consciousness that reflect people’s knowledge of the world; b) culture and language are interconnected; c) the subject of of language and culture study is a person or society; d) language and culture have inherent normativity; e) historicism is a common feature for language and culture; e) both language and culture have inherent antinomy “dynamics – statics”. Language and culture are interrelated within communicative processes as well as in ontogenesis (language usage), and in the phylogenesis (means of communication). The difference between culture and language is the following: a) language focuses on mass usage, while culture is valued by its elitism; b) although culture is a sign system, it does not tend to organize itself; c) language and culture are different semiotic systems. Thus, culture is not isomorphic (fully consistent) but homomorphic (similar by structure) with respect to language [3, p. 54].

Since the relationship of language and culture is a multidimensional phenomenon, there are several approaches to explain this relationship. The essence of the first approach is the interpretation of language as a reflection of culture. Therefore changes in national cultural stereotypes cause changes in language. The sec-

ond approach which advocates a school of Edward Sapir and Benjamin Whorf is the hypothesis of linguistic relativity. The basis of this hypothesis lies in the idea that people understand the world differently, that is through the prism of their mother tongue. Although this theory has been supported by many researchers, there is a criticism of this hypothesis as well. The next approach is the theory that language is a fact of culture which is being passed down from generation to generation; language is a means by which we master culture and only due to language we can interpret culture. Consequently, to understand the phenomenon of culture one can only through analyzing language [3, p. 55 – 57]. We agree with the idea that language is only the result of the reflection of the world, but not a self-sufficient unit that can make the world.

Thanks to culture, a national-cultural component of communication is formed. Researchers note that the national-cultural component is formed in the process of socialization. It is a part of cultural competence and it defines national identity of people. This component is also able to identify national specifics of mental and lingual characteristics of the community. This phenomenon helps to distinguish the features of the national character, consciousness and experience of people [1, p. 42].

It should be noted that in the mind of a person there is a certain individual set of knowledge about the world. However the core of this knowledge is formed by social knowledge of the world which results in the formation of stereotypes. The set of knowledge which relates to the national cognitive base is called precedent phenomenon. There are verbal and nonverbal precedent phenomena. Verbal precedent phenomena include verbal units and texts which reflect linguistic and mental activity. Nonverbal precedent phenomena are represented in musical, architectural, artistic and sculptural work [1, p. 44]. In our work, we research verbal precedents that allow us to penetrate into the national consciousness of English native speakers through the language.

We explain precedent phenomena in sports tourism in the light of the precedent situation, precedent text and precedent expression. Precedent situation is an ideal or reference situation which has a set of connotations that are formed in the cognitive base of people [1, p. 47]. Precedent text is a complete and self-sufficient linguistic and intellectual activity the components of which are not able to disclose its meaning completely. The meaning of precedent text is familiar to almost every member of the national linguistic and cultural community. The use of precedent text in speech is associated with the use of precedent expressions or names that are associated with the precedent texts. By precedent texts we mean texts of fiction, lyrics, political journalistic texts, jokes [1, p. 42]. In the area of sports tourism precedent texts can be found in advertisements of tourist attractions and itineraries. Precedent expression is a product of linguistic and mental activity. Precedent expression is a complete unit, in which the number of components do not correspond to its whole meaning. Typically, the meaning is broader. The examples of

precedent phenomena are quotations from texts and saying [1, p. 48].

Scientists distinguish certain groups of precedent phenomena. They are social, national and universal precedent phenomena. Social precedent phenomena are known by almost all members of society. This type of phenomena include extra information that may not belong to the national and cultural heritage. Unlike social precedent phenomena national precedent phenomena form cognitive base of people's world perception. Universal precedent phenomena belong to the overall universal cognitive basis and are considered to be a little hypothetical [1, p. 51]. However the limits of the above mentioned phenomena may change or they can be united.

Storage and transmission of the information are the main components of the language sign; they perform communicative function. That is why people are subjects of sociological life, and should be studied in the light of cultural traditions.

A lot of researchers considered the issue of cultural and linguistic identity. They developed three structural levels, which exhaustively explain the phenomenon of linguistic identity. The first level is verbal and semantic. It determines the level of proficiency. The second level is cognitive; it displays individual language model of the world and culture; the third level is pragmatic – it includes identification and characterization of the motives and objectives that promote linguistic identity.

Researchers emphasize that linguistic identity consists of three aspects: ideological, cultural and personal. Ideological component lies in the interpretation of the world with the means of language and in the formation of the world model that helps to form national character. Culturological approach is associated with the efficiency of culture assimilation that is an effective means when learning a foreign language. This phenomenon helps to avoid misunderstandings that can arise due to the ignorance of the special features of a culture. Personal component is the internal content of man [3, p. 109].

Scientists claim that linguistic identity can be studied by analyzing person's vocabulary. This will determine person's position in society, his/her education, nature, gender. The researchers note that linguistic identity is a social phenomenon that is filled with an individual aspect. The individual aspect of linguistic identity is formed through the inner connection to language and through the establishment of personal language meanings. However, some researchers state that an individual aspect is not able to influence the formation of linguistic traditions.

It is known that there are different ways to get to know the reality as well as to understand it. They are metaphorical, metonymic and rational ways. All these ways are based on methods of logical perception. In order to learn the fragments of the world picture it is necessary to analyze how exactly the above mentioned ways help to understand the world. Metaphoric models can objectify the phenomenon, depending on the specific way of understanding its content. Metaphorical model is a two-component cognitive structure where

the relationship between its components is based on the principles of similarity.

Detailed exploration of metaphor in the sphere of sports tourism allows us to highlight the existence of a national-cultural connotation. The content of the national-cultural connotation is a correlation between a language sign and a certain cultural code that is specific for a particular community. To know the meaning of a cultural code is a key to the correct interpretation of a culture, which is represented in the phenomenon. Since a person is always under the influence of their culture, the culture affects the person's personality. Significant cultural information is embodied in the meaning of a linguistic unit [4, p. 92 – 93].

In the vocabulary of any language there are some main layers of vocabulary which can introduce the main feature of national culture. Typically, national culture is revealed through the prism of realia that reflect daily life, customs, traditions, environment, political situation in the country. The realia are associated with national legends, folk art, cultural and historical associations. Thus, the word embodies the process of thinking and reflects extra-linguistic reality.

It is important to note that in order to interpret any foreign text correctly one should learn national cultural backgrounds of a source text. The national and cultural background can be identified through objective reality. In the sphere of sports tourism we can see that a great part of vocabulary is international. In other words, it is known beyond a single country. Such vocabulary is called non-equivalent: *snowboarding*, *wakeboarding*, *sky-surfing*, *planking*, *bobsleigh*. Such words are usually denotative and include denotative realia. These realia have no verbal equivalents in other languages dictionaries as well as there are no lexical units that would nominate them (as they do not exist in other socio-cultural community). Therefore, such lexical units enter the vocabulary of a language by the way of borrowing or descriptive translation. However, connotative vocabulary consists with the words that carry a certain emotional and aesthetic value and reflect people's identity.

Researchers believe that if to compare lexical units of different languages and different variants of the same language, it will turn out that the semantic structure of such units includes phenomenal and non-phenomenal semantic elements. Non-phenomenal semantic elements form lexical background. Lexical background is wider than lexical meaning. Thus the words can be equivalent on the level of lexical meaning and non-equivalent on the level of lexical background [4, p. 96]. In terms of lexical background all national variants of the English language are divided into three groups: a) units that are not equivalent in only one variant; b) units with additional connotative meanings; c) units with the opposite meanings. Denotative realities clearly demonstrate national culture. However it is worth noting that words in different language variants may have additional meaning due to national and cultural factors of a target language [4, p. 101].

Since all the words cannot be fully equivalent, there is a need of univerbalization. During the process of univerbalization the principle of language economy is taken into account. According to this principle the

important indicators of culture are nominated by lexical units, however, less important phenomena are nominated by phrases. If the phenomenon that is nominated by a phrase acquires a social importance and becomes frequently used, the phrase may be replaced by one word: *scooter riding* – *scootering*. Formation of univerbalized units helps to fill the gaps in local language variants. Scientists call such gaps "lacunas". They admit that lacunas can exist not only in the lexical system of different languages but within the lexical system itself, namely in the variants of a language [4, p. 103].

An absolute measure of lexical units to belong to a particular language variant is that the unit does not have a one-word equivalent in the other variants but can be described by synonyms. Such lexical units are called nationally marked units. However, it should be noted that nationally marked lexical units form fairly thin layer of vocabulary in comparison to common English words. In terms of researchers' ideas common English words are lexical-semantic units that are used in all variants of English and have an identical extralinguistic correlation.

Although a small amount of national marked units fails to form a significant layer of vocabulary, it effectively reveals national cultural content of a social group. Thus, each variant contains certain spheres where national marked items can be clearly identified. One of these spheres is a sphere of sports tourism which manifests itself in the light of strong sporting spirit, the drive to experience extremism and new feelings.

Sports tourism is developing rapidly worldwide. However, most active followers of sports tourism are considered to be residents of the UK and the US. It is not surprising that the word stock of sports tourism sphere is formed with lexical units of British and American English. While analyzing new words in sports tourism, we took into account parameters such as lexical nomination, pronunciation, logical correlation, stylistic and emotional features. We have found that there are differences in pronunciation of new words in the above mentioned variants: *bellyboarding*, *bobsleigh*, *bodyboarding*, *coasteering*, *mountainboarding*, *skimboarding*, *sky-surfing*, *slacklining*, *snowboarding*, *zorbing*. A small number of neologisms has different lexical nomination: *canyoning* (BrE) – *canyoneering* (AmE), *labour tourist* (BrE) – *labor tourist* (AmE), *silent traveller* (BrE) – *silent traveler* (AmE), *walkover* (BrE) – *walkaway* (AmE).

Through the analysis of stylistic characteristics of lexical units in sports tourism sphere we have identified the phenomenon of lexical-semantic divergence in British and American English. This phenomenon is associated with the development of the semantic structure of English lexical units. The most typical form of semantic changes in case of divergence is the idea of narrowing the meaning. Unlike British lexical units which describe general phenomena in the field of sports tourism, lexical divergent units in American English have additional senses that have racist and discriminatory meanings. Thus, the lexeme *brodog* (a young boy who loves watching sport games and spends time in the bar with other like-minded young people) defines a young mus-

cular boy who calls himself a “bro” and is actively engaged in either doing or playing sports. This lexical unit also indicates a young boy who spends a lot of time with female friends. A neologism *cliff diving* (diving from a height of rock) denotes a dance performance while hiking. A new word *fit-shaming* (online photographs’ repost of people who play sports) in American English denotes a situation when people with low self-esteem criticize those who are actively involved in sports and lead healthy lifestyles. In fact, this behaviour is fueled with the need to justify passivity and laziness. The word *glamping* (a light form of hiking) in American English means “glamorous camping” which is specially organized for nasty rich women who pay the others for making their holiday comfortable. A lexeme *gutter bunny* (a person who goes to work by bicycle) indicates an offensive term for a dishevelled, promiscuous woman. This term also nominates a person who considers himself or herself to be an expert in everything, but actually he/she is not. A neologism *meanderthal* (a person who likes walking) denotes a driver whose behaviour is difficult to predict because he/she moves very slowly and does not turn on any signals. A lexical unit *jet-skiing* (riding a water bike) in American English nominates a situation when a person loses consciousness because of excessive alcohol intake and is taken home drunk. A new word *parkour* (to run, to jump over the high objects and to overcome urban obstacles) means to copy the movements of Mario, a video game character. A lexical unit *salmoning* (cycling in the opposite direction to the overall traffic) nominates a person who runs away from the problems that occur in his/her life. This nomination was formed on the basis of association with the behaviour of a salmon fish (English *salmon*). A neologism *whitewash* (a loss with no result to score in the opponent’s goal) in American English nominates a person who tends to be like the one of European culture and European lifestyle. A lexical unit *yogi* (a self-portrait taken during yoga) has several meanings. It is a person who practices yoga or who is a spiritual mentor. In addition, this neologism is used in golf where it nominates a player who is obsessed with this game.

Analysis of the above mentioned neologisms has shown that in American English a large number of divergent units of the have been formed by the means of transnomination. Typically, transnomination is effectuated by metaphorical rethinking of reality. Metaphorization can be subjective and objective. In fact, the researchers identify two groups of diverging in American English: a) American lexical units which were formed on the basis of objective nomination and b) American lexical units which were formed on the basis of subjective nomination [4, p. 112]. The first group is typical throughout the history of the formation of American lexical units. Instead, the second group is typical for the later period of the American lexical units’ formation.

The analysis of the neologisms in the sphere of sports tourism has elucidated the fact that diverging in American English carries subjective characteristics. The metaphorical correlation between units of the British English and divergent units of the American variant is based on associations and is formed on the subjective perception of the reality (*fit-shaming, glamping, gutter bunny, whitewash, yogi*) as well as on similarities in the structure of action performance: (*parkour, salmoning*).

In order to study the meanings of divergent units in full we have researched locally marked features. A locally marked feature is the meaning of a lexical unit which was formed as a result of semantic derivation. Semantic derivation is based on metaphorical and metonymical rethinking of the meaning, its specialization and generalization. It is believed that divergent units are able to contain different schemes of locally marked features. There are three groups of divergent oppositions. The first group includes units with locally marked features typical for only American English. The second group consists of the locally marked units which have lexical-semantic equivalents which are more common for the English language. Finally, the third group of locally marked units contains units that do not have any equivalents used in common English [4, p. 113 – 114].

Conclusion. We have found that divergent neologisms are typically used in American English and they do not belong to common English vocabulary. This phenomenon is due to the fact that the meaning of a neologism has dominant character in contrast to its divergent unit. In the sphere of sports tourism lexical-semantic meaning of divergent units is quite diverse and carries emotionally expressive character.

References

- 1) Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsykhohlinhivistyka i linhvokul'turolohiyi: Kurs leksij* [Ethno psycholinguistics and cultural linguistics: Course of lectures]. Moscow, Hnozy Publ., 284 p.
- 2) Malysheva, E. H. (2011). *Russkyj sportyvnyj dyskurs : teoryia i metodolohyia linhvokohnityvnoho issledovanyia*. Dokt, Diss. Avtoreferat [Russian sports discourse : theory and methodology of the lingvocognitive study. Doct. Diss. Abstract]. Omsk, 26 p.
- 3) Maslova, V. A. (2001) *Linhvokul'turolohyia* [Cultural linguistics]. Moscow, Academy, 208 p.
- 4) Oschepkova, V. V. (2004). *Yazyk i kul'tura Velykobrytanyy, SShA, Kanady, Avstralyy, Novoj Zelandyy* [Language and culture of the UK, the USA, Canada, Australia, New Zealand]. Moscow, HPOSSA/KARO, 336 p.
- 5) Tom Hinch, James Higham. Sports tourism Development. Second edition. Available at : <http://books.google.com.ua>. (Accessed 7 July 2016).
- 6) Urban Dictionary. Available at : <http://www.urbandictionary.com>. (Accessed 7 July 2016).

Bozhko O.S.*aspirant of the department of English language and methods of its teaching
Kherson State University***Божко Олена Сергіївна***аспірантка кафедри англійської мови та методики її викладання
Херсонський державний університет*

КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ АТМОСФЕРИ САСПЕНС ЖАНРУ ХОРРОР THE CONCEPTUALIZATION OF THE SUSPENSE ATMOSPHERE IN THE HORROR GENRE

Summary: The article is focuses on the formation the suspense atmosphere in the horror genre. It was formed the conceptual-value plane of the suspense conceptual space and were determined the certain features of its formation. The National Cultural knowledge of the «suspense» phenomenon in the horror genre removed by the framing the value conceptual plane that are formed by five parcels. It is established that the causes of the foramtion the suspense atmosphere of the horror genre, are, first of all, beyondworld forces with their frightening signs and threatening actions, causing changes in the emotional, psychophysiological or physical condition of artistic characters, among which changes in the psycho-physiological state are the most striking, which support the recipient in an emotional state of intense expectation. The association (national-ethnic and author's) of the «suspense» phenomenon in the horror fiction genre are solved by modeling the image-plane value suspense conceptual space, which is represented as a set of the conceptual metaphors – basic and poetically reconsidered.

Key words: concept, suspense atmosphere, horror genre, domain, parcel.

Анотація: Статтю присвячено дослідженню концептуалізації атмосфери саспенс жанру хоррор. Сформовано поняттєво-ціннісну площину концептуального простору саспенс та визначені особливості її формування. Національно-культурне знання щодо явища «саспенс» у художніх творах жанру хоррор вилучено шляхом фреймового моделювання поняттєво-ціннісної площини концептуального простору, сформованої п'ятьма парцелами. Встановлено, що причинами створення атмосфери саспенс, є насамперед потойбічні сили, які своїми страхітливими ознаками і загрозливими діями спричиняють зміни емоційного, психофізіологічного або фізичного стану художніх персонажів, серед яких зміни психофізіологічного стану є найбільш яскравими, що підтримує реципієнта художнього твору в емоційному стані напруженого очікування. Асоціації (національно-етнічні й авторські) щодо явища «саспенс» у художніх творах жанру хоррор розкрито шляхом моделювання образно-ціннісної площини концептуального простору саспенс, яку представлено як набір концептуальних метафор – базових і поетично переосмислених.

Ключеві слова: концепт, атмосфера саспенс, жанр хоррор, домен, парцела.

Постановка проблеми. Експлікація глибинного, концептуального змісту художніх творів жанру хоррор стає можливою у результаті здійснення поетико-когнітивного аналізу напружено маркованих контекстів, виокремлених із досліджуваних художніх творів, у напрямку концепт – концептуальна схема – смисл, що передбачає ідентифікацію художніх концептів атмосфери саспенс і моделювання концептуальної системи художніх творів жанру хоррор, а також побудову концептуального простору атмосфери саспенс як багаторівневого когнітивно-семіотичного конструктору, який складається з поняттєво-ціннісної та образно-ціннісної площини.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Ідентифікація художніх концептів атмосфери саспенс здійснюється шляхом семантико-когнітивного аналізу вербальних репрезентантів атмосфери саспенс із залученням методики реконструкції та ідентифікації художніх концептів, розробленої В. Г. Ніконовою [2, с.3; 3, с.113] та апробованої у ряді дисертаційних досліджень (див., приміром, [1], [4], [5] та ін.). Різномірні вербальні репрезентанти атмосфери саспенс – слова (проста лексична номінація), словосполучення (комполитна лексична номінація) і фрагменти тексту (дискурсивна лексична номінація) – потребують різні стратегії у процесі ідентифікації художніх концептів атмосфери саспенс, які

враховують різні типи зв'язків – семантичні або асоціативні – між імовірним іменем художнього концепту та його вербальним репрезентантом.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Жанрова своєрідність художніх творів жанру хоррор зумовлює специфіку когнітивного стилю письменників, особливості їхнього поетичного мислення, бачення й інтерпретації світу. Реконструкція глибинних смислів художніх творів жанру хоррор потребує осмислення, інтерпретації й абстрагування семантичних ознак вербальних репрезентантів атмосфери саспенс, вилучених у напружено маркованих контекстах із проаналізованих художніх творів жанру хоррор, що передбачає структурування отриманих знань у вигляді художніх концептів атмосфери саспенс (далі ХКАС) як ментальних одиниць авторського пізнання й естетично-ціннісного осмислення світу, детермінованого вимогами жанру хоррор.

Формулювання задач статті. Визначити особливості формування семантичних та асоціативних зв'язків, охарактеризувати концептуальні домени «Причини атмосфери саспенс» та «Наслідки атмосфери саспенс».

Виклад основного матеріалу. Моделювання поняттєво-ціннісної площини концептуального

простору SUSPENSE «САСПЕНС» здійснюється у вигляді фрейму як структури даних, що утворена слотами (смысловими компонентами) і дугами (смысловими зв'язками між смысловими компонентами). Системна сукупність художніх концептів уможливує структурування ментальних одиниць вищого рівня абстракції – п'ять парцел як угруповань художніх концептів і двох концептуальних доменів (далі КД) – концептуальних сфер найвищого рівня абстракції, які складаються з парцел як сукупності художніх концептів атмосфери саспенс – КД «Причини атмосфери саспенс» і КД «Наслідки атмосфери саспенс».

Семантичні зв'язки встановлюються між імовірним іменем художнього концепту та його вербальним репрезентантом, вираженим лексичним засобом простої номінації предметності (іменникова номінація), ознаковості (прикметникова, прислівникова і дієприкметникова номінація) і процесуальності (дієслівна і дієприкметникова номінація), і визначаються на основі відношень ідентичності / тотожності, відношень аналогічності / схожості / подібності, гіперо-гіпонімічних (родо-видових) відношень і причиново-наслідкових відношень.

Залежно від характеру семантичних відношень і типу ВРАС за лексико-граматичними параметрами і компонентним складом розрізняємо прямі і непрямі семантичні зв'язки.

Прямі семантичні зв'язки визначаються між імовірним іменем художнього концепту та іменниковим ВРАС (проста предметна номінація) на основі різних семантичних відношень.

Непрямі семантичні зв'язки встановлюються між імовірним іменем художнього концепту та його вербальним репрезентантом, вираженим однокореневим словом, що належить до іншої частини мови, тобто є засобом або простої процесуальної (дієслово, прикметник, дієприкметник), або ознакової (прикметник, прислівник, дієприкметник) номінації.

Асоціативні зв'язки встановлюються між імовірним іменем художнього концепту та його вербальним репрезентантом, вираженим різними засобами лексичної номінації.

За аналогією з моделлю концепту, у якій визначають різні складники (компоненти, шари, модули) залежно від предмета й об'єкта наукового пошуку, у моделі концептуального простору SUSPENSE «САСПЕНС» виділяємо дві площини – поняттєво-ціннісну й образно-ціннісну, процедури моделювання яких є різними, що багато в чому зумовлено характером художньої інформації у досліджуваних художніх творах, детермінованої вимогами жанру хоррор.

Серед двох концептуальних доменів КД «Причини атмосфери саспенс» є менш репрезентативним за кількістю художніх концептів у його складі, ніж КД «Наслідки атмосфери саспенс». Він складається з двох парцел – «Надприродне явище» і «Природне явище».

Парцела «Надприродне явище» вирізняється серед двох парцел, визначених у складі КД «Причини атмосфери саспенс», найбільшою кількістю напружено маркованих контекстів, у яких реконструйовано ХКАС парцели «Надприродне явище», а саме: А THING «ЩОСЬ», DEMON «ДЕМОН», DEVIL «ДИЯВОЛ», MONSTER «МОНСТР», VAMPIRE «ВАМПІР», SATAN «САТАНА», GHOST «ПРИВИД».

ХКАС, які формують парцелу «Надприродне явище», реконструйовано шляхом семантико-когнітивного аналізу лексичних засобів простої номінації на основі прямих і непрямих семантичних відношень між іменем ХКАС та його вербальним репрезентантом, а саме:

→ лексичними засобами простої номінації предметності (іменникова номінація) на основі прямих семантичних відношень ідентичності (тотожності) між іменем ХКАС та його іменниковим ВРАС, наприклад, ХКАС DEMON «ДЕМОН» у пропозитивному НМК з роману В. Блаті «*Вигнання диявола*» (W. P. Blatty *The Exorcist*): *Chris flinched at a sound from above, at the voice of the demon, booming and yet muffled, croaking, like amplified premature burial* [7]; ХКАС MONSTER «МОНСТР» у комплексному НМК з роману Дж. Блеквуда «*Лялька*» (J. Blackwood *The Doll*): *She watched for a few seconds thunderstruck, and then suddenly realised with a shock of utter horror that this small, purposive monster was the doll, Monica's doll! And this doll was moving towards her across the tumbled surface of the counterpane. It was coming in her direction – straight at her* [6];

→ лексичними засобами простої номінації ознаковості (прикметникова номінація) на основі непрямих семантичних відношень між іменем ХКАС та його прикметниковим ВРАС, вираженим однокореневим словом, наприклад, ВРАС *demoniac* «демонічний» → ХКАС DEMON «ДЕМОН»: *When the Count saw my face, his eyes blazed with a sort of demoniac fury, and he suddenly made a grab at my throat* [14]; ВРАС *devilish* «диявольський» → ХКАС DEVIL «ДИЯВОЛ»: *His eyes flamed red with devilish passion* [14].

Додаткових пояснень потребує ХКАС А THING «ЩОСЬ», ідентифікований на основі прямих семантичних зв'язків ідентичності (тотожності) з лексичним засобом простої категоріальної номінації предметності – іменником *a thing* «предмет, річ, об'єкт», значення якого конкретизується у контексті, що зумовлює його тлумачення як «щось». Незважаючи на відсутність будь-якого компоненту конотації у семантиці зазначеного ВРАС, негативний зміст ХКАС А THING «ЩОСЬ» детерміновано:

→ лексичними засобами диференційної прикметникової номінації ознаковості, наприклад, негативний ВРАС *damn* «проклятий!» надає негативне забарвлення ХКАС А THING «ЩОСЬ»: *He heard the damn thing shrieking as it was hurled across the room, and then heard the shriek cut off abruptly as it thudded hard against the far wall, perhaps hard enough to snap its spine. But he didn't see it hit the plaster, because in the process of freeing himself from the drape, he pulled*

the brass rod out of its supports, and the entire assemblage – rod and two panels of material, trailing cords – fell on him [10];

→ змістом усього ситуативного НМК, у якому цей концепт реконструйовано, і набуває або різко негативної оцінки, або негативної емотивності, або негативної образності, наприклад: *The thing in the coffin writhed, and a hideous, blood-curdling screech came from the opened red lips. The body shook and quivered and twisted in wild contortions. The sharp white teeth champed together till the lips were cut, and the mouth was smeared with a crimson foam* [14].

Вербальна репрезентація ХКАС парцели «Надприродне явище» здійснюється ВРАС, які є різними за своїми лексико-граматичними параметрами, компонентним складом і типом значення, а саме:

→ лексичними засобами простої диференційної (з негативною оцінкою) іменникової номінації предметності, наприклад, ВРАС *vampire* «вампір» → ХКАС *VAMPIRE* «ВАМПИР»: *One of those big bats that they call vampires had got at her in the night, and what with his gorge and the vein left open, there wasn't enough blood in her to let her stand up, and I had to put a bullet through her as she lay. Jack, if you may tell me without betraying confidence, Arthur was the first, is not that so?* [14];

→ лексичними засобами композитної категоріальної лексичної номінації предметності, наприклад, опис зовнішності вампіра (ХКАС *VAMPIRE* «ВАМПИР») у комплексному НМК із роману Б. Стоусера «Дракула» (B. Stoker *Dracula*) – *Her breathing grew stertorous, the mouth opened, and the pale gums, drawn back, made the teeth look longer and sharper than ever. In a sort of sleep-waking, vague, unconscious way she opened her eyes, which were now dull and hard at once, and said in a soft, voluptuous voice, such as I had never heard from her lips, «Arthur! Oh, my love, I am so glad you have come! Kiss me!»* [14] – здійснюється іменниковими засобами категоріальної номінації *breathing* «дихання», *mouth* «рот», *teeth* «зуби», *eyes* «очі» і *voice* «голос» у поєднанні із засобами диференційної номінації ознаковості;

→ лексичними засобами композитної диференційної номінації процесуальності, наприклад, у комплексному НМК із роману Д. Кунца «Тік-так» (D. Koontz *Tick Tock*) – *As the bone-piercing shriek trailed into a snarl and then into an industrious grumble, Tommy heard the demon pounding-straining-clawing, and metal creaked against metal. He couldn't see into the dark undercarriage, but he sensed that the mini-kin was temporarily trapped in the tangled wreckage and struggling furiously to pry itself free <...> A wet guttural snarl issued from the mini-kin, and it gnashed its teeth, trying to bite his fingers, striving to sink its claws into him again* [10]. – вербальна репрезентація ХКАС *DEMON* «ДЕМОН» здійснюється дієсловами (*it gnashed its teeth* «він скреготав зубами») і дієприкметниками (*the demon pounding-straining-clawing* «демон стукав, напружувався, дряпав», *struggling furiously to pry itself free* «щосили намагався звільнитися», *trying to bite his fingers* «намагаючись вкусити його пальці», *striving to sink its claws into him again* «прагнути знову запустити свої кігті

в нього») як засобами композитної номінації процесуальності.

Вербальна репрезентація ХКАС парцели «Надприродне явище», яка здійснюється засобами композитної лексичної номінації ознаковості, у складі яких лексичні одиниці категоріальної номінації предметності поєднуються із прикметниковими або дієприкметниковими засобами диференційної (експресивно-оцінної, експресивно-емотивної або образної) номінації ознаковості, номінує негативні характеристики зовнішнього вигляду і дій якогось надприродного явища (демона, вампірів, монстрів, привидів тощо), що створює ситуацію напруженого очікування, чим спричиняє атмосферу саспенс для художніх персонажів і, відповідно, для реципієнтів (читачів) художніх творів жанру хоррор. Наприклад, стан недовіри й жаху (*unbelieving yet horrified ears*) художнього персонажа із роману Дж. Блеквуда «Лялька» (J. Blackwood *The Doll*) спричинив вигляд ляльки, яка виявилася монстром (ХКАС *MONSTER* «МОНСТР»), що описано у ситуативному НМК – *In which moment, to Madame Jodzka's unbelieving yet horrified ears, it continued to squeak and utter. It went on mouthing by itself. Worse than that, the next instant it stood abruptly upright, rising on its twisted legs. It started moving. It began to move, walking crookedly, across the counterpane. Its glassy, sightless eyes seemed to look straight at her. It presented an inhuman and appalling picture, a picture of the utterly incredible. With a queer, hoppity motion of its broken legs and joints, it came fumbling and tumbling across the rough unevenness of the slippery counterpane towards her. Its appearance was deliberate and aggressive. The sounds, as of syllables, came with it – strange, meaningless syllables that yet managed to convey anger. It stumbled towards her like a living thing* [6]. Вербальну репрезентацію ХКАС *MONSTER* «МОНСТР» здійснюють засоби композитної лексичної номінації ознаковості за моделями: P1 + N і P2 + N (*unbelieving yet horrified ears*); P2 + N (*twisted legs*); A + N (*glassy, sightless eyes*); P2 + N (*broken legs*); A + N (*appearance was deliberate and aggressive*).

Значна контекстна репрезентативність ХКАС парцели «Надприродне явище» демонструє, що опис відштовхуючих ознак потойбічних сил (композитна лексична номінація ознаковості) та їхніх небезпечних, агресивних дій (композитна лексична номінація процесуальності) спричиняє атмосферу саспенс, що зумовлюється вимогами цього жанру. Неспроможність людського розуму надати будь-яких логічних пояснень надприродним можливостям потойбічних сил або осягнути те, що відбувається перед очима, викликає страх і напружене очікування якогось лиха, тобто створює атмосферу саспенс у художніх творах цього жанру.

Парцела «Природне явище», порівняно з парцелюю «Надприродне явище», характеризується значно більшою кількістю художніх концептів атмосфери саспенс, а саме: *THUNDER* «ГРОЗА», *LIGHTNING* «БЛИСКАВКИ», *RAIN* «ДОЩ», *STORM* «ШТОРМ», *MIST* «ТУМАН», *TEMPEST* «БУРЯ», *SKY* «НЕБО», *WIND* «ВІТЕР», *CLOUD* «ХМАРА», *WAVES*

«ХВИЛІ», WATER-CYCLONE «ЦИКЛОН», AIR «ПОВІТРЯ», AN ODOUR «ТЯЖКИЙ ЗАПАХ», DOWNPOUR «ЛИВЕНЬ», SEA «МОРЕ», MOON «ЛУНА», RIVER «РІКА», STAR «ЗІРКА», TWILIGHT «СУТІНКИ», WATER «ВОДА», RAVEN «ВОРОН», MOUNTAIN «ГОРА», WOODS «ЛІС», EARTH «ЗЕМЛЯ».

Ідентифікація ВРАС парцели «Природне явище» здійснюється лише на основі прямих семантичних відношень ідентичності (тотожності) між іменем ХКАС та його іменниковим ВРАС, наприклад, ВРАС WATER-CYCLONE «ЦИКЛОН» і LIGHTNING «БЛИСКАВКИ»: *Watching the water-cyclone was hypnotic. It was nearly on top of us when lightning, flashed so brightly that it printed everything on my eyes in negative for thirty seconds afterward* [9]; ВРАС LIGHTNING «БЛИСКАВКИ», WAVES «ХВИЛІ» і MOUNTAIN «ГОРА»: *A single lightning-bolt shot from the purple zenith to the altar-stone, and a great tidal wave of viewless force and indescribable stench swept down from the hill to all the countryside. Trees, grass, and underbrush were whipped into a fury; and the frightened crowd at the mountain's base, weakened by the lethal foetor that seemed about to asphyxiate them, were almost hurled off their feet* [12].

Оскільки вербальними репрезентантами ВРАС парцели «Природне явище» слугують засоби **категоріальної** лексичної номінації, позбавлені будь-яких конотативних значень, у текстовому фрагменті – пропозитивному, комплексному або ситуативному НМК, вилученому із художніх творів жанру хоррор, вони вживаються разом із іншими, конотативно забарвленими засобами, які репрезентують АС у своїх значеннях, тобто формують композитну лексичну номінацію ознаковості або процесуальності, надаючи додаткових смислів (зазвичай, негативних) концептам парцели «Природне явище». Наприклад, ХКАС CLOUD «ХМАРА» репрезентовано у комплексному НМК із роману С. Кінга «Туман» (S. King *The Mist*) – *The clouds twisted and rolled, now black, now purple, now veined, now black again. They gradually overspread the lake, and I could see a delicate caul of rain extending down from them* [9]. – засобами композитної дієслівної номінації процесуальності (*twisted* «скручувалися», *rolled* «котилися» і *gradually overspread the lake* «поступово вкрили озеро») і композитної прикметникової номінації ознаковості (*black* «чорний», *purple* «фіолетовий», *veined* «з прожилками»).

Негативний зміст ХКАС SEA «МОРЕ», WAVES «ХВИЛІ» і TEMPEST «БУРЯ» із роману Б. Стоусера «Дракула» (B. Stocer *Dracula*) – *The sea, running mountains high, threw skywards with each wave mighty masses of white foam, which the tempest seemed to snatch at and whirl away into space* [14]. – виражається різними засобами композитної образної номінації, а саме:

→ ХКАС SEA «МОРЕ» – метафоричною гіперболою: *The sea, running mountains high* «Море піднімалося вище гір»;

→ ХКАС WAVES «ХВИЛІ» – метафоричним уособленням з епітетом: *threw skywards with each wave mighty masses of white foam* «кидали в небо з кожною хвилею могутні маси білої піни»;

→ ХКАС TEMPEST «БУРЯ» – образним порівнянням: *the tempest seemed to snatch at and whirl away into space* «буря, здавалося, вихоплювала і кидала в космос».

Отже, ХКАС парцели «Природне явище», ідентифіковані на основі засобів категоріальної лексичної номінації, отримують негативне забарвлення за рахунок функціонування у напружено маркованих контекстах засобів диференційної (експресивно-оцінної, експресивно-емотивної й образної) лексичної номінації ознаковості і процесуальності.

Поняттєві складники концептуального домену «Причини атмосфери саспенс» угруповані у дві парцели («Надприродне явище» і «Природне явище»), та їхні ціннісні характеристики (ознаки і дії), структуровані у вигляді фрейму, розкривають поняттєво-ціннісну інформацію про об'єкти, предмети і явища, їхні ознаки і дії, які постають причинами створення атмосфери саспенс у художніх творах жанру хоррор, провідною серед яких визначено надприродні явища.

Другий складник фрейму поняттєво-ціннісної площини концептуального простору SUSPENSE «САСПЕНС» – КД «Наслідки атмосфери саспенс» – є більш репрезентативним за кількістю художніх концептів у його складі, ніж КД «Причини атмосфери саспенс». Він складається з трьох парцел – «Зміна емоційного стану», «Зміна психофізіологічного стану» і «Зміна фізичного стану».

Парцела «Зміна емоційного стану» вирізняється найменшою кількістю концептів: FEAR «СТРАХ», AMAZEMENT «ЗДИВУВАННЯ», ANGER «ГНІВ», FEROCITY «ЛЮТИСТЬ», у яких структуровано негативні емоції художніх персонажів як їх реакція на атмосферу саспенс, спричинену негативними ознаками і агресивними діями надприродних і природних явищ.

ХКАС парцели «Зміна емоційного стану» ідентифіковано із застосуванням усіх процедур семантико-когнітивного аналізу вербальних репрезентантів атмосфери саспенс, описаних вище. Наприклад, у комплексному НМК із роману Д. Кунца «Тік-так» (D. Koontz *Tick Tock*) – *The hands on the railing were not human any more. They had metamorphosed into chitinous pincers with serrated edges and were locked so fiercely that the stainless-steel tubing actually appeared to be bending in the creature's grip* [10]. – ідентифіковано ХКАС FEROCITY «ЛЮТИСТЬ» на основі непрямих семантичних зв'язків між імовірним іменем художнього концепту та його однокореневим вербальним репрезентантом – прислівниковим ВРАС *fiercely* «люто» як засобом простої диференційної ознакової номінації. У комплексному НМК із роману У. Блаті «Вигнання диявола» (W. P. Blatty *The Exorcist*) – *But at that instant, another sensation swept through me as quick as lightning. I was conscious of the presence of the Count, and of his being as if lapped in a storm of fury* [7]. – ХКАС FEROCITY «ЛЮТИСТЬ» ідентифіковано на основі прямих семантичних відношень аналогічності (схожості, подібності) між іменниковим ВРАС *fury* «лють» і ХКАС FEROCITY «ЛЮТИСТЬ».

Емоційний стан художніх персонажів відображається на їхніх обличчях, в їхніх очах, наприклад, іменниковий ВРАС простої предметної номінації *passion* «пристрасть» → ХКАС ANGER «ГНІВ» на основі відношень *аналогічності (схожості, подібності)*: *His eyes flamed red with devilish passion* [7]; засоби композитної диференційної лексичної номінації *his nostrils twitched and his eyes blazed* «його ніздрі здригнулися і очі його блиснули» → ХКАС FEROCITY «ЛЮТИСТЬ» на основі асоціативних зв'язків: *I told him exactly what had happened and he listened with seeming impassiveness, but his nostrils twitched and his eyes blazed as I told how the ruthless hands of the Count had held his wife in that terrible and horrid position, with her mouth to the open wound in his breast* [14].

Страх є домінуючим емоційним станом художніх персонажів у досліджуваних НМК, наприклад, стан шоку описано у пропозитивному НМК із роману С. Кінга «Сяйво» (S. King *The Shining*) – *Danny's answering shriek, then Wendy's shocked gasp as she came around them and saw the peculiar angle Danny's forearm had to his elbow; no arm was meant to hang quite that way in a world of normal families* [8]. – дієприкметниковий ВРАС *shocked* «шокований» → іменниковий ВРАС *shock* «шок» → ХКАС SHOCK «ШОК».

Страх може зумовлюватися чимось жахливим. Наприклад, у пропозитивному НМК роману Дж. Блеквуда «Лялька» (J. Blackwood *The Doll*) – *Whereupon, to her added horror, the dreadful little doll, waving a broken arm, squawked back at her, as though in definite answer, the strange disjointed syllables she could not understand, syllables as though in another tongue* [6]. – описано емоційний стан жаху, у якому перебуває героїня роману (іменниковий ВРАС *horror* «жах» → ХКАС FEAR «СТРАХ») через жахливу ляльку (прикметниковий ВРАС *dreadful* «жахливий» → іменниковий ВРАС *dread* «страх» → ХКАС FEAR «СТРАХ»), яка спричиняє емоцію страху. У пропозитивному НМК роману У. Блаті «Вигнання диявола» (W. P. Blatty *The Exorcist*) – *He has had some fearful shock, so says our doctor, and in his delirium his ravings have been dreadful, of wolves and poison and blood, of ghosts and demons, and I fear to say of what* [7]. – стан страху головного героя зумовлений його маренням про привидів, демонів, отруту і т.ін.

Парцела «Зміна психофізіологічного стану» об'єднує 26 ХКАС, у яких структуровано негативні почуття художніх персонажів, причиною яких стали відштовхуючі ознаки й агресивні дії надприродних і природних явищ, вилучених із художніх творів жанру хоррор, а саме: DISTURBANCE «ХВИЛЮВАННЯ», NERVOUSNESS «НЕРВОВІСТЬ», PAIN «СТРАЖДАННЯ», DISGUST «ОГИДА», TENSION «НАПРУЖЕННЯ», STRESS «СТРЕС», VAGUENESS «НЕВИЗНАЧЕНІСТЬ», ANXIETY «ЗАНЕПОКОСННЯ», SICKNESS «НУДОТА», CURIOSITY «ЦІКАВІСТЬ», ANTICIPATION «ПЕРЕДЧУТТЯ», INCREDULITY «НЕДОВІРЛИВІСТЬ», HELPLESSNESS «БЕЗПОРАДНІСТЬ», EXCITATION «ЗБУДЖЕННЯ», AGONY «АГОНІЯ», SPASM «СПАЗМ», SORROW «СКОРБОТА», UNCERTAINTY

«НЕВПЕВНЕНІСТЬ», DESPAIR «ВІДЧАЙ», DISAPPOINTMENT «РОЗЧАРУВАННЯ», HESITATION «НЕРІШУЧИСТЬ», DISTRUST «НЕДОВІР'Я», TROUBLE «НЕСПОКІЙ», AWE «ТРЕПЕТ», SCORN «ПРЕЗИРСТВО», AGITATION «ЗБЕНТЕЖЕННЯ».

ХКАС парцели «Зміна психофізіологічного стану» ідентифіковано із застосуванням різних процедур семантико-когнітивного аналізу вербальних репрезентантів атмосфери саспенс. Наприклад, ХКАС DISTURBENCE «ХВИЛЮВАННЯ» ідентифіковано у пропозитивному НМК – *Her breathing was deep and regular, no sign of disquiet anywhere, no hint of disturbance that might have accompanied that pleading sentence of two minutes ago, except that the bed-clothes were perhaps somewhat tumbled* [6]. – на основі відношень ідентичності (тотожності). ХКАС DISTURBENCE «ХВИЛЮВАННЯ» – на основі відношень аналогічності (схожості, подібності) із синонімічним іменниковим ВРАС предметної номінації: *alarm* «тривога» → *disturbance* «хвилювання»: *Wilbur was never subsequently seen alive and conscious without complete and tightly buttoned attire, the disarrangement or threatened disarrangement of which always seemed to fill him with anger and alarm* [11]. Але найбільш частотними виявилися непрямі семантичні відношення між імовірним іменем ХКАС і його однокореневим ВРАС як засобом простої або процесуальної (дієслово, прикметник, дієприкметник), або ознакової (прикметник, прислівник, дієприкметник) номінації. Наприклад, засіб простої процесуальної номінації, прикметниковий ВРАС *hesitant* «нерішучий» → ХКАС HESITATION «НЕРІШУЧИСТЬ»: *And the demon was silent. Was returning his stare. But the eyes were now hesitant. Blinking* [7]; засіб простої ознакової номінації, прислівниковий ВРАС *sorrowfully* «скорботно» → ХКАС SORROW «СКОРБОТА»: *What do you hear? I could detect the strain in the Professor's patient voice. He looked at her gravely for a minute and then said sorrowfully, Because my dear, dear Madam Mina, now more than ever must we find him even if we have to follow him to the jaws of Hell!* [14].

Зміна психофізіологічного стану художнього персонажу під впливом атмосфери саспенс проявляється, насамперед, у появі таких відчуттів, як:

→ хвилювання і знервованості, спричинені негативними ознаками або агресивними діями надприродного чи природного явища, наприклад, прислівниковий ВРАС простої ознакової номінації *disturbingly* «схвилювано» → ХКАС DISTURBENCE «ХВИЛЮВАННЯ» на основі непрямих семантичних відношень: *Yet even more monstrous exaggerations of Nature seemed disturbingly close at hand.* (MM, IR); прикметниковий ВРАС простої процесуальної номінації *nervous* «нервовий» → ХКАС NERVOUSNESS «НЕРВОВІСТЬ» на основі непрямих семантичних відношень: *When she was pressed to enlarge upon this accusation, she became very nervous and incoherent, and finally, forced to give some evidence for her charge, said that a silver service was missing, and a valuable set of enamels, in addition to the famous set of gold-rimmed dishes, which would actually be a very difficult thing to steal, when you think about it* [11];

→ занепокоєння, зумовленого очікуванням чогось загрозливого, наприклад, прислівниковий ВРАС простої ознакової номінації *anxiously* «схвилювано» → ХКАС АНХІЕТУ «ЗАНЕПОКОЄННЯ» на основі непрямих семантичних відношень: *Their voices were outside in the hall, speaking quickly, anxiously, and Eleanor dropped Theodora's robe on the bed and said, «For heaven's sake, don't let them knock on that door – one more knock would finish me» – and ran into her own room to get her own robe* [13];

→ передчуття чогось небезпечного, наприклад, іменниковий ВРАС простої предметної номінації *foreboding* «передчуття» → ХКАС АНТИСПАРАТІОН «ПЕРЕДЧУТТЯ» на основі відношень аналогічності (схожості, подібності): *An unhappy foreboding rose in her throat. Further west in the Sierra Nevada the Donner Party had become snowbound and had resorted to cannibalism to stay alive. The mountains did not forgive many mistakes* [8]; іменниковий ВРАС простої предметної номінації *presage* «передчуття, передвістя» → ХКАС АНТИСПАРАТІОН «ПЕРЕДЧУТТЯ» на основі відношень аналогічності (схожості, подібності): *Ah, not if you were like me, if sleep was to you a presage of horror!* [7];

→ невизначеність, яке викликає зацікавленість у тому, що відбувається (CURIOSITY «ЦІКАВІСТЬ»), наприклад, прислівниковий ВРАС простої ознакової номінації ВРАС *curiously* «зацікавлено» і *vaguely* «неясно, невизначено» → ХКАС CURIOSITY «ЦІКАВІСТЬ» і VAGUENESS «НЕВИЗНАЧЕНІСТЬ» на основі непрямих семантичних відношень: *The Cyclopean massiveness and gigantism of everything about us became curiously oppressive; and there was something vaguely but deeply unhuman in all the contours, dimensions, proportions, decorations, and constructional nuances of the blasphemously archaic stonework* [12];

→ сумнів у реальності того, що відбувається («НЕДОВІРЛИВІСТЬ»), і безпорадність через неможливість протистояти або якимось чином змінити ситуацію (HELPLESSNESS «БЕЗПОРАДНІСТЬ»), наприклад, у комплексному НМК із роману Дж. Ширлі «Привид будинку на пагорбі» (J. Shirley *The Haunting of Hill House*) – *Eleanor thought incredulously; what nightmares are waiting, shadowed, in those high corners – what breath of mindless fear will drift across my mouth <...> and shook herself again. The little old lady smiled helplessly* [13]. – непрямі семантичні зв'язки встановлюються між прислівниковими ВРАС *incredulously* «недовірливо» і *helplessly* «безпорадно» як засобами простої ознакової номінації і, відповідно, однокореневими найменуваннями ХКАС INCREDULITY «НЕДОВІРЛИВІСТЬ» і HELPLESSNESS «БЕЗПОРАДНІСТЬ»;

→ біль і страждання: PAIN «СТРАЖДАННЯ», наприклад, іменниковий ВРАС простої предметної номінації *rain* «страждання» → ХКАС PAIN «СТРАЖДАННЯ» на основі прямих семантичних відношень: *Then there was a more piercing scream, one of pain, and Ollie said, «Oh my God, that old lady fell down and they just ran over her»* [9]; *Mina struggled hard to keep her brave countenance, but the pain overmastered her and she put her hands before her face,*

and shuddered whilst she moaned [14]; ХКАС SPASM «СПАЗМ», наприклад, іменниковий ВРАС простої предметної номінації *spasm* «спазм» → ХКАС SPASM «СПАЗМ» на основі прямих семантичних відношень: *I kept my eyes fixed on Lucy, as did Van Helsing, and we saw a spasm as of rage flit like a shadow over her face.* [14]; ХКАС AGONY «АГОНІЯ», наприклад, іменниковий ВРАС простої предметної номінації *agony* «агонія» → ХКАС AGONY «АГОНІЯ» на основі прямих семантичних відношень: *He grew quite hysterical, and raising his open hands, beat his palms together in a perfect agony of grief* [14]; дієприкметниковий ВРАС *agonized* «агонізуючий» → ХКАС AGONY «АГОНІЯ»: *«Go on, go on! Speak, I command you!» said Van Helsing in an agonized voice* [14];

→ нудота (ХКАС SICKNESS «НУДОТА»), наприклад, дієприкметниковий ВРАС *sickening* «нудотний» → ХКАС SICKNESS «НУДОТА»: *The sickening cold was gone, except for a reminiscent little thrill of it down Eleanor's back when she looked at the door* [13].

Страх, біль і страждання художніх персонажів відображаються на їхніх обличчях, наприклад, іменниковий ВРАС простої предметної номінації *torture* «знущання» → ХКАС PAIN «СТРАЖДАННЯ» на основі прямих причиново-наслідкових відношень: *I looked at my companions, one after another, and saw from their flushed faces and damp brows that they were enduring equal torture* [14], у тремтінні рук і збліднілому обличчі, наприклад, засоби композитної диференційної лексичної номінації *his hand trembled* «його рука тремтіла», *and his face was as pale as snow* «його обличчя було бліде, як сніг» → ХКАС DISTURBANCE «ХВИЛЮВАННЯ» на основі асоціативних відношень: *He saw too, what we all did, the infinite kindness which suggested that his should be the hand which would restore Lucy to us as a holy, and not an unholy, memory. He stepped forward and said bravely, though his hand trembled, and his face was as pale as snow* [14]; посиленому серцебитті, наприклад, засоби композитної диференційної лексичної номінації *my own heart beat like a trip hammer* «моє серце билосся, як молоток» (ХКАС NERVOUSNESS «НЕРВОВІСТЬ») → *for I felt that some crisis was at hand* «тому що я відчував, що якась криза насувалася» (ХКАС АНТИСПАРАТІОН «ПЕРЕДЧУТТЯ») на основі прямих причиново-наслідкових відношень: *Looking fixedly at her, he commenced to make passes in front of her, from over the top of her head downward, with each hand in turn. Mina gazed at him fixedly for a few minutes, during which my own heart beat like a trip hammer, for I felt that some crisis was at hand* [14].

Отже, провідними видами зміни психофізіологічного стану художніх персонажів під впливом проявів атмосфери саспенс визначено занепокоєння, хвилювання і нервовість; невизначеність і цікавість; передчуття, недовірливість і безпорадність.

Парцела «Зміна фізичного стану» нараховує 10 ХКАС, а саме: DAMAGE «ПОШКОДЖЕННЯ», EXHAUSTION «ВИСНАЖЕНІСТЬ», STRAIN «ПЕРЕВТОМА», INJURY «ПОРАНЕННЯ», DESTRUCTION «РУЙНУВАННЯ», DISTORTION «СПОТВОРЕННЯ», CONTORTION «ВИКРИВЛЕННЯ», PERSPIRATION

«ПОТОВИДІЛЕННЯ», SHRINKAGE «ЗМОРЩЕННЯ», DEATH «СМЕРТЬ».

Художні концепти у складі зазначеної парцели структурують зміни фізичного стану художніх персонажів, які під впливом атмосфери саспенс і страхом знищення, наприклад, дієприкметниковий ВРАС простої процесуальної номінації *destroyed* «зруйнований» → ХКАС DESTRUCTION «РУЙНУВАННЯ» на основі непрямих семантичних зв'язків: *And if she hadn't gone there at night and asleep, that monster couldn't have destroyed her as he did* [14], відчують виснаженість, наприклад, дієприкметниковий ВРАС простої процесуальної номінації *exhausted* «виснажений» → ХКАС EXHAUSTION «ВИСНАЖЕНІСТЬ» на основі непрямих семантичних зв'язків: *When she woke from the trance, she was cold, and exhausted, and languid, but her mind was all alert* [14]; втому, наприклад, засоби композитної диференційної лексичної номінації *His voice was becoming fainter* «Його голос ставав слабкішим», *and his breath more stertorous* «його подих більш ускладнений» → ХКАС STRAIN «ПЕРЕВТОМА» на основі асоціативних зв'язків: *His voice was becoming fainter and his breath more stertorous* [14].

Зміни фізичного стану художніх персонажів найбільш яскраво демонструють страх чи психофізіологічне напруження, викликане чимось незрозумілим і загрозливим, наприклад, іменниковий ВРАС простої предметної номінації *perspiration* «потовиділення» → ХКАС PERSPIRATION «ПОТОВИДІЛЕННЯ» на основі прямих семантичних відношень ідентичності (тотожності): *He wiped his forehead, which had broken out in profuse perspiration at the thought of the pain which he might have to inflict upon the poor soul already so tortured* [14]; дієслівний ВРАС простої процесуальної номінації *to sweat* «потіти» → ХКАС PERSPIRATION «ПОТОВИДІЛЕННЯ» на основі непрямих семантичних відношень: *Her skin began to sweat* [13]; засоби композитної диференційної лексичної номінації *The eyes rolled upward into their sockets* «Очі закотилися вгору в їх гніздах» → ХКАС CONTORTION «ВИКРИВЛЕННЯ» на основі асоціативних відношень: *Regan lowed like a steer in an angry bellow that pierced the shutters and shivered through the glass of the large bay window. The eyes rolled upward into their sockets* [7]; засоби дискурсивної лексичної номінації у межах ситуативного НМК змальовують жахливу картину понівеченого тіла (ХКАС DEFORMATION «НІВЕЧЕННЯ»): *Gliding spiderlike, rapidly, close behind Sharon, her body arched backward in a bow with her head almost touching her feet, was Regan, her tongue flicking quickly in and out of her mouth while she hissed sibilantly like a serpent* [7].

Висновки з даного дослідження і перспективи. Поняттєві складники концептуального домену «Наслідки атмосфери саспенс», угруповані у три парцели («Зміна емоційного стану», («Зміна психофізіологічного стану» і «Зміна фізичного стану»), та їхні ціннісні характеристики (ознаки і дії), структуровані у вигляді фрейму, розкривають

поняттєво-ціннісну інформацію про вплив атмосфери саспенс, спричиненої, насамперед, страхітливими ознаками і загрозливими діями надприродних явищ, на емоції, психіку і фізичний стан художніх персонажів у художніх творах жанру хоррор. Перспективним видається застосування запропонованої у дисертації методики семантико-когнітивного аналізу лінгвальної репрезентації атмосфери саспенс у художніх творах жанру хоррор у дослідженні літературних творів інших родів і жанрів в історичній перспективі.

Список літератури:

1. Бойко Я. В. Естетична оцінка у поетичному тексті: лінгвокогнітивний аналіз (на матеріалі лірики англійського романтизму): дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Бойко Яна Вікторівна. – Донецьк, 2013. – 289 с.
2. Ніконова В.Г. Художній концепт: поетико-когнітивний підхід [Текст] // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. – 2006. – Том 9. – №2. – С. 51–59.
3. Ніконова В.Г. Художній концепт: процедури реконструкції та моделювання (на матеріалі трагедій В. Шекспіра) [Текст] / Вісник Київського національного лінгвістичного університету. – Серія Філологія. Т. 14, № 2. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2011. – С. 113-123.
4. Четова Н. Й. Лінгвоконцептуальний простір УЯВНЕ в англomовному класичному фентезі (на матеріалі творів Дж.Р.Р. Толкіна) : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Четова Наталія Йосипівна. – Херсон, 2014. – 347 с.
5. Щербицька В. В. Лінгвокогнітивна об'єктивація гендеру автора в англomовному літературному автобіографічному творі ХХІ століття : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Щербицька Владислава Володимирівна. – Херсон, 2016. – 378 с.
6. Blackwood A. The Doll [Електронний ресурс] / A. Blackwood. – Режим доступу: <http://algernonblackwood.org/>
7. Blatty W.P. The Exorcist [Електронний ресурс] / W.P. Blatty. – Режим доступу: https://vk.com/doc16932426_10cd618b55&dl=4c0a33
8. King S. The Shinning [Електронний ресурс] / S.King. – Режим доступу: <https://discount-associates.com/wp-content/uploads/2015/03/The-Shinning.pdf>
9. King S. The Mist [Електронний ресурс] / S.King. – Режим доступу: http://royallib.com/book/King_Stephen/The_Mist.html
10. Koontz D. Tick Tock [Електронний ресурс] / D. Koontz. – Режим доступу: <https://jtmfjlud.files.wordpress.com/2015/07/dean-koontz-tick-tock-pdf.pdf>
11. Lovecraft H.P. The Dunwich Horror [Електронний ресурс] / H.P. Lovecraft. – Режим доступу: <http://busyreadywhat.org/Authors/Lovecraft,%20file%20%20H.%20P.%20Horror.pdf>
12. Lovecraft H.P. - At The Mountains of Madness [Електронний ресурс] / H.P. Lovecraft. – Режим доступу:

http://www.franklang.ru/df/Lovecraft_At_The_Mountains_Of_Madness_M.pdf

13. Shirley J. The Haunting of Hill House [] / Shirley J. [Электронный ресурс] / J. Shirley – Режим

доступу http://1800homechat.com/Jackson_Shirley_-_The_Haunting_of_Hill_House.pdf

14. Stocer B.. Dracula [Электронный ресурс] / B.Stocer. – Режим доступа: <http://www.planetebook.com/ebooks/Dracula.pdf>

Kalandarov Aybek Ruzimbaevich

Senior scientific researcher

Urgench State University

Department of English language and Literature

GENERAL PECULIARITIES OF COMPARATIVENESS IN UZBEK LANGUAGE

Summary. This article is devoted to the analysis of the ways of the expression of comparativeness. The main attention is paid to the expressive ways of the category of comparativeness in Uzbek language in comparison with in English. Therefore, expressive means of comparativeness were identified in the process of illustrating the ways of expression of this category in Uzbek language. The theories offered in the article are proved with the help of the examples taken from the literal works of Uzbek writers.

Key words: comparativeness, expression, lexical, morphological, syntactical, similarity, dissimilarity, likeness, conjunction, category.

Actuality of the theme of investigation. The elements expressing comparativeness are widely used in Uzbek and English languages. Comparative analysis of sentences in which comparativeness is expressed, identifying their isomorphic and allomorphic peculiarities are considered as actual tasks and the investigations in this field give the possibility to illustrate the syntactic position of the category of comparativeness in different structured languages. Analyzing the category of comparativeness by such linguistic methods contributes the development of the courses like theoretical and practical grammar, comparative typology.

A review of international research on the theme of research. The category of comparativeness has always been paid attention in the world linguistics. In learning this category the research works by the linguists who worked out on the materials of Indo European and Turkic languages as V.N. Jigadlo, I.P. Ivanova, L.L. Iofik, L.S. Barkhudarov, D.A. Shtelling, B.A. Ilysh, B.S. Khaimovich, V.Sh. Hakimova, L.A. Petrochenko, H.O. Federyaeva, A.V. Nikolaeva, O.V. Kravets, E.A. Zarudneva, R.M. Bolgarova, S.A. Popova, S.P. Kaleva, Chris Kennedy are worth attention.

It is possible to observe that there are various approaches in investigating comparativeness as a category. Specially, comparativeness was not learned as a separate category in some sources. Only the speech was gone about the comparing of two objects when discussing comparative degrees of adjectives and adverbs.

In some sources comparativeness was commented as a separate category. For instance, V.Sh Hakimova carried out her investigation on expressive ways of comparativeness and comparative constructions in Bashkir language. O.V. Kravets investigated the structure of functional-semantic field of comparativeness and micro fields of similarity and non-similarity in Russian language.

A.V. Nikolaeva learned the role of comparativeness in a language and the structure of

comparative functional-semantic field in English language. L.A. Petrochenko and N.O. Federyaeva approached the expressive ways of comparativeness in modern English from logical view point. E.A. Zarudneva approached comparative constructions in English and Russian languages in the level of cognitive linguistics. R.M. Bolgarova learned the expressive ways of comparativeness in Russian and Tatar languages from logical and syntactic view points. Chris Kennedy carried out his investigations on comparative constructions in English.

The term comparativeness is not almost come across in Uzbek linguistics. Because the category of comparativeness has not been investigated yet in Uzbek language. But some information can be found about affixes, conjunctions, particles expressing comparativeness in the book volumes “O’zbek tili grammatikasi (Grammar of Uzbek Language)”.

The aim of the research is to analyze the expressive ways and expressive means of the category of comparativeness in Uzbek language in comparison with in English.

The tasks left to be investigated:

- to collect examples belonging to comparativeness from Uzbek literature;
- to classify them according to the ways of expression;
- to analyze the means expressing comparativeness;
- to compare the expressive ways of comparativeness in the two non-related languages.

The main content of the article

The category of comparativeness is characterized similarly in English and Uzbek languages as this category owns a universal character in all languages. It means that when comparativeness is expressed in Uzbek language characters of two objects – compared and etalon objects are compared with each other like in English. And this character is basically expressed by adjectives or adverbs. For example:

Shaxta *tagi jahannamdek qorong’i* (MA, 459).

Berardan ko’ra olari *ko’proq* (MA, 642).

As there is a possibility of expression of comparativeness, there is a field of comparativeness in Uzbek language and in its turn this field is separated into two micro fields – fields of similarity and dissimilarity. This will be illustrated in the following examples:

Bizning farzandimiz ham Me'mordek bo'lsin (MA, 88).

Siz Nasrullaxonni mendani ko'ra yaxshiroq bilasiz (TMQ, 48).

If the occurrence of the process of comparativeness of two objects in the above two micro fields is considered as a common character in the two – English and Uzbek languages, the ways of expression of this category are different in these languages. In English comparativeness is expressed only in a lexical way – by the help of conjunctions or words like “as, as ... as, like, as if, as though, like, than, the same as, different etc.”. But in Uzbek this category is expressed in three ways – in a lexical, morphological and syntactical ways. Further we observe the three methods of expressing comparativeness in Uzbek language.

The conjunctions “nisbatan, qaraganda, ko'ra, kabi, singari, qatori, yanglig'”, the adjectives “o'xshash, monand, yaqin, teng, barobar, bir xil, birdek”; the verbs “o'xshagan, o'xshamoq, farq qilmoq, qiyoslanmoq, bo'lmoq”; the nouns “farq, o'xshashlik, nusxa” and the reflexive pronoun “o'zi” are considered as the means which express comparativeness in a lexical way.

The conjunctions “qaraganda, nisbatan, ko'ra” are the means which participate in the micro field of dissimilarity. By the help of these conjunctions dissimilar side or difference of one object or an action is shown from another one. About it there are such ideas in scientific sources: “The meaning of comparing can be expressed with the combination of nouns in the form of cases of “chiqish” and “junalish” with one of the words “ko'ra, nisbatan, qaraganda” and a simple degree adjective” [2, 152]. One of the most important means which form comparative form of an adjective is the suffix “-roq” in Uzbek language. But this is not considered as important means expressing comparativeness. The meaning comparativeness is realized in a context. We can give the following structures of sentences for the comparative degree:.

...ga qaraganda (nisbatan) ...roq – uyga qaraganda ayvon yorug'roq, dengizga nisbatan ko'l kichiukroq;

...dan ko'ra (ham) ...roq – shahardan ko'ra dala salqinroq [3, 612]. So, adjectives or adverbs which come after these conjunctions can be in both forms – either in simple or comparative degree forms. For instance:

Ikki yurtning do'stlashuviga xizmat qilishdan ko'ra savobroq ish yo'q (TMQ, 84).

Men boshqalarga nisbatan ancha pokiza odamman (MA, 469).

There is a possibility of dissimilarity's expression in a sentence without the above conjunctions. In this situation the comparative meaning of objects and actions is understood from the meaning of a sentence

and the noun or verb which come after the adjective is used in the case “chiqish” [1, 102].

Uning kasalni yo'qlashdan muhimroq ishlari boshidan oshib yotibdi (TMQ, 64).

U Zavrakni o'z og'asidan ham a'lo ko'radi (MA, 353).

We cannot put the suffix “-roq” which forms the comparative degree form of an adjective among the important means expressing comparativeness. Because we have observed above that comparativeness can be expressed without this suffix and it can be formed by only conjunctions and the suffix of the case chiqish “-dan”. But the expression of comparativeness with the help of the suffix “-dan” is not lexical but a morphological method.

The conjunction “kabi” means comparing the similarity of objects. For instance:

Otning ko'zlarida huddi egasiniki kabi o't chaqna ketdi (O'HN, 56).

The conjunctions “singari, yanglig'”, the words “misol, misoli, qatori” can be used as synonyms to the conjunction “kabi” in this meaning. But the word “misoli” can come before the etalon object in a sentence when expressing comparativeness.

G'ulomqodir misoli sher olishdi (TMQ, 182).

The conjunction “singari” is used with different verb forms and expresses the similarity between actions and situations. For example, “yo'talgan singari tovush eshitildi” [3, 545]. Although the conjunction “yanglig'” is considered as archaic it is being used in proze works on the basis of stylistic demands.

The word “qatori” differs with its one peculiarity from the above synonyms i.e. these conjunctions take all peculiarities of compared objects whereas the word “qatori” takes class character similarity into consideration. For example:

Me'mor boshqa ustodlar qatori saltanat oldida katta hurmatga ega (MA, 125).

The adjectives “o'xshash, monand, yaqin” and the participle “o'xshagan” also come with substantives in the “junalish” case and express the meanings of comparing and likening. Pay attention to the following examples:

U otasiga o'xshash cho'ziq yuzli edi (MA, 504).

U to'nkaga o'xshagan odam (MChA, 11).

Tanburi beqiyoslariga monand soz yo'q (MA, 114).

Dovudning bu lahzadagi ko'rinishi afg'on qumidagi suratiga juda yaqin edi (MChA, 31).

The adjectives “teng, barobar, bir xil, birdek” can also express similarity between objects but they don't always come with the substantives in the “junalish” case like the above adjectives. When they express comparativeness in a sentence they are used to liken actions or situations, and in some cases they fulfill the function of a predicate in a sentence. For example:

Ikkovlarining ham yuragi birdek tepardi (MA, 427).

Ular erkaklar bilan barobar davlatni boshqaradilar (MChA, 15).

Hamma yoqda xo'roz bir xil qichqiradi (MA, 393).

Inson umri yalt etib o'chgan uchqun bilan barobar (MA, 622).

The verb "o'xshamoq" expresses likeness between objects and the verb "farq qilmoq" expresses dissimilarity, but the verb "qiyoslanmoq" can express both. If the verb "o'xshamoq" is used as a finite verb when expressing comparativeness it appears as a predicate of a sentence. If it is used as a participle it expresses likeness between the actions modified by the predicate of the sentence. For example:

Uloq ikki ot o'rtasidagi ko'prikka o'xshardi (O'HN, 57).

Shu kimsa qilg'ilikni qilib, keyin kaklikka o'xshab boshini qumga tiqib yotaveradi (MA, 500).

The verb "bo'lmoq" is used with comparative substantive combinations as a link verb. This kind of construction is considered as participle characterized construction from the formative view point and noun characterized construction from semantic view point [4, 184]. For example:

Lolalar qirlar ustida gilam bo'lib turardi (MA, 119).

Har bir mag'lubiyat unga azroilning ogohlantirishi bo'lib tuyulardi (TMQ, 16).

The nouns "o'xshashlik" and "farq" the first one expresses likeness, the latter expresses unlikeness between objects and they are often used as a subject of a sentence. For example:

Nizomiddin bilan Xudododbek o'rtalarida bir o'xshashlik zohir (MA, 55).

Bizning o'zgalardan farqimiz shu (TMQ, 161).

The noun "nusxa" does not often take part in the expression of comparativeness. When it participates in a sentence expressing comparativeness it is used as a synonym to the adjective "o'xshash". But it comes with substantives in the common case not in the "junalish" case. For example:

U qozon nusxa baxmal do'ppisini bostirib oladi (O'HN, 86).

The reflexive pronoun "o'zi" is also considered as means expressing strong comparativeness. It is often used with the suffix "-gina" in order to emphasize the meaning. As this pronoun is always used with a possessive suffix (o'z-i) when expressing comparativeness the word which comes before it expressing etalon object is used in the form of possessive case. For example:

U Munkaxonning huddi o'zi edi (MA, 220).

Bu xona do'zaxning o'zginasi (MChA, 65).

Comparativeness is formed with the help of the suffixes like "-day (dek), -dan, -simon, -larcha" when it is expressed in a morphological way.

The suffixes "-day, -dek" are added to the words which belong to nouns, adjectives, verbs and pronouns and are considered as very active word forming suffixes in making new adjectives or adverbs from the above mentioned parts of speech. The suffix "-day (dek)" may be a short variant of the suffix "-dayin". Because we can come across the usage of "-dayin" instead of "-day (dek)" in the language. This suffix is characterized with various semantic and stylistic peculiarities.

When the suffix "-day (dek)" is added to nouns it expresses such kind of features like size, quantity,

form, outlook, smell, taste by the way of comparing the object which is expressed by the stem and it is generally widely used in order to emphasize literal descriptive meaning, exaggeration, figurative and expressive meanings: no'xatdek (marvarid), qanddek (mastava), muzdek (suv), tog'dek (yigit), oydek (juvon), zig'irdek (bola) etc. [3, 278].

So, we can say that the suffix "-day (dek)" is considered as a word forming suffix and as means of expressing comparativeness at the same time. As we have mentioned above it forms adjectives and adverbs from nouns, pronouns, adjectives, adverbs and verbs. And we can say that the suffix "-day (dek)" is the most active among the means expressing comparativeness as this situation is more come across than others it is possible to offer lots of examples to such situation:

Dunyoga qo'chqordek o'g'il keldi (MA, 728).

Bu qog'oz kalomullodek mo'tabar (MChA, 104).

Asadulla chog' ustida o'tirganday betoqat edi (TMQ, 91).

Afg'on hukumati bizga avvalgiday do'st bo'lib qoladi (TMQ, 51).

We have talked about expression of comparativeness by the suffix "-dan" above.

The suffix "-simon" which is used with nouns has the same meaning as the suffix "-day (dek)". Although the suffix "-larcha" is among these suffixes with its meaning it is different from "-simon" with its some features i.e. objects and their qualities are compared (likened) by the suffix "-simon" whereas actions and their manners are compared (likened) by the suffix "-larcha". For example:

Ko'zlari olma bargisimon yirik (MA, 512).

Anvar axmoqlarcha iljaydi (O'HN, 31).

The word "sifat" also takes part in expressing comparativeness among this synonymic line. This word is added to nouns and forms adjectives and at the result compound adjective will appear. But this expression is not morphological, it is included into lexical expression of comparativeness. For example:

Shersifat itlar ham cholning orqasidan ergashib borardi. (MA 282)

Words are used in the lexical expression of comparativeness and suffixes participate in the morphological expression of comparativeness whereas sentences take part in the syntactical expression of comparativeness i.e. adverbial clause of comparison will appear in this situation and this adverbial clause of comparison is considered as means of expressing comparativeness.

Adverbial clauses of comparison compare some special parts of principle clause with some parts of adverbial clause. Subject, predicate, object or other parts of both clauses can be compared [4, 428].

Adverbial clause of comparison is linked with the principle clause by the suffix "-day (dek)", conjunctions "kabi, singari", proportional words "qanday- shunday, qancha - shuncha", the adjective "deganlaridek". So, the means "-day (dek), kabi, singari" can participate in the syntactical expression of comparativeness either. The difference is that they follow sentences in the syntactical expression, not words. For example:

Kal taroqni yaxshi ko'rganidek, bu xomkalla bahs-munozarani yaxshi ko'radi (MChA, 31).

Suv qalqisa loyqasi yuqoriga chiqqanday, zamon qalqiganidan buyon yomon ko'paydi (O'HN, 80).

In this situation the conjunctions "kabi, singari" can also be used instead of the suffix "-day (dek)". As for the proportional words "qanday –shunday, qancha –shuncha", one of them takes part in the composition of the principle clause and the other in the adverbial clause. For example:

Fayzullaning yuzida qanday ma'yuslik paydo bo'lgan bo'lsa, hozir ham o'shanday bir iroda bor edi (O'HN, 46).

Yosh bola bilmagan narsaga qanchalik qiziqsa, kap-katta odam ham shunchalik intilaveradi (O'HN, 53).

The tool "deganlaridek" expressing comparativeness is originally close to a sentence in which the subject is missing i.e. it is used in the meaning "ular deganlaridek" and it actively participates in linking an adverbial clause of comparison with a principle clause and always separated by a comma from principal and subordinate clauses. For example:

Mol egasiga o'xshamasa xarom o'ladi, deganlariday, Muhiddin ehtiyotkorlikda xo'jasidan qolishmaydi (TMQ, 23).

Olmoqning bermog'i bor, deganlariday, javob vizitlari ham bo'lib turadi (O'HN, 93).

Comparative conjunctions "go'yo, go'yoki" and identifying particles "huddi, naq" [2, 214] can also be used in the sentences in which comparativeness is expressed. But comparativeness can be expressed without them. That's why they are not included into the main means expressing comparativeness. They only serve to emphasize the meaning. For example:

Tol shoxlari huddi birov silkitayotganday silkinardi. – Tol shoxlari birov silkitayotganday silkinardi (O'HN, 58).

Asadulla qorong'ilikda gangib qoldi, go'yo qorong'ilik uning vujudini qoplaganday. – Asadulla qorong'ilik uning vujudini qoplaganday qorong'ilikda gangib qoldi (TMQ, 85).

Conclusion

The occurrence of the process of comparativeness of two objects in the micro fields of similarity and dissimilarity is considered as a common character in English and Uzbek languages. But the ways of expression of this category are different in these languages. In English comparativeness is expressed only in a lexical way. But in Uzbek this category is expressed in three ways – in a lexical, morphological and syntactical ways. Words are used in the lexical expression of comparativeness and suffixes participate in the morphological expression of comparativeness whereas sentences take part in the syntactical expression of comparativeness. In this situation this adverbial clause of comparison is considered as means of expressing comparativeness.

List of used literatures:

scientific sources:

1. Mirzaev M., Usmonov S., Rasulov I. O'zbek tili. – Tashkent: O'qituvchi, 1978. – 256 p.
2. Tursunov U., Muxtorov J., Raxmatullaev Sh. Hozirgi o'zbek adabiy tili. – Tashkent: O'qituvchi, 1975. – 260 p.
3. O'zbek tili grammatikasi (Grammar of Uzbek language). Volume I, – Tashkent: Fan, 1975. – 612 p.
4. O'zbek tili grammatikasi (Grammar of Uzbek language). Volume II, – Tashkent: Fan, 1976. – 560 p.
5. Qilichev E. Hozirgi o'zbek adabiy tili. – Bukhara: Bukhara State University Publishing House, 2001. – 228 p.

literal sources

- MA – Mirmuhsin. Asarlar: 4 volumes. Volume 3. Me'mor: Chotqol yo'lbarisi. – Tashkent: Adabiyot va san'at, 1982. – 736 p.
- MChA – Mirmuhsin. Chodrali ayol: Afg'on qissasi. – Tashkent: Adabiyot va san'at, 1980. – 120 p.
- TMQ – Malik Tohir. Qaldirg'och. (novel) – Tashkent: Yosh gvardiya, 1987. – 240 p.
- O'HN – Hoshimov O'tkir. Nimadir bo'ldi...: Stories. – Tashkent: Adabiyot va san'at, 1976. – 112 p.

Volik N.A.

*Senior Lecturer at the Department
of Russian Philology and Translation,
Mariupol State University*

Волик Наталья Анатольевна

*старший преподаватель
кафедры русской филологии и перевода,
Мариупольский государственный университет*

MODIFICATION OF RHETORICAL MODEL OF GENRE OF THE SOLEMN ODE TO THE POETRY OF G. R. DERZHAVIN IN THE 18TH CENTURY МОДИФИКАЦИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЖАНРА ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДЫ В ПОЭЗИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА XVIII ВЕКА

Summary: The article is devoted to the odd poetry of G.R. Derzhavin in the context of the rhetorical age of the XVIII century. Examples of modification of the rhetorical model of the solemn ode genre in Derzhavin's oeuvre are given. A comparative analysis of theoretical prescriptions for the odic genre in Derzhavin's "Discourse" and the directions of his precursors is carried out.

Key words: modification, genre rhetorical model, solemn ode, panegyric, genre synthesis.

Аннотация: В статье рассматривается одическая поэзия Г.Р. Державина в контексте риторической эпохи XVIII столетия. Приведены примеры модификации риторической модели жанра торжественной оды в творчестве Державина. Проводится сопоставительный анализ теоретических предписаний к одическому жанру в «Рассуждении» Державина и руководствах его предшественников.

Ключевые слова: модификация, жанровая риторическая модель, торжественная ода, панегирик, жанровый синтез.

Постановка проблемы. Исследование одического творчества Ф. Прокоповича, В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, с точки зрения влияния риторической культуры XVIII столетия на его становление и развитие, свидетельствует о возникновении определенной жанровой модели торжественной оды. Характерными чертами русской торжественной оды второй половины XVIII века можно назвать хвалебный характер, традиционно высокую стилистику, циклическую композицию, определенный набор одических топосов, выражение лирического восторга и ораторскую направленность. Однако нельзя утверждать, что модель торжественной оды была унифицирована, напротив, появляются ее авторские жанровые вариации, а затем и модификации.

Творчество Державина следует рассматривать под углом длительного и уверенного ухода от влияния риторик к созданию собственного теоретического руководства. Только В.К. Третьяковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков теоретизировали параллельно с литературными опытами, а Державин прокладывал путь к своему «Рассуждению» через разнообразные лирические опыты. Именно поэтому нельзя утверждать, что риторика XVIII века не оказала влияния на видоизменение жанра оды в его творчестве, а, напротив, некоторые классицистические правила вызвали эффект противодействия, которое и воплотилось в его поэтико-риторическом пособии. Наш интерес вызывает видоизменение (модификация) ораторского жанра торжественной оды в поэзии Г.Р. Державина, которое проявляется в отходе от риторической жанровой модели или частичном отказе от нее.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованию поэзии Державина посвящены труды Г.А. Гуковского, И.З. Сермана, А.В. Запорова, Л.В. Пумпянского, Д.В. Ларковича, Ю.В. Стенник, С.С. Аверинцева, К.А. Афанасьевой, Н.Ю. Алексеевой, Т.Е. Абрамзон, А.Г. Масловой, Л.В. Поляковой, К.В. Ратникова и других. Несмотря на большую популярность литературного наследия поэта, среди исследователей нет единого мнения в отношении обновления и реформирования Державиным одической поэзии. Ряд ученых акцентирует внимание на индивидуализации поэзии Державина. Так, Н.Ю. Алексеева, говоря о творчестве Державина, отмечает, что «поэзия начала становиться выражением индивидуальности [1, с. 309]». А.В. Петров пишет об авторском переосмыслении истории в одах Державина. «В «общие места» пиндарической оды Державин вносит индивидуально-авторское содержание и новую меру историчности: объективный взгляд на установления и характер императора Павла I; трезвое понимание того, что лучше, чем во времена Екатерины, уже не

будет [2, с. 27]». Исследование Д.В. Ларковича раскрывает жанровое своеобразие поэзии Державина: «...авторская индивидуальность Г.Р. Державина наиболее ярко проявила себя в сфере жанротворчества, позволившего ему адекватно идентифицировать себя как оригинальную творческую личность на фоне предшествующей литературной традиции» [3, с. 10].

Как реформатор и новатор в области жанровой революции Державин предстает в исследованиях Г.А. Гуковского, Ю.В. Стенник, Д.В. Ларковича и Л.В. Поляковой. Г.А. Гуковский полагал, что Державин возглавил «жанровый переворот», который привел к «уничтожению жанрового классификационного мышления, характерного для середины XVIII столетия» [4, с. 199]. Ю.В. Стенник кладет в основу реформы Державина в области панегирической поэзии эстетическое основание: «Мерилом высшей ценности в системе поэтического мирозерцания Державина становится просто «человек», та норма представлений о его социальной природе, какую могла подсказать автору окружавшая его действительность» [5, с. 255]. Наконец, Ларкович пишет: «В результате синтетического взаимодействия нескольких «жанровых языков» (торжественной оды, литературной сказки, идиллии, сатиры, трагедии), вовлеченных в общую игровую стихию, возникло принципиально новое жанровое образование, получившее еще при жизни поэта определение «державинская ода...» [3, с. 18]. Л.В. Полякова характеризует Державина как «взорвавшего нормативные каноны классицизма, углубившего в поэзии психологизм, активно включившего в нее черты автобиографизма, наполнившего поэтическое творчество размышлениями о природе человека» [6, с. 23].

Среди исследователей поэзии Державина можно выделить несколько имен, не позиционировавших поэта как деятельного разрушителя. Например, С.С. Аверинцев отмечал неприятие Державиным искусственных запретов, которые накладывал на жанр оды риторический канон: «Державин тоже был не против риторики. Кто-кто, а он знал в риторике толк... Но одной стороны риторики он принять не может – разделения вещей на возвышенные и низменные, безгласности к конкретному, житейскому» [7, с. 777]. А.А. Левицкий предлагал рассматривать «поэзию Державина <...> не как разрушение, а, напротив, завершение эстетических чаяний русских поэтов XVIII в.» [8, с. 47].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Лирическое творчество Г.Р. Державина традиционно считалось завершающим этапом в процессе перехода от риторической литературы классицизма к предромантической индивидуалистической литературе. Роль риторики в становле-

нии лирического жанра оды значительно ослабевает и с ней происходит ряд видоизменений, отразившихся в одах поэта. Как видно из предыдущего обзора исследований державинской поэзии, она часто соотносится с риторическими категориями, однако недостаточно внимания уделяется жанру торжественной оды Державина в соответствии с русскими риторическими руководствами XVIII ст., согласно которым можно говорить о нарушении или следовании автором жанровой риторической модели оды. **Целью нашего исследования** является сопоставительный анализ теоретических предписаний к одическому жанру в «Рассуждении» Державина и руководствах его предшественников («Поэтика» Прокоповича, «Рассуждение об оде» Третьяковского, «Риторика» Ломоносова), а также сравнение державинских од с данными теоретическими положениями, чтобы констатировать модификацию риторической модели торжественной оды Державина.

Изложение основного материала. Однако прежде чем говорить о модификации жанра торжественной оды в творчестве Г.Р. Державина, остановимся на сущности данного явления. Модификация представляет собой «видоизменение, преобразование, появление новых свойств. Модификации – качественно различные состояния или разновидности чего-либо» [9]. В основу жанровой модификации положена концепция творческой жанровой памяти М.М. Бахтина, согласно которой любой жанр склонен к развитию и самоактуализации. С.С. Аверинцев писал о направлении модификации категории литературного жанра как о предсказуемом процессе: «Сначала она, как все на свете, проходит фазу становления, делается определеннее (что совпадает с прогрессирующей дифференциацией конкретных жанров); затем присущая ей нормативная жесткость преодолевается, живой литературный процесс «ломает жанровые каноны» [10, с.101]. Мы говорим о модификации русской оды, так как она – жанр риторический, или, по словам Н.Д. Тамарченко, «канонический», то есть представляющий собой «очевидную вариацию воспроизводимого образца, так что русскому читателю второй половины XVIII – первой трети XIX в. не нужно было ничего анализировать, чтобы опознать в стихотворении того или иного автора оду или идиллию» [11, с. 364]. А.В. Кистанова также отмечала видоизменение одического жанра: «Развитие жанра повлекло за собой появление новых тематических, функциональных и жанровых модификаций, что затрудняет генологическую идентификацию произведений, превращая, казалось бы, жесткий одический канон в подвижную и открытую жанровую форму [12, с. 9]».

Теперь обратимся непосредственно к теоретическому трактату Г.Р. Державина и его поэтическому творчеству.

«Рассуждение» Державина представляет собой наиболее фундаментальный труд, посвященный жанру оды, среди риторических руководств и поэтик XVIII века. Автором данного руководства представлена история жанра оды в мировой литературе

от древности до современности, причем в сравнительно-историческом аспекте: Державин из-за отсутствия русской теоретической базы жанров опирается на западноевропейскую традицию (Ш. Батте, Зюльцер, Гецель.). При этом теория, изложенная Державиным, во многом нарушает ход привычных для русского классицизма канонов. Например, Западов В.А., который работал с ранее не опубликованными частями «Рассуждения», полагал, что «принципиальное провозглашение правомерности существования «различных вкусов» [13, с. 597] означает полнейший разрыв Державина со всеми нормативными поэтиками – как классицистической, так и сентименталистской. Это – утверждение принципа историзма, взятого в аспекте анализа и оценки определенного литературного явления – лирики» [14, с. 245].

О принципиальном нежелании поэта соблюдать четкие правила классицизма свидетельствует и тот факт, что риторический жанр оды, ранее в русской поэзии существовавший только в чистом виде, представлен Державиным в своем «Рассуждении» в виде французской «общежительной» и немецкой «смешанной» оды, снабженные преимущественно его собственными примерами. При этом «общежительные» оды вбирали в себя как анакреонтические, так и юнговские мотивы; могли быть «различного содержания: веселые, роскошные, задумчивые и печальные» [15, с. 295]. А «смешанные» являлись своего рода копией «общежительных», в которых «разность предметов производит разнообразие и рождает изобилие, оказывает остроту ума как молнию, от одного края неба до другого мгновенно устремляющуюся, что возбуждает удивление; но только тут весьма нужно здравомыслие, или логика. < > Внезапное же совокупление всех далеких и близких лучей, или околичностей, к одной точке есть верх искусства. Оно-то, потрясая душу, называется изящным или высоким» [15, с. 302]. Стирание межжанровых границ – один из главных признаков оды Державина.

Если сравнить одические черты, выделенные Державиным, с признаками классической оды (Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова), опираясь на тексты риторических руководств, то мы обнаружим, что существует определенный набор постоянных черт, присущих данному жанру и находящихся свое отражение в теоретических трудах предшественников поэта:

1) Высокий слог. «Слогъ имѣють твердый, громкій, возвышенный, благородный», «никогда площадныхъ или простонародныхъ словъ себѣ не дозволяютъ» [13, с. 521 – 522].

2) Изобретение поэтического текста по закону общих риторических мест, которое находится в противоречии с принципом вдохновения: «въ превосходныхъ лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющее» [13, с. 523].

3) Высокость – «лирическое высокое заключается в быстром парении мыслей, в непрерывном представлении множества картин и чувств блестящих, громким, высокопарным, цветущим слогом выраженное, который приводит в восторг и удивление» [13, с. 537].

4) Метафоричность, витиеватость стиля.

5) Риторические вопросы, обращения.

6) Наставительность и поучительность.

К авторским, индивидуально переосмысленным жанровым особенностям оды относятся:

1) Державин в основе оды видит не материю (Тредиаковский), а только вдохновение, свободное от логических размышлений. «Въ прямомъ вдохновении нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсуждения; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высококомъ парении своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представлений» [13, с. 523]. Отсюда, творческий подход к сочинительству, а не состоящий в четком следовании руководствам. «Она не наука, но огонь, жаръ, чувство» [13, с. 518] – пишет Державин об оде.

2) «Безпорядокъ лирической значить то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстротекущихъ мыслей расположить логически. Потому ода плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ, или безпорядокъ правильный [13, с. 539]. Лирический беспорядок уже неоднократно находил свое отражение в произведениях Буало, Ломоносова, Сумарокова, но Державин говорит об отсутствии «плана», хотя ода состоит из определенных структурно-логических частей, то есть соответствует определенной риторической модели [16, С.164-168].

3) Объем оды строго не регламентировался, хотя думается, что автор выступает не против длины, а против лишних повторов. «Ода должна быть кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна; ибо предполагается, что возбуждена мгновеннымъ чувствомъ какого-либо предмета; а потому и не можетъ то чувство долго продолжаться въ равной силѣ» [13, с. 544].

4) Правдоподобие изображаемого в оде. «Поелику же истина одна даетъ вымысламъ вѣроятіе, а вымыслы истину только украшаютъ, то и надобно, чтобъ лирическая пѣснь содержала въ себѣ нѣкоторую правду, или былъ, а безъ того она не достигнетъ своего значенія» [13, с. 546].

5) Ода становится синтетическим жанром, поэтому поэзия должна быть музыкальной. «Любителямъ изящныхъ художествъ извѣстно, что поэзия и музыка есть разговоръ сердца; что ищутъ онѣ побѣдъ единственно надъ сердцами такимъ образомъ, когда нѣжныя струны ихъ созвучностию своею въ нихъ отзываются» [13, с. 571].

Обратим внимание на такой внериторический принцип лирической оды Державина как «вдохновение». Исходя из лирических установок, ода должна писаться в тот момент, когда поэт находится под влиянием страсти, переживает восторг и восхищение. То есть поэт для написания, например, оды на случай (день рождения, смерть, бракосоче-

тание и т.д.) просто должен пережить сильный эмоциональный всплеск, иначе ода писаться не должна. Так ли просто это сделать? Почти полвека жанр оды в России представлял собой либо результат творчества отдельных мастеров, действовавших от себя в рамках торжественного протокола, либо фабрику комплиментарных од от Академии наук. Державин же выступает за искренность чувств и истинность страсти, лежащей в основе одических отношений, она не создается по писаному, она – живое чувство.

Практическим воплощением одической реформы Державина, которая была озвучена задолго до «Рассуждения» еще в 1767 году, становится «Ода Екатерине II». Державин сохраняет внешнюю форму оды: традицию четырехстопного ямба и десятистишье. Воспроизводит свойственные для жанра торжественной оды «общие места»: мифологические образы (Музы, Парнасс, Фемиды), тему Петра Великого, прославление императрицы (равнодушна к славе, трудолюбива, заботлива, законопослушна, избавила народ от кровопролития, распространяет науки среди молодежи). Наряду с этими уже устоявшимися одическими чертами Державин поэтическим языком отвергает риторически приличные для оды характеристики, как-то витийственный стиль и «пышныя пареньи», аргументируя это тем, что в подобном высоком антураже нуждаются лишь неискренние, полные лестии комплименты:

Но если пышныя пареньи
Однимъ искусствомъ, въ восхищеньи,
Сердца, безъ истины, плѣняютъ;
То въ вѣки будущихъ премѣнъ
Въ подобны басни ихъ вмѣняютъ,
Что пѣлъ Гомеръ своихъ временъ [17, с. 242].

Твои, монархиня, доброты,
Любовь, судъ, милость и щедроты
Безъ украшеніевъ сіяютъ!
Поди ты прочь, витійский громъ!
А я, что Россы ощущають,

Лишь то моимъ пою стихомъ [17, с. 242].

Отсюда, совершенно иная трактовка «истины святой», которую поэт считает главным источником вдохновения, а вовсе не дар Аполлона по обыкновению предшественников Державина. Как и Буало, призывавший к изображению испытанных чувств, поэт через весь текст оды проходит лейтмотив настоящего, естественного восхищения. Появляются символические образы царицы в виде «той пернатой, // Что кровь свою изъ персей льетъ» или «стрельца, оружием снабженного», которые одинаково указывают на заботу Екатерины о своем народе, о способе ее прихода к власти и непрестанным попыткам остановить кровопролитие [17, с. 243-244].

Среди од Державина встречаются и те, которые буквально повторяют классические образцы, причем написанные в разные временные промежутки и скорее символизирующие способность по-

эта к наследованию традиций. В сборнике «Читалагские оды» (1774), который отличается тем, что содержит переводные и оригинальные произведения, содержится еще один образец, посвященный сорокапятилетию Екатерины II, – «Ода на день рождения Ея Величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 года». Это произведение стало ярчайшим образцом канонического жанра торжественной оды в духе М.В. Ломоносова, как стилистически, так и содержательно. При этом автор не упустил возможности еще раз обозначить свое отношение к выражению только настоящих чувств и эмоций по отношению к предмету оды:

Тобою паче просвѣщенны,
Мы баснями тебя не чтимъ;
А если къ онымъ прибѣгаемъ,
Живѣй лишь мысль представить чаемъ,
Въ тебѣ его что образъ зримъ [17, с. 34].

Еще одним свидетельством поклонения Державина одическому творчеству Ломоносова можно назвать «Оду на взятие Измаила» (1790), которая в лучших традициях торжественных од «на победу в сражениях» воспроизводит исторические подробности хода битвы под Измаилом, прославляет российский народ и любимую им царицу. Ода содержала тридцать восемь строф, по своему стилю едва отличимых от ломоносовских, и принесла автору не только славу, но и восхищение императрицы.

Незначительным отступлением от жанровых канонов является стихотворение высокого содержания «На побѣды Екатерины II надъ турками» (1772), которое отличается отсутствием классической наполненности оды. Это возвышенно-художественный синопсис побед русского народа в русско-турецкой войне 1768 – 1774 гг., изобилующий мифологическими образами, фамилиями главнокомандующих, отмеченными победами географическими названиями и демонстрирующий принципы краткости, правдоподобия и высокости:

Екатеринѣ, звать, положено судьбами,
Чтобъ не стеналь Босфоръ Магмета предъ ра-
бами! [18, с. 15]

Ярким и неожиданным явлением в русской литературе стала «Фелица» (1782), написанная по этому по совершенно не торжественному поводу – публикация «Сказки о царевиче Хлоре» под авторством Екатерины II в 1781 году, которая помогла воплотить авторский замысел в жизнь. Сама идея представить царицу в сказочном образе богини блаженства Фелицы, окруженной мурзами, аллегорична. Державин писал: «Иносказаніе <>, когда поэтъ, скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностью его, какъ-бы подъ рукою, истинныя его доброты, или пороки, лаская тонкимъ образомъ чьему-либо самолюбію, или издѣваясь надъ онимъ...» [13, с. 563]. Описцы традиционно обожествляли монархов, воспевали их мудрость и таланты, используя при этом иносказанія, но в данном случае прием аллегории был положен Державиным как смыслообразующий в основу «Фелицы» во главе со сказочной царицей, господствующей в вымышленном государстве, что было не свойственно классической оде:

Но гдѣ твой тронъ сіяеть въ мірѣ?

Гдѣ, вѣтъвъ небесная, цвѣтешъ?

В Багдадѣ – Смирнѣ – Кашемирѣ? [18, с. 148]

Кроме того сам поэт отмечал в своем «Рассуждении», что оде приличествует «необыкновенность чувствъ и выражений <>, когда поэтъ неслыханными прежде на его языкѣ изреченіями, подобіями, чувствами или картинами поражаетъ и восхищаетъ слушателей, излагая мысли свои въ прямомъ или переносномъ смыслѣ» [13, с. 567]. Отличает данное произведение от одического канона отсутствие высокого парящего стиля и одического восторга.

Д.В. Ларкович обращает внимание на характерный способ повествования в оде: «Поэт сознательно отходит от канонической чистоты одического стиля и ориентирует дискурсивный строй «Фелицы» на разговорную модель, нередко используемую в жанре стихотворной сказки (новеллы), которой присущи тематическое, стилевое и интонационное многообразие» [3, с. 18]. Автор в тексте оды выступает не в роли рассказчика и восторженного певца комплиментов, а в качестве полноценного героя, который просит совета, размышляет, перевоплощается и при этом простым слогом описывает человеческие качества Екатерины, держась совершенно непосредственно:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ нами
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра [18, с. 133].

Вслед за Д.В. Ларковичем, Н.Ю. Алексеевой мы утверждаем, что «Фелица» – доказательство жанрового синтеза, когда комплиментарная ода содержит в себе черты сатиры и литературной сказки, так как Державин, неординарным способом превознося царицу, параллельно обнажает пороки и недостатки ее подданных, иногда укоряя их:

Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преображая въ праздникъ будни,

Кружу въ химерахъ мысль мою... [18, с. 134].

Сопоставим две торжественные оды Державина на случай рождения престолонаследников, написанные с разницей в двадцать один год, – «На рождение в севере порфирородного отрока» (1777) и «На рождение Великого Князя Михаила Павловича» (1798). Заметим, что два этих образца можно назвать мини-одами, поскольку, сохраняя мотивы и стилистические характеристики классической оды, они состоят всего из соответственно одиннадцати и десяти восьмистиший, что на практике воплощает принцип краткости по Державину: «Поелику высокая ода наполняется горячимъ, сильнымъ чувствомъ, то и разумѣется, что ода должна быть

кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна...» [13, с. 544]. В одах, посвященных рождению престолонаследников («На рождение великой княжны Ольги Павловны» 1792), датированных XVIII столетием, поэт был не слишком многословен: младенцу – маленькое стихотворение.

Итак, по случаю рождения Александра Павловича в 1777 году Державин, прежде чем опубликовать оду переписывает ее несколько раз, упражняясь в стиле, как дает в пояснениях Я. Грот: «На это событие онъ тогда же сочинилъ оду въ Ломоносовскомъ вкусѣ; но находя, что она не соответствуетъ его собственному дарованію, онъ ее уничтожилъ и потомъ написалъ эти стихи, которые самъ онъ называетъ «аллегорическимъ сочиненіемъ» [18, с. 82]. По мнению Алексеевой, это стихотворение совмещает в себе черты русской классической и анакреонтической оды, так как в основу положено торжественное событие, обыгранное автором при помощи сказочных мотивов и мифологических образов. Рождение Александра смягчает даже суровый северный ветер: «Родился – и въ ту минуту // Пересталъ ревѣть Борей» [18, с. 83]. Как в популярном сказочном сюжете наследнику были принесены дары от духов, покровительствующих его роду, и бескрайняя Россия приняла будущего царя. Автор предрекает порфирородному отроку лучшие качества и провозглашает божественность его происхождения:

Онъ простеръ лишь дѣтски руки
Ужь порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки
И весь Сѣверъ возсіялъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи
Растворенъ Судебъ чертогъ,
Я подумалъ въ изумленьи:

Знать родился нѣкій Богъ! [18, с. 83].

Таким образом, Державин, снова экспериментируя с аллегорией, синтезируя жанры сказки, мифа, оды, тем самым обновляет риторическое содержание торжественной оды.

В 1798 году Державин пишет оду «На рождение Великого Князя Михаила Павловича», причем «ломоносовский вкус» его несколько не смущает. Данное стихотворение представляет собой сокращенную версию классической панегирической оды, обладающей традиционной для ораторской речи структурой, обозначенной в «Риторике» М.В. Ломоносова 1744 года:

1. Яркое и образное вступление, которое содержит метафорическое загадочное описание главного святого:

Куда, силъ грозныхъ воевода,
Надѣвъ огнепернатый шлемъ,
На бедро лучъ, съ небесна свода
Ты радужнымъ течешь путемъ? [19, с.150-151].

2. Тема оды – чудесный приход на землю архангела Михаила по случаю рождения престолонаследника – представляет собой аллегорическое обыгрывание имени новорожденного:

Дитя! симъ именемъ зовись;
Стань браней, мира на дорогуб;

Въ dospѣхи правды облекись;
Прими духъ мужества, духъ силы,
Лучъ свѣта, званье, образъ мой
И горняго паренья крылы:

Архангель я и пѣстунъ твой [19, с. 151].

3. Истолкование заслуг, которыми славится адресат оды, дается в виде предсказаний и уподобления славе далеких предков, например, Михаилу Федоровичу:

«Подаждь, вселенной Вседержитель!»
Взываетъ къ звѣздной вышинѣ,
«Да юный молніи носитель
Михаилъ древній будетъ мнѣ!
Пресѣкъ нестройство тотъ, крамолу,
Началомъ славы былъ моею,
А сей, подпорой ставъ престолу,
Да царствуетъ въ сердцахъ людей!» [19, с. 152].

4. Доказательства величия и славы героя носят предположительно доверительный характер, так как поэт изображает достоинства новорожденного наследника, которые станут залогом его славы и причиной народной любви лишь в будущем:

Смотри, надъ доломъ какъ летая,
Онъ зреть вокругъ змѣй и вержетъ громъ,
А тамъ, любовью нѣжной тая,
Птенцовъ жметъ кокошь подъ крыломъ.

Иль учить: «Ты порфиророденъ,
Прямой твой долгъ есть долгъ небесъ:
И міра царь есть рабъ Господень,
Взыщи премудрости словесъ:
Священна доблестъ — право къ власти;
Лишь правда — надъ вселенной царь;
Благоволеньемъ къ смертныхъ части
Всевышній зиждетъ свой алтарь» [19, с. 154]

5. Заключение содержит традиционные призывы к благостному взрослению:

Подъ кровомъ ангельскимъ, небеснымъ,
Отца и матери рукой
Расти, дитя, расти прелестнымъ,
А возмужавъ, явись герой!
Страна твоя сильна, преславна,
Обширно поле, гдѣ парить;
Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространнае,
Гдѣ бь можно столь добра творить! [19, с. 155].

Несмотря на структурно-композиционное соответствие данной оды панегирику и высокий слог оды, нельзя не отметить своеобразие авторского подхода и художественного замысла.

Выводы и предложения.

Исследование одического творчества Державина позволяет утверждать, что автор опирался на опыт античной, французской, немецкой и русской стихотворной традиций. Его поэзия воплощала тонкую грань между риторическими канонами и блестящим выражением чувств, при этом, он, то следовал классицистическим правилам, то нарушал их. Феномен поэтического творчества Державина в том, что большинство его лирических произведений – это уход от риторик, схематизма и искусственности, черты и признаки которых он лично

обозначил в своем «Рассуждении» в завершении творчества.

Так, на основании анализа од Державина в соответствии с русскими риториками и поэтиками XVIII столетия, в том числе руководством самого Державина, можно отметить модификацию жанра торжественной оды, которая характеризуется следующими признаками:

1. Изменение дискурсивной направленности оды: не публицическая, а лично ориентированная (от автора к адресату).

2. Частичный отказ от высокого парения и одического восторга.

3. Вариативное нарушение одической структуры: отсутствие плана.

4. Переменный отказ от использования традиционных одических топосов.

5. Синтез жанров в рамках торжественной оды.

6. Вдохновение как обязательное условие для создания оды.

Среди одических образцов державинской лирики яркими примерами жанровой модификации являются оды «Фелица», «На рождение в севере порфиородного отрока». Эти лирические произведения – не только проявление яркой творческой индивидуальности, но и свидетельство перехода поэзии от классицизма к предромантизму.

Список литературы:

1. Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII-XVIII веках. М.: Наука, 2005. 371 с.

2. Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века: автореферат диссертации. М., 2006. 39 с.

3. Ларкович Д.В. Феномен авторского сознания Г.Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX века: автореферат диссертации. Екатеринбург, 2012.

4. Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. Москва: Языки русской культуры, 2001. 352 с.

5. Стенник Ю.В. Ломоносов и Державин. // Ломоносов и русская литература. М.: «Наука», 1987. С. 235–267.

6. Полякова Л.В. Г.Р. Державин: к концепции современного прочтения поэтического творчества // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. Вып. 7 (63). С. 23.

7. Аверинцев С.С. Поэзия Державина // Из истории русской культуры. Том IV (XVIII – начало XIX века). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 832 с.

8. Левицкий А.А. Образ воды у Державина и образ поэта // XVIII век : сб. 20. СПб., 1996. С. 47–71.

9. Большая советская энциклопедия: под ред. А.М. Прохорова. М.: Сов. энциклопедия, 1969—1978.

URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F#ixzz4n4eZwNUh> (дата обращения: 17.07.2017)

10. Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

11. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 512 с.

12. Кистанова А.В. Жанр оды в теоретической рефлексии английских поэтов XVII – XVIII веков (А. Каули, У. Конгрив, Э. Юнг). // LIBRI MAGISTRI: вып. 1. Магнитогорск: ИЦ МГТУ, 2015. 196 с.

13. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1864-1883. Т. 7: Сочинения в прозе. 1872. 778 с.

14. Западов В.А. Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». // XVIII век: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Сборник 15. Л.: «Наука», 1986. С.229–282.

15. Западов В.А. Последняя часть «Рассуждения о лирической поэзии» Г.Р. Державина. // XVIII век: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сборник 16. Л.: «Наука», 1989. С. 289–318.

16. Волик Н.А. Торжественная ода М. В. Ломоносова в русской литературе XVIII века и ее взаимодействие с риторическими руководствами. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». Вип. 75. Харьков: Видавництво Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 2016. С. 164–168.

17. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1864-1883. Т. 3.: Стихотворения. Часть III. 1866. 808 с.

18. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1864-1883. Т. 1.: Стихотворения. Часть I. 1864. 872 с.

19. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1864-1883. Т. 2.: Стихотворения. Часть II. 1865. 752 с.

Anokhina V.S.
candidate of philological Sciences,
associate Professor of the department of Russian language,
culture and correction of speech of Taganrog Institute
named after A.P. Chekhov (branch) Rostov State University of Economics.

Анохина Виктория Сергеевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
культуры и коррекции речи
Таганрогского института имени А. П. Чехова
(филиала) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»

**SPEECH LEADERSHIP IN A FAMILY:
 DETERMINATION CRITERIA AND MEANS OF EXPRESSION
 РЕЧЕВОЕ ЛИДЕРСТВО В СЕМЬЕ:
 КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ¹**

Summary: The article deals with the linguistic aspect of leadership as a social phenomenon manifesting in any social communities which pursue a common goal. Unlike studies of a linguistic personality of a leader and his speech portraying, this paper considers speech markers of leadership in such a small social group as a family. The role and the importance of a family in people's life cannot be overstated. In any social group, especially in a family, people have not only psychological influence with each other but also linguistic one. Therefore, the stability of a family as a lingua-social unit of a society depends on the speech leader who can influence group processes taking place in his family with his behavior and «speaking».

Key words: leadership, speech act theory, conversation in a family, strategies and tactics of speech behavior, speech leadership.

Аннотация: Данная статья посвящена лингвистическому аспекту рассмотрения феномена лидерства как социального явления, проявляющегося в любых социальных общностях, стремящихся к общей цели. В отличие от исследований, направленных на изучение языковой личности лидера и его речевое портретирование, в данной работе рассматриваются речевые показатели лидерской позиции в такой малой социальной группе, как семья. Роль и значение семьи в жизни человека невозможно переоценить. В любой социальной группе, особенно в семье, люди оказывают друг на друга влияние не только психологическое, но и лингвистическое. Поэтому от речевого лидера, который своей манерой поведения и «говорения» может влиять на происходящие в семье групповые процессы, во многом зависит устойчивость семьи как лингвосоциальной ячейки общества.

Ключевые слова: лидерство, теория речевых актов, речевое общение в семье, стратегии и тактики речевого поведения, речевое лидерство.

Понятие лидерства широко используется во многих науках – философии, социологии, психологии, экономике, политологии и др. Широкое использование данного понятия связано, прежде всего, с фундаментальными проблемами личности и ее роли в истории. Каждая наука при определении этого понятия использует свой терминологический аппарат, акцентируя в первую очередь те аспекты, которые обычно изучает. В философии представления о лидерстве связаны с масштабностью исторических личностей – лидеров, в психологии исследуются личностные особенности лидера, в социологии лидерство рассматривается как отношения и влияние людей в системе межличностного взаимодействия. При любом подходе к этому объекту исследования важно то, что феномен лидерства – многоаспектное социальное явление, проявляющееся в

любых социальных общностях, стремящихся к какой-либо общей цели. Отношения лидерства проявляются всегда и везде, где возникает группа людей, и существуют во всех сферах социально значимой деятельности человека.

Большая часть исследований проблемы лидерства посвящена политическому лидерству, организационному лидерству, лидерству в менеджменте. В лингвистике ученых интересовала, прежде всего, языковая личность и речевое портретирование политических лидеров (Ю. А. Сорокин, В. Н. Базылев, Ю. С. Альшеева, Т. Б. Соколовская).

Дать универсальное определение лидерства, наверное, невозможно, что подтверждает большое количество трактовок данного термина. Общепринятым является понимание лидерства как «отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-04-00374 на тему «Стратегические речевые предпочтения жителей южного города (на материале семейного общения)», проводимого в ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»; руководитель канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, культуры и коррекции речи В. С. Анохина.

группе» [10, с. 254]. В русле нашего исследования внимания заслуживает определение Г. Вайриха и Г. Контца, которые определяют лидерство как «влияние, т.е. искусство или процесс влияния на людей таким образом, чтобы они добровольно прилагали усилия и энтузиазм для достижения групповых целей» [9, с. 303]. В любом случае лидерство предполагает процесс социального взаимодействия, в котором личность управляет членами группы для достижения цели.

В связи с этим обратимся к существующим теориям лидерства, в которых можно выделить 3 подхода к определению значимых факторов эффективного лидерства: подход с позиции личностных качеств, поведенческий подход и ситуационный. Анализируя общетеоретические основы изучения концепта «лидерство», Е. Ю. Гурова отмечает, что «краткий обзор ранних исследований показывает неточность определения самого понятия, фрагментарность его изучения, смещение акцента в пользу лидерских качеств» [5, с. 99]. Подход с позиции личностных качеств (личностная теория лидерства) основан на выделении набора определенных свойств и личностных характеристик, способствующих эффективному руководству. Согласно поведенческому подходу, эффективность лидерства определяется не столько личностными качествами, сколько манерой поведения по отношению к окружающим и умением побудить людей к достижению общих целей. Однако экспериментальные исследования показали, что разные ситуации для эффективного лидерства требуют разных характерных особенностей личности и поведения. Поэтому современная теория лидерства обратилась к ситуационному подходу, согласно которому утверждается, что в эффективном лидерстве решающую роль могут играть дополнительные факторы – потребности и личностные качества человека, требования и воздействия среды, общая характеристика ситуации и др.

Для нашего исследования важны все три подхода в теории лидерства, поскольку мы предполагаем, что понятие речевого лидерства включает и специфику личности человека, и поведенческие особенности, способствующие эффективному взаимодействию в определенных ситуациях семейного речевого общения. В данном случае целесообразно обращение к термину «речевое поведение», который Т. Г. Винокур относил к тем смежным категориям, которыми занимаются активизирующиеся в последние десятилетия междисциплинарные науки, посвященные проблемам социо-, психо-, прагмалингвистики и теории речевых актов [4]. При этом поведение рассматривается как «наиболее характерное, регулярное, рационально объяснимое и эмоционально оправданное состояние человека, в нашем случае – во время совершения речевого действия»; речевое поведение – это «использование языка людьми в предлагаемых обстоятельствах – разномасштабных и многосоставных» [там же, с. 5, 6]. Выявление типичности речевого поведения может представлять закономерность формирования разных видов

коммуникативно направленной речевой деятельности членов того или иного сообщества (в нашем случае семьи как малой социальной группы).

Цель данной статьи – рассмотреть проявление феномена лидерства в лингвистическом аспекте с точки зрения теории речевых актов на примере речевого общения в такой социальной группе, как семья.

Материалом для исследования послужили записи устной речи представителей разных семей жителей южного провинциального города – Таганрога. На основе анализа их диалогического взаимодействия мы выявляли способы осуществления и средства выражения речевого лидерства в семье.

Семья в нашем исследовании рассматривается как специфическая социальная единица, обладающая своим речевым репертуаром. Возможность для такого изучения семьи обусловлена ее особенностями как малой социальной группы согласно следующим дифференциальным признакам: «1) малочисленность состава, которая определяет непосредственные взаимоотношения членов группы; 2) постоянство контактов, способствующее устойчивой системе связей и отношений; 3) относительная самостоятельность в общественных отношениях, которая формирует собственную эмоционально-психологическую сферу; 4) существование в силу объективной необходимости совместных действий; при этом личность в групповой деятельности приобретает свою социальную сущность; кроме того, в группе формируется особая система ценностей и норм поведения» [6, с. 443].

Семья, по определению А. И. Антонова, «это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родительства-родства, и, тем самым, осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [1, с. 44]. При этом семью мы рассматривали в двух смыслах: в узком смысле – как простую, или нуклеарную, супружескую семью, состоящую только из родителей и их детей, проживающих вместе; в широком смысле – как сложную, или составную, семью, включающую людей, связанных брачными и родственными отношениями. Соответственно под семейным общением мы понимали не только «общение совместно проживающих людей, связанных кровно родственными связями или вступивших в родственные отношения» [3, с. 13], но и общение людей, связанных родственными узами, проживающих отдельно и являющихся членами разных, простых семей (по определению А. Н. Байкуловой – общение родственников [там же, с. 14]).

Отношения «доминирования и подчинения, влияния и следования» свойственны любой семейной системе и связаны с асимметрией семейной ролевой структуры, обусловленной иерархическим неравенством, неравенством в уровне компетенции, возрастной разницей (см. подробнее 7, с. 394–402; 3, с. 37–68).

Рассмотрев различные определения лидерства, следует отметить, что наиболее частыми словами для его описания являются «главенство», «власть», «авторитет», «руководство», «влияние».

Согласно результатам опроса, целью которого было выяснение показателей, связанных с понятиями главенства, лидерства, власти во внутрисемейной коммуникации, в качестве признаков были названы «главная роль в принятии важных семейных решений, организации быта, воспитании детей, ум, заработок, распоряжение семейным бюджетом, владение имуществом. С властью ассоциируется проявление таких свойств характера, как ответственность, умение заставить, подчинить своей воле членов семьи» [3, с. 38].

Таким образом, можно утверждать, что речевое лидерство в семье может быть связано с ролевым статусом членов семьи, их образованием и уровнем речевой культуры, ответственностью и обусловлено оно определенной ситуацией взаимодействия.

Главенство (лидерство) в семье, проявляющееся на речевом уровне, связывалось, прежде всего, с реализацией определенных стратегий и тактик и частотностью их использования (см. работы А. Н. Байкуловой, А. В. Занадворовой и др.). Для определения стратегической направленности необходимо выделение его целевых характеристик. Цель общения – это то, ради чего у человека возникает данный вид активности. В реальном общении люди часто имеют не одну цель. Цель общения задает общую стратегию инициатора диалога, ответные стратегии собеседника, определяет тактические ходы общающихся, характер их речевых действий. На разных этапах взаимодействия коммуникантов в зависимости от количества целей и их приоритетности партнеры по коммуникации корректируют свои речевые действия. Это становится возможным в силу того, что каждая речевая стратегия характеризуется набором определенных тактик.

Но независимо от целенаправленности общающихся, их индивидуально-психологических качеств и этно-культурной принадлежности существуют всеобщие правила общения, в основе которых лежат выделенные Дж. Н. Личем и Г. П. Грайсом принципы вежливости и кооперативности. Эти правила дополняются культурноспецифическими, которые основаны на традициях и нормах определенной лингвокультуры. Коммуникативные нормы и правила – фактор, влияющий на успешность общения; следование им гармонизирует общение, позволяет эффективно строить речевое поведение в конкретных ситуациях взаимодействия.

Рассматривая эффективность речевого взаимодействия, социологи и лингвисты все чаще стали употреблять понятие «речевой лидер». «Так называют они члена группы, который служит образцом для речевого подражания. Обычно речевое лидерство бывает связано с лидерством психологическим: речь того, кто не имеет в группе авторитета, кто пользуется симпатиями членов группы меньше, чем кто бы то ни было другой, редко становится моделью для подражания. И напротив: человек, которого большинство группы признает интеллектуальным и психологическим лидером, как правило, оказывает влияние своей манерой говорить на речь

других членов» [8]. Поэтому речевое лидерство в семье мы определим как кооперативно направленное речевое поведение человека, имеющего высокий уровень речевой культуры и обладающего соответствующим уровнем компетенции в определенной ситуации семейного взаимодействия.

Далее рассмотрим критерии, по которым можно судить о проявлении речевого лидерства в семье.

1. Речевая активность. Речевую активность можно связать с количественным показателем участия в диалоговом взаимодействии, в длительности высказываемых реплик. Так, например, в одном из проанализированных диалогов мужа и жены выявлено, что реплики мужа состоят из 1 – максимум 6 предложений, а реплики жены – из 1–12 предложений. В диалоге между матерью и взрослой дочерью реплики матери состояли из 5–22 предложений, а дочери – из 3–7. Речевое лидерство в последнем примере подтверждалось речевыми поддержками дочери – краткими репликами-реакциями, которые показывали, что мать может и дальше сохранять свое речевое лидерство. Чаще всего это были тактики согласия, заинтересованности и близкой дистанции, например: *Ну понятное дело//, Угу//, Ну-ну//, И все/ да?, Понятно//.*

В тексте записей разговоров двух родственниц в другой семье наблюдалась та же тенденция – речевая лидерская активность проявлялась в распространенности высказываемых реплик – 3–13 предложений, речевая поддержка в подобных реплика-реакциях: *Ага//, Ну-у-у!, Ну ты бы рассказала по-дробней//.*

2. Инициативность в общении выражается в предложении и разработке новых тем для разговора. Так, в одной из записей семейных разговоров, где принимали участие 3 члена семьи, было затронуто 10 тем, инициатором 7 из них было лицо, проявляющее наибольшую речевую активность.

3. Статусно-ролевое главенство в семейной иерархии. Данный критерий касается речевого выражения ролевого семейного влияния. Например, для речевого поведения мужа типично использование стратегий и тактик, подчеркивающих его главенство в ответственности за семью и заботе о ее членах, общем контроле происходящего в семье и др. Реализуется речевое лидерство в данном случае в информационной стратегии посредством вопросительных тактик. Так, в одном из проанализированных диалогов мужа и жены, состоящем из 35 реплик, 8 реплик были высказаны мужем в виде общих вопросов: *Родители были?, Кто приходил?, Откуда колбаса?, Что Полина?, Что говорит Семенова?, Женихи уже звонят?* и др.

Регулятивная стратегия, выражающаяся в использовании императивных тактик, часто свойственна речевому поведению матери в общении с детьми. Например, мать говорит детям 4-х и 10-ти лет: *Так/ вам еще 10 минут смотреть мультики/ и купаться//, П./ тебе пора заняться чем-нибудь полезным/ иди почитай и поубирай в комнате//, Ребята/ давайте вместе щас посуду перетрем и будем кино смотреть//.*

С ролевыми семейными позициями также связана и модальная стратегия, используемая членами семьи, и выражающаяся в тактиках обвинения и упрека. Например, мать говорит дочери: *П./ не трогай его (младшего брата)/ ты же старше/ отдай ему/ он поиграет и отдаст!* На что дочь отвечает: *Ну конечно/ как только я начала брать/ и ему сразу надо!* Тактика обиды в данном случае демонстрирует подчиненную позицию дочери.

В другой ситуации дочь на несколько замечаний матери не идет заниматься музыкой, мать говорит: *П./ ты обещала 15 минут! Почему ты не сдерживаешь свои обещания?! Ты уже звучишь/ там/ под лестницей?! (место, где стоит инструмент).*

4. Уровень речевой культуры. Данный критерий проявляется в соблюдении норм культуры речи и этики речевого общения. На наш взгляд, это наиболее существенный критерий выделения речевого лидерства в общении. В отношении стратегической направленности можно утверждать, что это речевое поведение, нацеленное на гармоничное общение и взаимодействие. Такое поведение, судя по проанализированным записям семейной речи, более характерно женщинам. Обусловлено это и гендерными личностными особенностями, и ролевым положением женщины – хранительницы семейного очага. Для гармонизации общения в ситуациях конфликта чаще всего используются такие речевые тактики, как смена темы, юмор, шутка, добродушная ирония, похвала и др. Например, дочь жалуется матери: *Мама/ почему как только я беру (игрушку)/ и ему (младшему брату) сразу надо!* На что мать отвечает: *Ну а как ты хотела/ это же закон джунглей// А еще говорят/ кто первый встал/ того и тапки// Но это не про младших//.*

В другой ситуации мать хвалит дочь, которую пришлось долго уговаривать, чтобы она занималась фортепиано: *П./ у меня под твои сходящиеся-расходящиеся гаммы такие вкусные отбивные получаются! О/ прям мне нравятся/ они быстрее жарятся// Видишь/ я даже стихами заговорила!*

На соблюдение норм культуры речи направлено речевое поведение людей, имеющих соответствующий уровень языковой компетенции. Так, в одной из исследуемых семей жена – кандидат филологических наук, своими речевыми ходами всячески стремится исправить речевые ошибки родственников. Например, (из разговора мужа и жены) муж говорит: *Заехал на банкомат на Театральной/ хотел денег тебе положить/ ведутся технические работы// Все работают/ одна ты в отпуску//.* На что жена отвечает: *В о 'тпуске!* В другой ситуации жена делает замечание мужу, который часто вместо слова «побреюсь» говорит «поброюсь»: *С./ ты уже 10 лет со мной живешь/ а все броишься да броишься//.*

Соответствующий уровень компетенции признается и всеми другими членами семьи. Например, свекор в ситуации предстоящего разговора с ризлторами и продавцами о покупке дома говорит невестке: *Н./ разговаривать ты будешь/ ты умеешь// А то я разверничаюсь/ ляпну чего-нибудь//.*

Таким образом, рассмотрев понятие лидерства и его речевое воплощение в семейном общении, можно сделать вывод о том, что речевой лидер в семье – это тот член группы, который своей манерой

поведения и «говорения» может влиять на происходящие в семье групповые процессы, способствовать гармонизации семейных отношений, выступать в качестве образца для речевого подражания. Помимо выделенных критериев речевого лидерства, которые требуют дополнительного рассмотрения, речевой манере лидера свойственны и индивидуальные черты – определенные психологические характеристики, образованность, общая гармоничная направленность в общении и др. В любом случае в любой малой социальной группе, прежде всего в семье, люди влияют друг на друга не только психологически, но и лингвистически. Речь лиц, по замечанию Л. П. Крысина, «составляющих группу, более однородна, чем речь людей, не образующих группы, взятых случайно» [8]. Все указанные выше процессы ведут к тому, что семья является не просто первичной малой социальной группой, а основной лингвосоциальной ячейкой общества, изучение которой находится в рамках одного из приоритетных направлений государственной политики РФ.

Список литературы:

1. Антонов А. И. Социология семьи: Учебник / Под ред. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – 640 с.
2. Байкулова А. Н. Семейные роли и их отражение в речи одного и того же человека // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов/ Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов, 2005. – Вып. 5. – С. 109-116.
3. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан: Монография. – Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2014. – 216 с.
4. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Вступ. Ст. Л. П. Крысина. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 176 с.
5. Гурова Е. Ю. Общетеоретические основы изучения концепта «лидерство» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – № 5. – 2014. – С. 99-103.
6. Ерофеева Т. И. Малая социальная группа как объект лингвистического исследования // Русский язык сегодня: Сб. статей/ Отв. ред. Л.П. Крысин. – М., 2003. – Вып. 2. – С. 443-454.
7. Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 277-340.
8. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bookish.link/russkiy-yazyk/obschenie-sotsialnoy-gruppe-35656.html>.
9. Райгородский Д. Я. Психология руководства. – Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2005. – 768 с.
10. Словарь практического психолога / Сост. С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Купарашвили Мзия Джемаловна
доктор философских наук, Кафедра философии,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского (г. Омск)

МАТЕРИНСТВО – НЕВИДИМАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация:

Для легитимации собственного образа жизни, женщине необходимо добиться включения материнства в пункты чрезвычайной важности, в качестве структурообразующего элемента человека, общества, истории, мышления: ни больше, ни меньше, в качестве способа сохранения человека как вида и в физическом, и психологическом, и духовном смысле. Утверждая себя полноценным человеком без утверждения значимости материнства и легализации прав матерей, женщина никогда не станет ни творцом собственной жизни, ни полноправным членом социокультурной действительности. Корпус проблем, которым обрастает материнство намного богаче, но мы остановимся только на трех из них: аборт, брак и ювенальная юстиция.

Ключевые слова – материнство, справедливость права личности, дискриминация, маскулинность цивилизации.

Kuparashvili M.G.
Doctor of Philosophy,
Professor of Philosophy at Dostoevsky
State University

MOTHERHOOD IS AN INVISIBLE PROBLEM

The summary:

To legitimize one's own way of life, a woman needs to achieve inclusion of motherhood in points of extreme importance, as a structure-forming element of a person, society, history, thinking: no more, no less, as a way of preserving the person as a species both physically, psychologically, and spiritually. Claiming to be a full-fledged person without affirming the importance of motherhood and legalizing the rights of mothers, a woman will never become either the creator of her own life or a full member of the sociocultural reality. The body of problems with which maternity is growing is much richer, but we will focus only on three of them: abortion, marriage and juvenile justice.

Key words –motherhood, justice of the individual's right, discrimination, masculinity of civilization, language

Вряд ли можно найти характеристику, больше позорящую общество, чем дискриминация половинности человечества открыто и завуалировано. Досадный факт состоит в том, что других обществ человеческая история не имела.

Понадобилось 20 веков цивилизации (только в рамках третьего поколения прав – после политического, гражданского, социально-экономического), чтобы добраться до понимания не только истинных прав, но и увидеть сам факт двуполости феномена человека, разглядеть в женщине человека, и, главное, увидеть ее в качестве социальной группы, как отдельный социальный слой. Однако это только факты артикуляции. Т.е., властные структуры признали факт дискриминации по признаку пола, озвучили некоторые меры по ее ликвидации, которые были зафиксированы в государственных и международных конституциях и, с чувством выполненного долга, решили, что вопрос почти урегулирован. Между тем, даже объявленные ООН с большим пафосом 1975 г. – годом женщины, а период 1976-1985 гг. – десятилетием женщины, закончилось провалом, ухудшением положения женщины в

мире. Это не считая принятых: «Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин» 1967 г., «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» 1979г., «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин». ООН, 20 декабря 1993 г.; прошедших в Штаб-квартире Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке с 5 по 9 июня 2000 г. «Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН "Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке», известной также как Пекин+5, и множества международных конференций, посвященных данной проблеме («Всемирная конференция по положению женщин», Найроби, Кения, 1985 г.; «Всемирная конференция по правам человека», Вена, 1993 г.; «IV Всемирная конференция по положению женщин», Пекин, 1995 г. и т.д.).

Несмотря на моду женский контингент в политических партиях и движениях, механическое навешивание баланса в виде квотирования и утверждения о том, что для выработки единой политической позиции международное общество обязано считаться

с политическими позициями женщин и т.д., реального женского политического влияния нет. Традиционный образ женственности все еще требует, чтобы женщина подавляла в себе желание социальной активности. Поэтому в парламентах почти всех стран сидят женщины (если сидят), для отвода глаз, совершенно далекие от политики. Это жены властителей, актрисы, певицы, модели разных мастей, вплоть до – порнографических. Это не удивительно, если вспомнить главную цель: не допустить конкурентноспособных женщин в политику. Тем, кто может составить реальную конкуренцию мужскому способу организации социума и мира, в парламентах вход заказан. А те единицы, которые все же оказались там, существуют на правах «белых ворон», в общем, они свою политику делать не могут, один в поле не войн.

На данный момент женщине позволено пользоваться теми правами, которые писались носителями маскулинной культуры и мужчинами, не редко они писались не для женщин, а против них. Женщина не является субъектом активной социальной силой. Ее лишь пустили уже в готовый, сконструированный по определенным правилам и ценностям мир. Он не видит ее проблем, не вытекает из ее жизненной практики, индифферентен к ее переживаниям, не отражает ее ценностный мир. Отсюда безрезультативность прав, которыми ее наделили, именно поэтому они демонстрируют только неравенство. Пустить женщину на свою территорию согласились только если она будет жить, играть, говорить и действовать по установленным здесь правилам. В указанном мире невозможно найти слова для обозначения ее позиции, их там нет. Невозможно найти права, которые ее защищают, их там тоже нет. Нет правил экономических, политических, нравственных, учитывающих ее представления, отсюда любое ее мнение – против логики уже сконструированного и закрытого мира.

Прежде, чем говорить о равенстве, необходимо создать условия равенства прав, обязанностей и возможностей женщин для участия в процессе формирования этого мира. Однако это невозможно так как, по свидетельству Светланы Полениной, «вопросы экономики, находящиеся преимущественно в руках мужчин во всех странах мира... стали препятствием на пути решения «женского вопроса» в масштабах Земли» [1, с.610]. И до сих пор нет никаких надежных контролирующих механизмов на международном и национальных уровнях, по логике существующих цивилизаций их и не может быть, белая заплатка, пришитая на черную ткань, даже со временем черной не станет. Таким образом, не выполняются права, которые декларируются маскулинной цивилизацией от имени всего человечества – право на личную неприкосновенность, право на одинаковые возможности при найме на работу, право на свободный выбор профессии, право на продвижение в должности и гарантию занятости, право на равное вознаграждение т.д. По логике этих прав, должно быть стыдно куль-

туре, цивилизации, которые могут озвучить следующую статистику, к примеру, для Канады: женщин насилуют каждые 17 минут, одна из четырех женщин была изнасилована когда-то на протяжении жизни [1, с.617]. Не думаю, что в других странах статистика лучше. Любые действия мужчины против женщины, даже если это изнасилование, поддерживается культурным аппаратом, интерпретирующим его как законное и оправданное [2, с.176]. «Наш социальный мир построен на системном, структурном неравенстве, основанном на гендере» [2, с.178]. Собственно, добавить нечего.

Все заявления о равенстве и праве человека на свободу, могут быть в рабочем состоянии только в контексте категории справедливости. Ведь само понятие равенство без равенства возможностей и возможности реализации этих прав, сводит к нулю указанные «права». Как показывает история, специфика нашей цивилизованности состоит в том, что она не приводит к прогрессивным сдвигам в вопросе о дискриминации по признаку пола, наоборот: «Последние два десятилетия сформировали базу основного противоречия постэкономического общества – конфликта социальных сил, стремящихся соответственно к свободе и равенству. Никогда ранее эти две составляющие социалистического идеала не были столь враждебны, как сегодня» [3, с.85]. Да и чего собственно можно ожидать от общества, цивилизации и культуры, которые построены на идеалах: «Функции женщины ограничены обслуживанием мужчин» Демосфен (ок. 348-322); «Женщина всего лишь бесплодный мужчина», «Женственность – это природный недостаток» Аристотель (384-322); «Женщина отличается от мужчин так же, как растение от животных» Гегель (1770-1831). Весьма прогрессивные декабристы, излагая принципы справедливого общества, настойчиво предлагали не допускать женщин к политической жизни государства: «Женщина не только не является субъектом политических прав, но ей даже запрещено присутствовать на открытых заседаниях высшего законодательного органа... парламент обычно допускает присутствие зрителей. Но женщинам... всегда возбраняется вход в Палаты» (цит. по: [4, с. 286].

Так сложилось, что даже на фоне популярности феминных и гендерных тем, проблемы материнства остаются неосознанными и практически не артикулированными. Материнства не видно, по нему не проводят конференции, не принимают законы и резолюции, ООН им не озабочен. Проблемы материнства элиминированы в вопросы феминизма, как бы подразумеваются в силу своей очевидности. На самом деле, их там не видно, они затерты более поверхностными вопросами: нетрадиционные сексуальные связи, извраты трансгендерных отношений, права меньшинств и т.д. Они более удобоваримы, не угрожают мужскому доминированию, над ними можно посмеяться, или показать свое снисхождение, их несерьезность бросается в глаза, их можно безболезненно включить в ряд проблем, которые мужская

культура согласна решать или использовать в собственных целях.

Так, почему же не сработали принятые меры? В том социальном контексте, в котором предоставляются права женщинам, нет онтологического основания для их реализации. В качестве такой основы может быть только материнство. Не потому что оно исключительное свойство женского организма, а потому, что именно из-за осуществления материнских функций, она не успевает делать карьеру, зарабатывать полноценно, заниматься политикой, и, конечно же, из-за него она человек второго сорта, второй пол, другой, иной. Следовательно, оно вместе со своей друговостью, иноковостью должна стать рядом с человеком-мужчиной, и, занимая свое естественное место, строить объективные отношения с ним на основе равных прав. Другими словами, для своей легитимации женщине необходимо добиться включения материнства в пункты чрезвычайной важности, в качестве структурообразующего элемента человека, общества, истории, мышления: ни больше, ни меньше, в качестве способа сохранения человека как вида и в физическом, и психологическом, и духовном смыслах. Вот как об этом высказывается Ненси Чодороу: «Материнство... один из немногих всеобщих и стабильных элементов системы полового разделения труда где бы то не было. ... Поэтому материнство как исключительная ответственность женщины за воспитание потомства редко становится предметом исследований, несмотря на огромное значение этого феномена с точки зрения структуры семьи, системы отношений между полами и полового разделения труда, идеологического взгляда на женщину и на половое неравенство в семье и за ее пределами» [5, с.8-9].

Именно проблема материнства и связанных с ней комплекс репродуктивных прав являются предметом совершенно особого анализа. Социальная неосмысленность материнства, юридическая слепота, культурная неосмотрительность в оценке, сведение его к репродуктивной функции (в зоологическом смысле) превращает материнство из уникального достоинства в недостаток, изъян и основу дискриминации. С прогрессом, поступательным развитием культуры ответственность матери по отношению к ребенку постоянно возрастает. По словам Н. Чодороу, «Материнская мотивация и материнская установка не является ни продуктом биологии, ни результатом произвольного ролевого обучения» [5, с.13]. Заявку о своих естественных правах человек-женщина может базировать только на нем. Если социум нуждается в материнстве вышеуказанном качестве, то от общества требуется следующие виды прозрения: экономическое (калькуляция материнских затрат, времени и рабочей силы, установление заработной платы за материнство), политическое (обеспечение ее присутствия во властных структурах 50/50), культурное (объективная оценка женской жизненной практики и признание духовно-интеллектуального вклада в формирование сущностных сил человека. Материнство исключается из других видов человеческих

отношений и не включено в ряд других форм деятельности), юридическое (полное право на аборт и родительские права 80/20). В этом случае любая проблема, связанная с дискриминацией по признаку пола обретет истинный вес и значение. Все разнообразные спекуляции на тему дискриминации выглядят как отступление от темы, если материнство принимается определяющим фактором всех гендерных проблем.

Показательно, что ни медицина, ни юриспруденция, ни политика, ни экономика не видят данную проблему. Это, прежде всего, касается общественной и юридической неразборчивости при определении «вклада» в «производство» и воспитание ребенка (беременность, роды, кормление, разница объема работы по дому, уходу за ребенком), которая ведет к узакониванию гендерного неравенства. При родах умирали и умирают женщины. Ни один мужчина так не рискует своим здоровьем при «производстве» ребенка. Непонятно на основе чего признаются одинаковые права (это в лучшем случае, но бывает и худшие, когда отец имеет на ребенка больше прав) родителей на ребенка? Исходя из тех принципов равенства, на которых строится мужская цивилизация, очевидно, что если бы она считала женщину полноценным человеком, не могла допустить подобного перекоса по признаку пола. Игнорирование объективных обстоятельств, провоцирует нечистоплотных представителей отцов на цинично-демонстрационную дискриминацию прав матерей. Кроме того, «В последние годы отцовство после развода стало политической проблемой, поскольку возникло много организации, защищающих «право отцов» и объявляющих мужчин жертвами неравенства в решениях о «разделе» детей» [2, с.230]. Между тем, совершенно ясно, что «наиболее разумный подход к вопросу об опекуновстве может основываться на признании разницы «вкладов» отцов и матерей в дело воспитания детей – потраченного на заботу о них времени» [2, с.232]. Несомненно, что первичная забота о ребенке в виде вынашивания плода, роды и кормления, непременно должна делать женщина. Однако дальнейшие уход и воспитание, вполне нейтральные формы семейной деятельности. «Тогда можно спросить, почему именно женщины выполняют эти «материнские» функции, функции заботы и воспитания? Почему человек, который изо дня в день делает все то, что составляет родительские обязанности, не мужчина? Это очень важный вопрос» [5, с.18]. Необходимо четко осознать и артикулировать происхождение подобных идей об «обратной дискриминации». Такое прочтение и контратака на попытки сформулировать законные права матерей, является результатом все еще господствующих норм маскулинности. Такова присказка.

Корпус проблем, которым обрастает материнство намного богаче, но мы остановимся только на трех из них, так как именно через них глушатся самые громкие голоса и аннулируются самые смелые подходы. Это аборт, брак и ювенальная юстиция. Обсуждение же вопроса необходимо начинать с заявления о неотъемлемости права женщины на

аборт, как хозяйина своего тела (в понятие «хозяйка» подспудно присутствует, мыслится другой, противоположный пол, что принципиально исключается в данном контексте). Нужно отдельно указать на тот факт, что в 21-ом веке мужская культура все еще пытается регулировать и эксплуатировать репродуктивные способности женщин. Кинув им право на «женскую сексуальность», которое рассматривается разными исследователями как узко, так и широко в силу неясности и расплывчатости самого термина, мужское общество украдкой спасает от анализа и обнародования действительное содержание проблем, связанных с детородными функциями и материнством. Женщина имеет полное право решать самостоятельно вопрос собственного материнства. Заставить ее силой, законом, традицией и т.д. стать матерью – означает только насилие над личностью, что, как бы, порицается правом во всех системах. Необходимо четко и однозначно прописать это в законе, или же также открыто и однозначно признать и санкционировать положение о неполноценности женщины в статусе человека, из которого вполне обоснованно будет вытекать нарушение прав человека по отношению к ней, возможность регулировать нормы ее поведения и эксплуатировать ее биологические свойства.

Что касается религиозной стороны дела, здесь вопрос более тонкий, однако столь же ясный и очевидный. Вера – феномен личный и интимный, нелишнее напомнить, что модное понятие толерантности (применяемое сегодня где угодно, только не там где оно родное) имеет прямое отношение только к веротерпимости. Будем исходить из того, что женщина совершает грех, но это ее грех, и она подотчетна только перед Ним, на основе веры, она обязана Ему. Но она ничего не должна обществу, она неподотчетна перед ним. Требования общества заставить ее быть добродетельной не только нелепы, но и нелегитимны, незаконны и есть вопиющее нарушение естественных прав женщины. Пока плод находится в ее теле, он принадлежит только ей. Это после появления, то есть рождения, можно говорить о преступлении матери перед ребенком в контексте социальной безопасности, если возникает такая необходимость. В этой связи, уместно напомнить, что, к примеру, мужеложство – грех с точки зрения любой религии. При этом оно весьма распространенное явление во все времена и в любых слоях общества, однако длинные и красноречивые тексты инквизиции не содержат ни одного факта наказания за данный грех. Так почему же образцом маскулинной нравственности служит женщина? Почему демонстративным материалом для мужской добродетели выступает она и способы ее угнетения?

По итогам многочисленных конференций международного уровня, адекватной оценке репродуктивной функцией мешают не только религиозное порицание, но и причины сугубо светского происхождения: бедность и необразованность (многие современные культуры, особенно мусульманского толка не хотят и/или не могут обеспечивать населе-

ние элементарными условиями минимального образования), традиции, обычаи (сохранение варварских норм дискриминации), отсутствие социальных служб (достаточно указать, что для мужской культуры они абсолютно незначительны и не важны, а если такие службы есть, то их деятельность вполне сознательно замалчивается, делается вид, что в этой сфере проблем нет). На Каирской конференции ООН, Исламские страны, страны Латинской Америки и Китай сделали все, чтобы аборт не был назван в решениях указанной организации среди средств планирования семьи. Нужно отметить, что в этих странах аборт уголовное преступление даже в случаях изнасилования.

В связи с этим, хочется затронуть малоозначанный факт: в маскулинных цивилизациях, как правило, женщина используется как средство сохранения традиционных ценностей. Как только радикальный ислам одерживает победу в какой либо стране, уважение к традиционности начинается с того, что девочек отлучают от образовательных учреждений, женщин одевают в странные одежды. При этом все, что предписано исламом мужскому полу практически никогда не возводится в принцип. Католицизм, христианский фундаментализм добиваются возврата христианских ценностей не отрицанием, к примеру, мужеложства или педофилии (к которым папство относится с удивительной терпимостью на протяжении всей своей истории), а запретом на разводы и аборты. Когда в последний раз в 1992-1993 гг., в Венгрии, Польше запретили аборты, объявили о защите жизни зародыша, главным лоббистом выступал папа Иоанн Павел Второй. Таким образом, доблестные мужские организации традиционного толка мужественно стоят на охране традиционных ценностей за счет слабых, бесправных, обладающим низким социальным статусом женщин, демонстрируя тем самым свою истинную веру.

Далее идут проблемы, связанные с институтами брака и семьи. И здесь мы сталкиваемся с вопросами нового прочтения чужойности данных категорий. В качестве классических ячеек общества они давно не осознаются. Рубеж XX-XXI вв. навязчиво рекомендует расширить содержание понятий «брак» и «семья», за счет включения в них антитрадиционных, антигуманных, аморальных, антирелигиозных, антиобщественных форм сожителства. Вот что об этом пишет М. Киммел: «Брак – это нечто большее, чем юридическое право, большее, чем отношения. Это – институт, на основе которого выстроен наш идеал семьи. Лишение права на брак законодательно устанавливает, что гомосексуальные отношения менее ценны, менее важны, чем гетеросексуальные. Такое обесценивание ведет к той самой беспорядочности в связях, который прежде всего обосновывают отказ в праве на семью» [2, с. 233]. Вот это поворот! Довольно странно читать это, после всего того, что было сказано им же о нормальном браке, о детях, о проблемах традиционной семьи. Из всего того, что предшествует этой фразе в книге Киммела, однозначно вытекает если не

обоснование вреда от однополых браков, то признание того факта, что они «менее ценны и менее выжны». А довод по поводу беспорядочных связей вовсе выглядит как издевательство, никто же не назначает гильотину от головной боли! А вот еще слова другого известного специалиста, С. Бем: «Но кое-что можно сделать, и уже делается для поддержки будущих поколений лесбиянок и геев: формулируется традиция утверждения ценности и достоинства их отличий от доминирующих групп» [6, с.234]. Без комментариев.

Русский философ В.В. Розанов посвятил не одну работу проблемам семьи, брака, любви, геев, лесбиянок. И вообще, нужно особо отметить, что русская философская и литературная мысль на рубеже XIX-XX вв. активно переосмысливала те проблемы, которые сегодня называются гендерными.

Для Розанова пол, брак, зачатие – величины мистические и космические, так как проявление жизни проникнуто полом и он тем сильнее и отчетливее, чем сложнее организм, он предопределяет мировую гармонию. Пол – извечная связь тела и духа. Акт зачатия является актом творения «по образу и подобию», отсюда, если нет чувства пола, то нет и чувства Бога, «рождающие глубины человека действительно имеют трансцендентную, мистическую, религиозную природу» [7, с.37]. Брак для Розанова – спасение. Предтеча греха – стыд, «стыд и грех – идентичны; первый есть кожа второго». В поле состоит наследственность греха, стыд своего пола – надлом в человеке. В браке надлом, «совершившийся в секунду грехопадения» выправляется, одежда спадает, но стыд не появляется, главная причина человеческого падения исчезает, таким образом, супружество мыслится как «восстание человека из грехопадения!». Отпадение от греха через рождения ребенка означает и отпадение человека от смерти. [8, с. 108-110].

Брак и его формы весьма разнообразны, никакая отдельно взятая его форма сама по себе не может быть действительной основой брака, однако брак в любом выражении непременно имеет следующие основания: «1) данный в самой природе организма *инстинкт рода*, который является начальным этапом всякого брака или непосредственным побуждением к нему, 2) *дети* – которые служат конечным завершением, последним моментом в браке, и, наконец, 3) физическое единение супругов, *родовой акт*, который связывает между собой начальный и последние моменты, и, таким образом, как бы дает возможность браку перейти из потенции в действительность, - вот все три момента, из синтеза которых складывается *все реальное содержание брака как такового*» [8, с. 87].

Третий пол у Розанова связывается с отцовством размножения и содомией духовной и физической. Однако они исключительно разные, если духовная содомия это ± 0 пола, то физическая – это -1, -2 и т.д. пола.

± 0 – это особые люди с христианскими идеалом безсеменности и бесполости: «иночество составляет всю метафизику в христианстве» [8, с. 200]. В этом качестве, Розанов вписал третий пол в

сущность человека настолько изящно, насколько это было возможно как сточки зрения нравственности, так и – эстетики. Он связан не с разнужданностью, а с чрезвычайной чистотой и богоподобностью человеческой природы, «в характере много лунного и мечтательного». Нет ничего от пола ни в Христе, ни в Божьей Матери, ни в непорочном зачатии. И действительно, третьим полом может быть только синтез двух предыдущих как вариант освождения от пола, от телесного и материального, средой обитания которого выступает интеллектуальная, духовная сфера, он безсеменен, но возвышен.

« $\pm$ пола и есть та свеча, о свете которой сказано, что «тьма никогда его не обнимет». Тьма чего? «греха», «похоти», «вожделения к женщине», «скверны» [8, с.73]. Именно это является водоразделом между +пола и $\pm$ пола, размножением и содомией. С этого начинается духовная содомия. У духовного содомита все другое, чем у размножающегося самца. «Глаз у содомита – другой! Рукопожатие – другое! Улыбка – совсем иная. Обращение, манеры, все, все – иное! Если хотите он *третий* человек около Адама и Евы; в сущности – это тот «Адам», из которого *еще не вышла* Ева; первый полный Адам. Он древнее того «первого человека, который *начал размножаться*» он смотрит на мир более древним глазом» [8, с.74]. Философия таких людей особенная: «Об этом говорят Сократ и Платон, неудачный муж Ксантиспы и вечный девственник, инок-старец античного мира. До него были дьяки и диаконы философии: но вот из садов Академии, точно с трикириями и в полном облачении, исшел великий архиерей метафизики. И все умолкло, прекратилось и восхитилось» [8, с.75]. Однако это когда речь идет о ± 0 поле, о духовной содомии. Логично предположить, что за ним идет физическая содомия.

-1, -2, -3... – это совсем другие формы пола, это перевертыши, урнинги – мужским телом и женскими мозгами и наоборот. «Противо-родовые идеи не могут возникнуть без противо-родовых *инстинктов*; а таковые единственно встречаются, и притом *беспорно* встречаются на той точке текущего пола, где он из влечения к гармонизации с противоположным анатомически полом (сопряжение, супружество) переходит во влечение к слиянию *со своим* полом» [8, с. 108]. Третья психика – не мужское, не женское, здесь извращенная. «Никогда не будет детей. Никогда не будет дома... глубочайше будет разрушен *тип социальной жизни* – разрушен не в бытовом, а в психологической жизни... Это есть то разрушение, на месте которого ничего не вырастает. Не менее разрушается *тип истории*. У него оставляется голова и отсекается туловище. *Будущее* не нужно тому, у кого нет потомства, - будущее полное, всеобщее. Судьба последнего человечества представится под углом зрения не интересов этого человечества, а интересов группы этих одиночек, их – за неимением родового – *духовного союза, духовной преемственности и связи*. Это группа людей будет жить и развиваться

среди человечества, но против человечества, отрицая самый его корень... *Племен, народа, рода* – нет. *Будущего* – нет. *Прогресс* – не нужен...» [8, с. 137-138].

В целом узаконивание однополых браков, в принципе неспособных на воспроизводство себе подобных, наделение их правами усыновления чужих детей, попытки нумеровать родителей и т.д., так же явно направлены на обесценивание феномена материнства. Если вспомнить, что сегодня повсеместно верхушка политической элиты практикует бездетное существование, неудивительно, что материнство невидимая проблема.

Подобные новшества весьма облегчают работу ювенальной юстиции. Обезличивание женщины как человека с уникальной репродуктивной функцией и изъятие законного права на ее обладание, создает ситуацию абсолютной незащищенности и уязвимости не только ее, но, что здесь главное, и – ребенка. В своем статусе и положении он не является субъектом социальных отношений и юридических процедур. Вспомним, что есть случай, когда ребенка разлучают с матерью под предлогом «чрезмерной любви матери». Под громким шумом и треском по поводу нарушения прав ребенка, мы видим печальные результаты подобной заботы: поломанные судьбы, искалеченное детство, психические отклонения. При отсутствии материнской защиты ребенок лишается права развиваться свободно в ласке и любви и передается как предмет «беспристрастной» и имперсональной машине, идеологическому и политическому аппарату по формированию удобной субъективности.

Что есть семья в 21 в.? бабушки\дедушки и более дальние родственники давно не в счет. Сожительство супругов, оформленное любым способом – не семья. Мама\папа, дети – это семья. Однако папа непостоянный элемент. Итого, сегодняшний формат семьи, ядро семейной структуры (даже при наличие папы) – это мама и дитя. Что из этого следует? Собственно нельзя сказать, что автор первооткрыватель. Об этом косвенно можно прочесть в трудах Энгельса, Парсонса, Леви-Стросса и совсем прямым текстом это можно увидеть в работах Чодороу: «Женщина в роли матери – ключевая действующая фигура в сфере социального производства. Именно к этой сфере она принадлежит, и именно эта принадлежность определяет социальное лицо женщины... Большинство социологов либо не обратили внимания, либо не увидели проблемы в этой сфере социального воспроизводства, несмотря на ее важность и признание ее фундаментальным. Поэтому женщина, которая является главным действующим лицом в этой сфере, не получила должного внимания в социологии» [5, с.18-19].

Невидимость, неосознанность, нелегитимизированность функции материнства – это то, что определяет специфику социальной организации гендера. Это «не вижу» является фундаментом и механизмом воспроизводства мужского доминирования и женской дискриминации.

Аргумент, что раньше всех этих проблем не было и все были довольны, приводят весьма недалекие представители обоих полов. Мужскую культуру и цивилизацию раздражает только то, что женщина посягает на обладание того, что мужской пол сам исключительно себе делегировал в качестве естественных прав. Такая социальная легитимация маскулинности, патриархальности и традиционности (в их произвольных формах) единственный реальный фундамент насилия над женщиной и феминностью. Именно из-за этого женщина безнаказанно не может быть полноценным субъектом социальной практики. Достаточно обратить внимание на тот факт, что там и когда патриархальные ценности остаются нетронутыми, ничто не угрожает покою мужчины и он чувствует себя в полной безопасности – гендерных проблем тоже нет. Таким образом, с точки зрения элементарной логики гендерное равновесие возможно или, когда оба пола согласны с гендерным неравенством и жестким диктатом маскулинного (каковым является вся наличная история), или, когда такого примата мужского начала не существует вовсе. Однако это уже совсем другая история, ее у человечества нет.

Все феминные и гендерные рассуждения выглядят пустяшными и провисают в воздухе, так как не имеют онтологического фундамента, очевидного и, тем самым, неоспоримого, который позволит делать серьезную заявку на самую радикальную ревизию и реконструкцию наличного объективированного мира и человеческой сущности. Утверждая себя полноценным человеком без утверждения значимости материнства и легализации прав матерей, женщина никогда не станет ни творцом собственной жизни, ни полноправным членом социокультурной действительности. Конституции и декларации, принятые не ею, говорят об опекуновстве маскулинской культуры над ней.

Литература

1. Поленина С. Гендерная проблематика в праве//введение в гендерные исследования. Харьков, ХЦГИ, Санкт-Петербург, «Алетейя», – 2001.– Часть 1. С.606-634.
2. Киммел М. Гендерное общество. М., РОСПЭ, – 2006. – 464 с.
3. Иноземцев В. Эксплуатация: феномен сознания и социальный конфликт //Свободная мысль – 1998. – №2.
4. Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. – М., – 1985.
5. Чодороу Н. Воспроизводство материнства. М., РОССПЭН, – 2006. – 496 с.
6. Бем С. Л. Линзы гендера. трансформация взглядов на проблему неравенство пола. М., РОСПЭН, – 2004 – 336 с.
7. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М., – 1995. – 463 с.
8. Розанов В.В. Люди лунного света. //Собр.соч.в 2 т. Т.2. Уединенное. М., изд-во «Правда» – 1990. – С.7-192.

Tetior A.
Dr. Sc., Professor
Russia, Moscow Agricultural Academy
Тетиор А. Н.
Доктор техн. наук, профессор
Россия, РГАУ МСХА им. К.А. Тимирязева, г. Москва

GREAT ALEXANDER PUSHKIN: FEATURES OF THINKING ВЕЛИКИЙ А.С. ПУШКИН: ОСОБЕННОСТИ МЫШЛЕНИЯ

Summary. Thinking and human behavior are closely connected with the peculiarities of the phylogenesis of the brain. Several features of the ancient part of the brain - limbic system - generating strong and bright emotions (love, joy, fear, etc.) largely correspond to the behavior of the great poet. Brain phylogenesis prevailing functions of the limbic system ("emotional thinking") have influenced the life and works of genius, including attitudes towards women and passion for the game of cards. Impact on creativity had a tendency of the human brain to simplistic thinking. In accordance with the philosophy of plurality the outstanding creativity of genius was balanced by constant humiliation, leading to instability (lability) of behavior, to acute reaction on insult, to neglect of value of their own lives, etc. If the inclined to rational thinking neocortex is guided fully the other divisions of the brain, not would appear the bright, ingenious poet.

Key words: role of limbic system; emotional thinking; constant humiliation; binary multiple qualities; balancing of ingenious qualities; simplified thinking

Аннотация. Мышление и поведение человека тесно связаны с особенностями филогенеза многослойного головного мозга. Ряд особенностей древнего отдела головного мозга – лимбики - генерирование сильных и ярких эмоций (любви, веселья, ярости, и пр.) во многом соответствуют особенностям поведения великого поэта. Филогенез мозга, превалирующие функции лимбической системы («эмоциональное» мышление) оказали влияние на жизнь и творчество гения, включая отношение к женщинам и страсть к игре в карты. Влияние на творчество оказала и склонность мозга к упрощенному мышлению. В соответствии с философией множественности позитивный пласт деятельности (выдающееся творчество гения) уравновешивался негативным пластом – постоянными «уколами» вышестоящих чиновников; постоянным унижением, ведущим к неустойчивости (лабильности) поведения, острой реакции на придирки и оскорбления, пренебрежению ценностью собственной жизни, и др.; экономическим и другим сложностям в семейной жизни. Если бы склонный к рациональному мышлению неокортекс полностью руководил другими отделами мозга, не появился бы яркий, гениальный поэт.

Ключевые слова: роль лимбики; эмоциональное мышление; постоянные унижения; бинарная множественность качеств; уравновешивание гениальных качеств; упрощенное мышление

Представляет несомненный интерес изучение многогранной, разносторонней личности гениального поэта с точки зрения возможного влияния на его поведение и творчество особенностей мышления, связанных с филогенезом головного мозга, и представления о бинарной множественности предметов и явлений мира, развивающихся с уравновешивающимися разветвлениями. Мышление и поведение человека тесно связаны с особенностями филогенеза многослойного головного мозга. Филогенез мозга и, вероятно, «эмоциональное мышление», определяемое лимбической системой, оказали большое влияние на жизнь и творчество гения. Ряд функций древнего отдела головного мозга – лимбической системы - генерирование сильных и ярких эмоций (любви, веселья, страха, ярости, агрессивности, и пр.) во многом соответствуют особенностям поведения великого поэта. Именно для А.С. Пушкина характерна повышенная роль эмоций и страстей в жизни и творчестве – начиная от яркого эмоционального поведения в течение всей жизни (яркая поэзия, любовные увлечения, дуэли, ссоры, острые эпиграммы, и пр.), от пронизывающих почти все произведения тем ярких чувств, вплоть до колоритных описаний множества страстей преступников, злодеев, и пр.

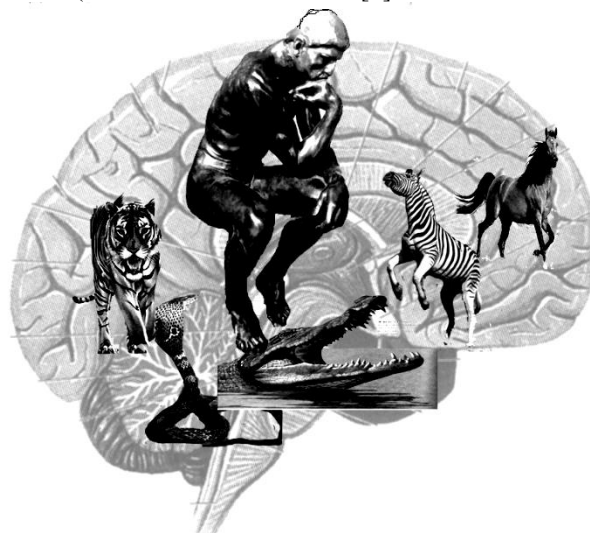
Мышление человека обусловлено сложным строением его мозга, включающим в себя новые и более древние слои. Условное триединство мозга подчеркивается наличием в многослойном мозгу древней части - мозга рептилий; мозга высших млекопитающих (лимбической системы); самой крупной части – неокортекса (это условное деление поддерживается не всеми исследователями, но оно наиболее удобно для описания особенностей мышления). Неокортекс не руководит в полной мере низшими отделами мозга; такую ситуацию обеспечивает ретикулярная формация – древний контролер. Преобладание решений отделов мозга, влияющих на поведение человека, не постоянно: у разных людей могут интенсивнее проявляться функции более древних отделов и подавляться решения неокортекса, при ограниченном контроле с его стороны. Согласно делению, описанному в [1], наиболее древняя часть мозга – это мозг рептилий, затем – мозг высших млекопитающих (лимбическая система, названная так П. МакЛином в 1952 г. и расположенная выше самых древних отделов мозга, окружающая мозговой ствол), и самая крупная новая кора мозга – неокортекс (рис. 1).

Рис. 1. Сложный многослойный мозг со связями между его частями

К. Саган приводит слова Сократа, который уподобляет душу человека колеснице, влекомой двумя лошадьми – белой и черной, которые тянут в противоположные стороны. Он считает, что колесница - это нейро-шасси МакЛина (так он назвал

комбинацию спинного, заднего и среднего мозга), а две лошади – рептильный комплекс и лимбическая система, которыми управляет возница – неокортекс, с трудом справляющийся с кренящейся колесницей [1].

Новая кора – это органическая часть триединого мозга; древние структуры не исчезли и продолжают контролировать деятельность. Мозг человека, несмотря на наличие древних и более новых отделов, является единым целым, объединенным с помощью сети нейронов. Мозг несет в себе всю историю антропогенеза. «Человек не произошел от низших видов, но сам в себе их несет: человек есть всеживотное и в себе содержит как бы всю программу творения» (С.Н. Булгаков). Если «всеединный» мозг человека (рис. 2) сохранил в себе древние структуры некоторых предков, то логично было бы предположить, что, являясь фильтрами на пути прохождения импульсов, эти структуры могут конфликтовать между собой и выдавать полностью противоречащие друг другу решения [2]. Отделы мозга, принадлежащие несовместимым между собою животным (в природе – хищникам и жертвам),

конфликтуют между собой [2]. Не отсюда ли разнообразные фобии, расстройства, синдромы?

Рис. 2 Многослойный мозг всех предков

Философия бинарной множественности мира - это познание двойственной множественности предметов и явлений, совмещающих в разных соотношениях множество противоположных качеств [2]. В соответствии с этой философией для А.С. Пушкина характерна бинарная множественность качеств личности, поступков, особенностей жизни и творчества, уравнивание гениальности негативными воздействиями. Здесь - и легкость гениального творчества, неустойчивость (лабильность) поведения, склонность к «проказам», сложное взаимодействие с миром, четкое деление мира на добро и зло, острая реакция на сторонние замечания и оскорбления, стремление к дерзким эпиграм-

мам, безусловный приоритет собственных потребностей, спорный выбор героя времени - бездарного Онегина, пренебрежение ценностью собственной жизни, затмевающая все страсть к игре в карты, и др. Наряду с этим заметна склонность к упрощенному мышлению, характерная для человека как следствие быстрого реагирования для выживания в опасном мире природы. Важным фактором является уравнивание позитивных и негативных ветвей – гениальных произведений и сложностей бытия, унижений и оскорблений. Особенности жизни и мышления А.Н. Пушкина, оказавшие влияние на его творчество, таковы:

1. Детство будущего поэта было осложнено отношением к нему родителей. Хотя А.С. Пушкин очень любил и ценил период детства, он вырос в далеко не идеальной, почти равнодушной к нему семье. Он был толстым малоподвижным мальчиком, не любимым родителями: любимым был младший Левушка [3]. Мать, стремясь избавить ребенка от постоянного потирания рук, издевательски завязывала ему руки за спиной; чтобы он не терял носовые платки, она пришивала спереди носовой платок, которым было трудно пользоваться. Отец не оказывал будущему поэту внимания. Пушкин убежал к доброй няне и прятался в корзине для вязанья. Отсутствие родительской любви несомненно оказало влияние на формирование свободолюбивой и независимой личности. Добавившееся затем многолетнее унижение со стороны императора и других лиц (частично инициированное самим поэтом, его стихами и дерзкими эпиграммами) закрепили исключительно резкое реагирование поэта на любые замечания и оскорбления.

2. На формирование собственного «Я» оказали влияние множественные физические особенности личности А.С. Пушкина:

а. С одной стороны, известно критическое отношение поэта к себе: «Потомок негров безобразный...». «Я молодой повеса, // Еще на школьной скамье; // Не глуп, говорю, не стеснясь, // И без жеманного кривлянья. // Никогда не было болтуна, // Ни доктора Сорбонны - // Надоедливее и крикливее, // Чем собственная моя особа... // Я люблю свет и его шум, // Уединение я ненавижу; // Мне претят ссоры и препирательства, // А отчасти и учение. // Спектакли, балы мне очень нравятся,... // Суший бес в проказах, // Сушая обезьяна лицом, // Много, слишком много ветрености - // Да, таков Пушкин».

б. Вместе с тем известны многочисленные позитивные мнения современников: Разночинец А.В. Никоненко: «Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий ничего особенного. Если смотреть на лицо... глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи – прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства». Свидетельство М.В. Юзефовича: «Как теперь вижу его, живого, вертлявого, с великолепными, большими, чистыми и ясными глазами... с белыми блестящими зубами, о которых он очень заботился, как Байрон. Вовсе не был смугл, черноволос – вполне белокож, с вьющимися каштановыми

волосами». Поэт не был красавцем, но был великолепно сложен, строен, физически крепок (нырял в прорубь, скакал верхом на лошади, для укрепления мышц носил тяжелую трость), с огнем гения в глазах.

3. Отношение к женщинам. Это очень важная характеристика поэта, учитывая предполагаемое преобладание у него эмоционального («лимбического») мышления и недостаточность контроля со стороны высшей коры. С периода юности Пушкин с головой погрузился в чувственные наслаждения, постоянно посещал проститутки (однажды упорно ждал на крыльце под дождем и заболел), болел венерическими болезнями, с которыми крепкий организм справлялся. Это – безусловное подтверждение ведущей роли лимбической системы в анализе событий и руководстве поведением. Между этими посещениями и болезнями он умудрялся писать гениальные стихи.

В соответствии с философией множественности [2], отношение к женщинам у Пушкина бинарно множественно – от восхищения («гений чистой красоты»; правда, слова заимствованы у В.А. Жуковского) до унижения («шкурка»). Через полтора года после написания строк «я помню чудное мгновенье», Пушкин мимоходом сообщил Соболевскому: «Ты ничего не пишешь мне о 2100 руб., мною тебе должных, а пишешь мне о m-me Kern, которую с помощью Божьей я на днях <у...б>». В письмах такой глагол в отношении женщин не повторялся, но, видимо, он не был для А.С. Пушкина необычным: никто из его друзей не удивился, не изумился. Чувственное мышление и бинарная множественность качеств – причина этого. Удивительно, что ряд исследователей считает недопустимым для великого поэта употребление таких выражений в отношении женщин. Хотя это действие в целом – нормальное завершение естественного любовного процесса. Восхищение красотой женщины («Гений чистой красоты...») – это только начало процесса, который в норме должен закончиться так, как написал Пушкин.

Эволюционно почти все люди разделены на два пола, на мужчин и женщин, влечение которых друг к другу является одной из основ продолжения рода и жизни. Их гендерная (имеющая отношение к полу) красота как важнейший фактор влечения принципиально различна (Цицерон писал: «...есть два рода красоты, из которых в одном – прелесть (venustas), в другом – достоинство (dignitas), прелесть должны мы считать принадлежностью женской красоты, а достоинство – мужской»). Красота женщины, которой восхищался А.С. Пушкин, – это только начало получения нужной информации (кстати, интересен вопрос о самодостаточности красоты: необходимо ли приложение к красоте таланта, успешной деятельности, материнства, и пр., или достаточна физическая красота? Судя по конкурсам красоты, в обществе поддерживается нелогичная мысль о самодостаточности красоты: победители конкурсов становятся послами ООН, «лицами» фирм, и пр., причем их духовное

совершенство далеко не всегда соответствует физическому). Мысль о самодостаточности красоты незримо присутствует в стихах Пушкина, хотя в соответствии с философией множественности «гений чистой красоты» далеко не обязательно станет (а, скорее, обязательно не станет) духовно совершенной личностью. Тем не менее проблема самодостаточности красоты исключительно интересна, она требует углубленного анализа; при этом надо помнить об уравнивании позитивных и негативных качеств. В соответствии с этим «красавица, комсомолка, спортсменка, отличница ...» - это недостижимый идеал.

Физическая красота, безусловно, важна, она является внешним отражением глубинного внутреннего состояния тела человека – его здоровья и идеального функционирования всех внутренних органов, хорошей и рационально подобранной пищи, своевременного и правильного санирования тела, здоровой окружающей среды, в общем, хорошего психофизиологического состояния человека. Он зависит даже от состояния любви – в этом состоянии благоприятно изменяются некоторые внешние признаки красоты: блестят глаза, розовеет кожа лица, разглаживаются морщины и пр. Глядя на гибкое и здоровое женское тело со здоровой кожей, густыми и блестящими волосами, обнимая женщину и осязая пальцами хороший тургор, ощущая приятный запах здоровой кожи и свежее дыхание, мужчина, таким образом, получает достаточно полную информацию о функционировании внутренних органов, подтверждающую или опровергающую его выбор (вероятно, страсть к объятиям, обнюхиванию, поцелуям, «ощупыванию» девушек и женщин частично связана с получением такой информации): «Много девушек я перещупал, много женщин в углах прижимал» (С.А. Есенин). Даже небольшие неблагоприятные изменения функций или состояния внутренних органов негативно отражаются на физической красоте. Особенно информативны состояние и цвет кожи, глаз, волос, состояние зубов, запах тела и дыхания, стройность фигуры, легкость походки и дыхания (вспомним яркий рассказ И.А. Бунина «Легкое дыхание»). Так что процесс любовных отношений не ограничивается визуальным любованием, он более деятельный и длительный.

Упрощенно-биологическое отношение к женщинам было иногда характерно для поэта. Так, в 1826 г. Пушкин писал П.А.Вяземскому: «Письмо это тебе вручит милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твоё человеколюбие и дружбу. Приюти её в Москве и дай денег, сколько ей понадобится - а потом отправь в Болдино... При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если только то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется - а нельзя ли его покаместь отдать в какую-нибудь деревню, - хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей богу - но тут уж не до совести».

Вообще отношение к женщинам, к супружеской верности и к изменам у Пушкина многогранно, бинарно множественно. В лирике он обычно утверждал верность: «Но я другому отдана // И буду век ему верна». Но сам поэт постоянно искал внимания все новых и новых женщин, особенно в молодости. Судя по некоторым недостаточным подтвержденным свидетельствам, он не отличался верностью и после женитьбы [3].

Отношение к жене на этом фоне отличается сложностью: вне всякого сомнения, А.С. Пушкин любил жену; но она была не единственной кандидаткой в жены; Пушкин придумал далеко не нежное обращение к ней «женка» (хотя использовал и ряд нежных обращений – «моя мадонна», и др., но чаще – «женка»); не посвятил ей ни одного крупного любовного произведения; часто поучал ее в письмах; оправдывал некоторую холодность жены в интимных отношениях; будучи эмоциональным, ревниво относился к ее танцам во дворце с императором; был в ярости, узнав об ухаживаниях Дантеса и об интересе, проявляемом Н.Н. Пушкиной к нему. А.С. Пушкин не знал, но, возможно, догадывался о чувстве, вспыхнувшем у Н.Н. к Дантесу (что было установлено только в конце XX века, после публикации ее писем к Дантесу). Если это так, то несложно представить глубину переживаний поэта, его растерянность перед этим событием. Возможно, этот удар подтолкнул его к дуэли и к гибели. Он искал гибель, не в силах перенести духовную измену Н.Н.

4. Судьбоносной для поэта стала случайная встреча с Дантесом. Внешне это – антиподы: высокий, красивый и достаточно умный Дантес – и невысокий (ростом существенно ниже жены), некрасивый, но с творческим огнем в глазах, гениальный А.С. Пушкин. После знакомства и зародившегося взаимного интереса и Дантес, и Н.Н., несомненно, оценивали и сопоставляли: Дантес – себя и А.С. Пушкина, Н.Н. – Дантеса и А.С. Пушкина. Оценка явно была не в пользу А.С. Пушкина: его гениальность не учитывалась ни Дантесом (он ничего не знал об этом), ни Н.Н. (она, вероятно, не воспринимала А.С. Пушкина как национального гения). Как красивый молодой мужчина, Дантес был просто обязан увлечься красавицей Н.Н. Это – основы биологии, влечения одного пола к другому, поддержания численности вида. Противоестественным было бы отсутствие влечения. Точно так же красавица Н.Н. была биологически обязана испытать интерес, и, может быть, влечение к достойному партнеру для продолжения рода (здесь должно было бы вмешаться ее замужество – «я другому отдана...»). Сопоставляя себя с Дантесом после его появления в ближнем окружении, поэт, склонный к критическому отношению к себе, возможно, сделал печальный для себя вывод о превосходстве соперника как мужчины, и о возможном увлечении Н.Н. Дантесом. Был ли обязан Дантес прекратить ухаживания? Судить сложно: он один знал о пробудившемся чувстве любви Н.Н. к нему; дальше в поведение лю-

дей наряду с рациональным мышлением и человеческой логикой могут вмешиваться законы биологии, унаследованные человеком от предков.

5. Взаимоотношения с людьми у Пушкина бинарно множественны – от любви до ненависти. Близких друзей у него было мало (в ссылку к нему приехал вообще один Пущин). В этом смысле Пушкин был почти одинок: близкие друзья – Вяземский, Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер, может быть, Рылеев, ... и все? Некоторых возможных друзей он потерял после острых эпиграмм. Взаимоотношения осложняли постоянные долги. Трудно поверить, что поэт относился к людям в соответствии с его же строками: «Кто жил и мыслил, тот не может // В душе не презирать людей». Подтверждением его отношения к людям в молодости является письмо брату: «Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можешь вообразить; ты не слишком сильно ошибешься... презирай их самым вежливым образом... будь холоден со всеми... не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать: люди этого не понимают...». Печальное мнение и отношение к людям, сформированное, видимо, отношениями в семье, особенно отношением матери.

Интересно отношение А.С. Пушкина к детям: он очень любил своих детей, но не смог им дать отцовского воспитания, так как они были малы. Они выросли достойными людьми, сказалась хорошая наследственность.

6. Особенности упрощенного мышления оказали влияние на творчество А.С. Пушкина. Человек стремится к упрощенному и чаще всего одностороннему восприятию действительности. В основе этого лежат этологические истоки упрощенного мышления и сознания человека. При реагировании на действующий стимул человек запоминает огра-

ничное число единиц информации, не сопоставимое с ее действительным большим объемом, он не склонен и иногда не способен анализировать всю сложность мира. Человек «живет» в кратковременной памяти, частями которой являются наиболее кратковременная иконическая память емкостью 3 элемента и сенсорная память только что действовавшего стимула с максимальной емкостью 7 ± 2 элементов. Дуальность восприятия действительности и реагирования была сформирована в процессе эволюции человека как представителя животного мира среди других живых организмов природы, для обеспечения естественного гомеостаза. Дуальный анализ реальности (плохие – хорошие релизеры, гештальты, ситуации и стимулы, особенно если они имеют высокую биологическую цену) протекает намного быстрее, чем множественный. Вполне вероятно, что дуальное восприятие реальности является одним из наиболее необходимых механизмов выживания в живой природе: животное должно быстро реагировать на опасность, чтобы убежать или отразить нападение; оно должно быстро определить объект питания, жертву, которую необходимо добыть и съесть, чтобы выжить. Оно должно мгновенно выбрать путь выживания: «опасность – безопасность», «друг – враг», «бежать – стоять», «хорошо – плохо», «нападать – защищаться», «бодрствовать – отдыхать», и пр. Это было бы невозможно, если бы кратковременная память использовалась для анализа большого объема информации, содержащего много единиц (бит). Поэтому в процессе естественной эволюции было закреплено упрощенное бинарное и даже однополярное мышление. Нетрудно было прийти к выводу, что окружающий мир быстро и дуально оценивался человеком только как «полезный – вредный», «хороший – плохой». Очевидно, именно таков способ мышления вообще у всех живых организмов в природе, если они выжили в процессе эволюции (рис. 3).

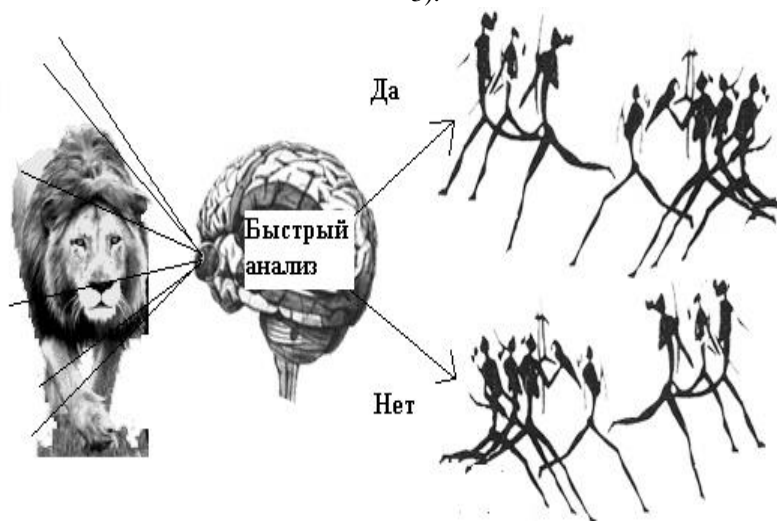

Рис. 3. Генезис быстрого дуального реагирования

Если представить себе гипотетическое животное, мозг которого в момент принятия решения был бы склонен к более глубокому анализу взаимосвя-

зей в природе, к определению более отдаленных последствий своего поведения, то можно уверенно сказать, что животные с замедленным реагированием не смогли бы выжить.

В творчестве, особенно в эпиграммах, и в жизни (в высказываниях) А.С. Пушкин часто склоняется к двусторонней оценке предметов и явлений, что свидетельствует о преобладании упрощенного мышления. Например: «Зависть – сестра соревнования, следственно хорошего роду». Но это – лишь одна из многих сторон зависти; сестры зависти множественны – и ненависть, и всяческое зло, и агрессия, и терроризм. Или «Ты понял жизни цель, счастливый человек: // Для жизни ты живешь!». Но это – исключительно упрощенное понимание цели жизни. В действительности цель жизни человека гораздо глубже – всемерное развертывание своих способностей; «для жизни» живут все представители флоры и фауны. Или «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Между этими оппозициями располагается множество других истин – можно совсем не любить и не нравиться, можно сильно любить и не нравиться, и пр., и пр. Двусторонняя упрощенная оценка сохраняется во многих произведениях поэта, в сказках, и особенно - в эпиграммах (в них оценка личностей ярко односторонняя, тогда как людей с односторонними качествами, как правило, нет). Такова, например, эпиграмма на губернатора М. С. Воронцова: «Полугерой, полунеждеда, // К тому ж еще полуподлец! // Но тут, однако ж, есть надежда, // Что полный будет наконец». Хотя у губернатора, как известно, были и безусловно позитивные качества и поступки. Даже Евгений Онегин как герой выдающейся поэмы – поразительно односторонний, бездеятельный человек, не совершающий практически никаких позитивных действий (только во сне). Тема упрощенного мышления бесконечна – здесь и черно-белые сказки, и черно-белые поэмы. Хотя в

ряде случаев персонажи были все же не столь односторонни – например, Пугачев.

7. Влияние унижения А.С. Пушкина в течение всей жизни на его творчество. Унижение и оскорбления великий А.С. Пушкин испытывал в течение всей жизни – от периода детства с издевательствами матери, и вплоть до гибели после появления анонимных издевательских писем. Между этими периодами – унижительное отношение императора, его приближенных (присвоено самое младшее придворное звание камер-юнкера; по словам друзей Пушкина, он был в ярости: это звание давалось обыкновенно молодым людям; ссылки; слежка; запреты на печатание произведений; запрет на выезд за границу; постоянные замечания и угрозы от высших чиновников; унижение со стороны ряда лиц в результате открыто развивающихся любовных взаимоотношений Дантеса и Н.Н. Пушкиной, и пр.). Возможно, у А.С. Пушкина развился «синдром унижения», тяжело переживаемый и требующий немедленного противодействия, прекращения этого состояния, и приведший к исключительно резкому реагированию на попытки унижения и оскорбления. Этому способствовало эмоциональное мышление, руководство поступками со стороны лимбической системы при отсутствии необходимого контроля со стороны неокортекса.

Почему судьба гения столь трудна и сложна? Если следовать всеобщему закону бинарной множественности [2], то это – плата за гениальность, ее уравновешивание (рис. 4). У А.С. Пушкина она уравновешивалась в первую очередь негативным отношением окружения, «высшим светом». Хотя возможно уравновешивание психофизиологическими отклонениями, болезнями.

Рис. 4. Судьба гения: уравновешивание гениальности негативными воздействиями

8. Психофизиологические особенности личности. Влияние на мышление и поведение человека оказывают неокортекс, лимбическая система, и, видимо, несколько меньшее – более древние слои. Человеческое «Я» связано в первую очередь с эмоциональной оценкой предметов и явлений; вероятно,

человеческая индивидуальность, «Я», «Эго» кроется в деятельности древних структур мозга. Для А.С. Пушкина характерна эмоциональная оценка предметов и явлений (рис. 5).

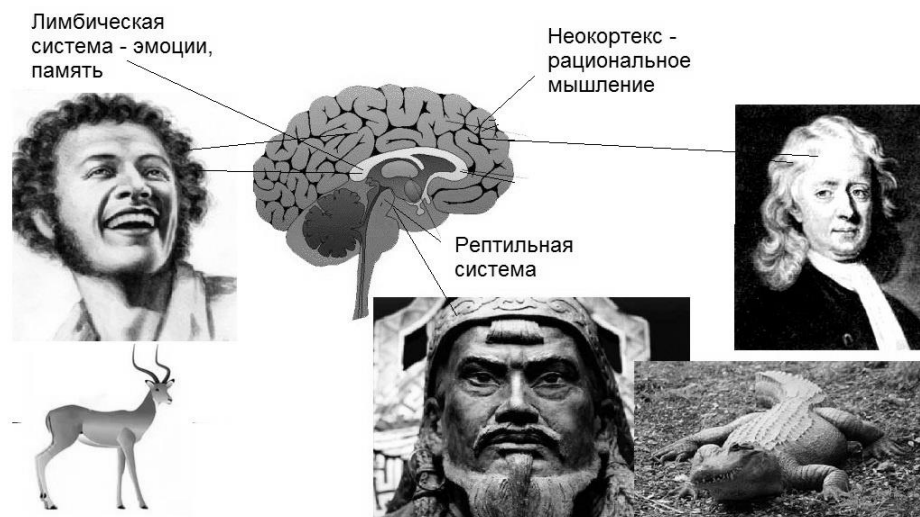

Рис. 5. Трехединый мозг и известные личности, поведение которых соответствовало превалированию решений трех отделов мозга – Ньютон (неокортекс, рациональное мышление), Пушкин (лимбика, яркие эмоции), Чингисхан (R-комплекс, агрессия)

Вполне возможно, что «Я» А.С. Пушкина сформировано древними слоями мозга (в первую очередь лимбикой), ответственными за эмоциональную оценку предметов и явлений. Это лишнее подтверждает существенную роль лимбической системы в анализе действительности, в поведении, и в принятии решений А.С. Пушкиным.

9. Необычен выбор А.С. Пушкиным «героя» времени: о Евгении Онегине Пушкин сказал, что это «добрый мой приятель». Сопоставляя себя и Онегина, Пушкин пишет: «Страстей игру мы знали оба, // Томила жизнь обоих нас, // В обо

их сердца жар угас...». Пушкина привлекает «резкий, охлажденный ум» Онегина, недовольство собой и злость эпиграмм. Но на этом сходство кончается, и становится непонятен не только выбор в качестве героя времени абсолютно бездеятельного человека, потребителя, не имеющего таланта, увлечения, живущего странной бесцельной жизнью, но и принижение самого А.С. Пушкина до уровня Онегина - «добрый мой приятель». Мог ли быть рядом с Пушкиным Онегин? Герой ли времени этот бездарный человек? Принес ли он что-либо новое, интересное в жизнь? Нет. Евгений Онегин – пример предельно упрощенного, одностороннего «героя времени»: он – аристократ, не приносящий практически никакой пользы, не имеющий цели в жизни и никак не реализующий высокий смысл своей жизни: «Он по-французски совершенно // Мог изъясняться и писал; // Легко мазурку танцевал // И кланялся непринужденно...», и т.д. Ничтожно мало для «героя времени»! Недалеко в реализации глубокого смысла жизни ушла от него и героиня – Татьяна, мало знакомая с русским языком и не совершившая в жизни никаких серьезных поступков, кроме отказа Онегину «Но я другому отдана...». Герои обладают высоким потенциалом, но никак не реализуют его.

10. Страсть к игре в карты А.С. Пушкина – подтверждение эмоционального мышления. В соответствии с особенностями своего мышления А.С.

Пушкин страстно любил игру в карты. Он сообщил одному из современников: «Я бы предпочел умереть, чем не играть». «Пушкин очень любил карты и говорил, что это его единственная привязанность» (А. Керн). Он проигрывал очень крупные суммы, а если денег не было, то и свои рукописи. Вот его слова об игре: «Как в ненастные дни, собирались они // Часто. // Гнули, Бог их прости, от пятидесяти // На сто. // И отписывали, и приписывали // Мелом. // Так в ненастные дни, занимались они // Делом». Игра – дело (!). Эта страсть – безусловное свидетельство принятия решений лимбикой и отсутствия контроля со стороны высшей коры.

11. Эпатирующее поведение, как и страсть к эпиграммам – это, возможно, выход, найденный поэтом, в ответ на постоянные унижения. Эпатирующее поведение – это и длинные ногти на руках, и неожиданные одежды, и неожиданные стихи (например, «Гаврилиада» и др.). За острые стихи император собирался отправить Пушкина в ссылку в Сибирь. Своим эпатирующим поведением поэт как будто предупреждал, что с ним не надо ссориться. Эпиграммы А.С. Пушкина были острыми и жалили адресатов, которые в ответ всячески осложняли жизнь поэта.

В итоге степень удовлетворенности гения жизнью и творчеством – бинарно множественна; с одной стороны - «Я памятник себе возник нерукотворный...», с другой стороны - «И с отвращением читая жизнь мою, // Я трепещу и проклинаю, // И горько жалуюсь, и горько слезы лью, // Но строк печальных не смываю». Здесь же – нереальные надежды на покой и свободу: «На свете счастья нет, но есть покой и воля. // Давно завидная мечтается мне доля - // Давно, усталый раб, замыслил я побег // В обитель дальнюю трудов и чистых нег». Происходит несомненная эволюция поэта в отношении к теме любви и красоты, неожидан в конце короткой жизни возврат к этой теме (он давно и счастливо женат; но сердцу не прикажешь; неужели действительно пришла новая влюбленность?): «Я думал

сердце позабыло // Способность легкую страдать, // Я говорил: тому, что было, // Уж не бывать! уж не бывать! // Прошли восторги и печали // И легковечные мечты... // Но вот опять затрепетали // Пред мощной властью красоты». Кто был этим объектом красоты, и был ли? Неожиданно А.С. Пушкин открывает новую для себя тему любви к отроку: «Отрок милый, отрок нежный, // Не стыдись, навек ты мой; // Тот же в нас огонь мятежный, // Жизнью мы живем одной. // Не боюсь я насмешек: // Мы сдвоились меж собой, // Мы точь-в-точь двойной орешек // Под единой скорлупой». Сюжет навеян эпизодом из «Гюлистана» М. Саади: «в былые времена мы с другом были как два миндальных орешка в одной скорлупе. Внезапно мы расстались, и вернувшись, мой друг стал упрекать меня за то, что во время разлуки я не посылал к нему гонца. Я ответил: «Мне было бы жаль, если бы глаза посланца зажглись пламенем твоей красоты, когда я был ее лишен». Интересная тема; существовал ли реальный отрок? Что за неудовлетворенность послужила стимулом к созданию этого интереснейшего произведения? Гениальный А.С. Пушкин во многом до конца не познан, и, видимо, не будет познан. Это - огромный океан, или космос.

Заключение. Функции древнего отдела головного мозга – лимбики - генерирование сильных и ярких эмоций, во многом определили

особенности поведения и творчества великого поэта. В соответствии с философией множественности яркий позитивный пласт деятельности А.С. Пушкина (выдающееся творчество гения) уравновешивался негативным пластом – постоянным давлением вышестоящих чиновников; унижением со стороны «высшего света», и др. К сожалению, неизбежны были негативные, чрезвычайно осложнившие жизнь поэта, уравновешивания гениальности (соответствующие закону бинарной множественности предметов и явлений мира [2]). Если бы неокортекс полностью руководил другими отделами мозга, это существенно обеднило бы восприятие и творчество поэта. В этом случае вряд ли появился бы яркий, эмоциональный, гениальный поэт. Красочные эмоции, унаследованные от животных - предков, ярко украшают жизнь, в том числе и самые высшие формы творчества («Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»).

Список литературы:

1. Саган К. Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого разума. – М.: Знание, 1986. – 256 с.
2. Тетиор А.Н. Философия множественного мира. - М.: Академия Естествознания, 2016 - 827с.
3. Труайя А. Александр Пушкин. – М.: Эксмо, 2006. – 1056 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Mandych O.

PhD in Economics, Associate Professor,

Rygykova N.

PhD in Economics, Associate Professor

Kharkov National Technical University

Agriculture Petro Vasilenko

Мандыч Александра Валериевна

кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономики и маркетинга,

Рыжикова Наталья Ивановна

кандидат экономических наук,

доцент кафедры учета и аудита,

Харьковский национальный технический университет

сельского хозяйства имени Петра Василенко

INVESTMENT STRATEGIES FOR INCREASING THE COMPETITIVENESS OF AGRARIAN ENTERPRISES

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АГРАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Summary: In the article the main factors in the formation of strategic economic zones form the criteria used in their analysis. The features of formation of strategic areas for industrial and economic conditions of major agricultural market participants - agricultural producers. The main negative factors affecting the effectiveness of selected strategic areas and suggested promising directions in the activities of companies that will reverse the current results in the future.

Keywords: competitiveness, strategy, strategic area of economic development, efficiency, enterprise.

Аннотация: В статье рассмотрены основные факторы формирования стратегических зон хозяйствования с выделением критериев, используемых при их анализе. Проанализированы особенности формирования стратегических зон для условий производственно-хозяйственной деятельности основных участников аграрного рынка - сельскохозяйственных товаропроизводителей. Определены основные негативные факторы, влияющие на эффективность выбранных стратегических зон и предложены перспективные направления в деятельности предприятий, которые позволят нивелировать существующие результаты на перспективу.

Ключевые слова: конкурентоспособность, стратегия, стратегическая зона хозяйствования, развитие, эффективность, предприятие.

Постановка проблемы. На современном этапе развития аграрного рынка Украины для сельскохозяйственных товаропроизводителей очень остро стоят вопросы повышения конкурентоспособности производства и реализации своей продукции. Это вызвано рядом как экономических, так и технологических факторов, полный взаимосвязь которых в совокупности и должно стать основой для формирования надлежащего уровня конкурентоспособного развития указанных предприятий.

По нашему мнению, для обеспечения единства производства и реализации продукции в условиях производственно-коммерческой деятельности указанных предприятий важным условием является формирование стратегий конкурентного развития, которые будут не только учитывать особенности функционирования соответствующего объектового рынке, но и полностью базироваться на производственных возможностях производителей. Причем следует не только внедрять общие стратегические направления развития в деятельность, но и выде-

лять долгосрочные и краткосрочные стратегии повышения конкурентоспособности с учетом осуществления деятельности аграриев на целевых рынках. Именно исследования последнего в разрезе отдельных составляющих стратегии обуславливает актуальность выбранного исследования.

Так, одним из обязательных условий разработки и реализации стратегий конкуренции есть выбор и реализация стратегии по каждой стратегической зоне хозяйствования предприятия. Выбор стратегической зоны хозяйствования является достаточно сложной проблемой, поскольку требует основательного анализа параметров рыночной среды и диагностики внутренних возможностей предприятия по всем направлениям.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы и перспективы развития основной идеи данного исследования достаточно хорошо проработанными, как теоретически, так и практически, отечественными и зарубежными учеными. В мировой практике стратегического планирования стратегических зон хозяйствования описывают с

помощью следующих параметров: перспективы роста соответствующего сектора экономики; перспективы рентабельности; факторы успешной конкуренции на перспективу (предусматривают анализ конкурентных стратегий: политика роста (рост вместе с рынком, захват рынка, расширение рынка, сегментирование рынка, стимулирование спроса); стратегия рыночной дифференциации (захват лидерства на рынке, захват рыночных долей обеспечивающих конкурентоспособность) стратегия продуктовой дифференциации (патентная защита, высокое качество, надежность, работа на заказ и т.д.)).

Существующий инструментарий определения сырьевых зон хозяйствования полностью покрывает конкурентные аспекты, характеризующие позиционирования предприятий на рынке. Однако, определение сырьевых зон хозяйствования для аграрных предприятий, их сбытовой потенциал и возможности дальнейшего развития товарной политики пока не достаточно обоснованными.

Постановка задачи. Целью выполнения данного исследования является выделение основных критериев и показателей для проведения анализа сырьевых зон хозяйствования в условиях развития отечественного аграрного рынка, а также определение возможности приспособления отдельных элементов в производственно-коммерческой деятельности товаропроизводителей.

Изложение основного материала исследования. Первоочередным условием для осуществления производственно-коммерческой деятельности каждого предприятия является проведение полного анализа функционирования целевого рынка. Как известно, современное состояние развития рыночной экономики предполагает функционирование рынка продавца, то есть обеспечение предложения (производство продукции, необходимой по объемам и качеству) только в соответствии с существующим потребительского спроса. Исходя из этого к одним из первых этапов формирования и осуществления конкурентной стратегии развития для предприятий должно стать сегментирование рынков с выделением особенностей конъюнктуры на них.

В теории, сегментация рынка предполагает выбор целевых сегментов, которые наиболее соответствуют возможностям предприятия и особенностям развития рынка [5, 11]. С целью ведения прибыльной деятельности в конкретном сегменте рынка, необходимо, чтобы его емкость (емкость сегмента, на который претендует предприятие) соответствовала оптимальному объему производства продукции для предприятия. В стратегическом менеджменте эти сегменты принято называть стратегическими зонами хозяйствования, стратегическими секторами или стратегическими сферами бизнеса.

Стратегическая зона хозяйствования представляет собой определенный сегмент рынка, на который предприятие имеет или хочет иметь выход. При этом стратегические зоны хозяйствования не следует отождествлять с сегментацией целевых рынков. Если первое относится, в большей степени, территориальной составляющей сегментирования

объектовых рынков, то второе имеет целью, прежде всего, выбор целевой аудитории потребителей.

Как известно, процесс выбора стратегической зоны хозяйствования начинается с определения потребности потенциальных потребителей продукции. В зависимости от характера удовлетворения этих потребностей исследуют возможные технологические решения, связанные с ее производством. По результатам анализа возможностей удовлетворения потребностей и технологии производства прогнозируют возможный тип покупателя, который в перспективе может приобрести эти товары по цене, уровень которой обусловлен издержками производства в соответствии с выбранной технологией. Затем определяют географический район, в котором может концентрироваться основная часть потенциальных клиентов. В процессе анализа также исследуют факторы, которые непосредственно влияют на конкретные значения каждого параметра стратегической зоны хозяйствования. Для условий функционирования отдельных отраслевых рынков их различия будут значительными. Это касается и рынка аграрной продукции, как известно, вызвано рядом особенностей, присущих только сфере сельскохозяйственного производства.

Задача разработки конкурентной стратегии предприятия является достаточно сложным, поскольку при этом необходимо учесть множество внешних и внутренних факторов [6].

Факторы, влияющие на конкурентную стратегию предприятия, можно разделить на две группы:

- особенности отрасли, характеризующие состояние и условия конкуренции в ней;
- конкурентные возможности предприятия, характеризующие его рыночную позицию и потенциал.

При формировании конкурентной стратегии, в первую очередь, необходимо учитывать, в какой стадии жизненного цикла находится отрасль (зарождение, быстрый рост, зрелость, спад), структуру отрасли (раздробленная против концентрированной), суть и мощность пяти конкурентных сил, масштабы деятельности конкурентов (в частности, осуществляется конкурентная борьба на уровне мирового рынка). Оценка позиции предприятия в наибольшей степени зависит от того, является ли оно лидером в отрасли, претендентом на лидерство, постоянно находится на вторых ролях или борется за выживание и тому подобное; от сильных, слабых сторон предприятия, его возможностей и опасностей, угрожающих.

Выводы. Особенности формирования и функционирования стратегических зон хозяйствования для отечественных аграрных предприятий вызвано ряд проблем, к которым следует отнести следующие.

Во-первых, производственные мощности, которые невозможно быстро обновлять в соответствии с изменениями конкурентной ситуации на рынке. Это касается не только материально-технического обеспечения, но и вообще производственного направления предприятий (включая объемы

производства продукции и возможность создания новых ее видов).

Во-вторых, кадровое обеспечение, которое, пока, в большинстве аграрных предприятий Украины имеет невысокий уровень соответствия квалификационным требованиям постоянно меняющейся рыночной среды и, в общем, отсутствие восприятия на отечественных предприятиях новых теорий и стратегий производства коммерческой деятельности, в частности, непонимание и отказ от использования маркетинга в своей деятельности.

В-третьих, отсутствие полного государственного регулирования функционирования аграрного рынка, из чего следует ряд негативных последствий, в первую очередь, именно для результатов деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Особое внимание при определении конкурентной ситуации в выбранной сырьевой зоне хозяйствования следует обратить на уровень конкурентоспособности в данной отрасли. Это является сложным и многоаспектным вопросом, изучение которого требует большего количества данных по сравнению с существующим цифровым нагрузкой. К сожалению, использование почти всех существующих методик анализа уровня конкурентоспособности в отрасли не представляется возможным из-за несовершенства, как теоретической, так и практической составляющей.

Что касается теории, то следует обратить внимание на то, что предложенные учеными методики являются более общими и не учитываются значительную часть особенностей функционирования аграрного рынка. Одновременно, практическая часть определения конкурентоспособности аграрных предприятий не имеет должного аналитического уровня обеспечения. Тем самым невозможность определения состояния развития рынка и конкурентного уровня отдельных его субъектов полностью исключает определения конкурентной среды и в отдельных сырьевых зонах хозяйствования, которые являются его элементами и в совокупности формируют аграрный рынок.

Однако сложность в решении поставленных задач не должно стать для предприятий главным сдерживающим фактором, так как именно динамичность и постоянный поиск новых направлений развития должна стать тем победным фактором для постоянного определения их конкурентоспособности на разных уровнях и изучения возможностей ее повышения в целом, изучение эффективных для

них сырьевых зон хозяйствования и проведения оценки изменений рентабельности, как одного из основных результатов их производственно-коммерческой деятельности, в частности. Проведение такого постоянного анализа, по нашему мнению, является не только определяющим для отдельных предприятий, но и для отечественного аграрного производства в целом.

Литература.

1. Азоев Г.Л. Конкуренция: анализ, стратегия и практика / Г.Л. Азоев.- М.: Центр экономики и маркетинга, 1996.-208 с.
2. Антонюк Л.Л. Міжнародна конкурентоспроможність країн: теорія та механізми реалізації : монографія / Л.Л. Антонюк. – К.: КНЕУ, 2004. – 275с.
3. Барабась Д.О. Аналіз "п'яти сил" конкуренції в українській швейній галузі / Д.О. Барабась // Маркетинг в Україні. – 2002. – № 4. – С. 12-14.
4. Боровских Н. Конкурентные стратегии: меодология формирования и развития /Н. Боровских // Маркетинг. – 2005. – С. 37-48.
5. Лозинська М. Алгоритм формування конкурентної стратегії підприємства / М. Лозинська // Вісник Тернопільської академії народного господарства. – 2002. – Випуск 7/13. – С. 193-196.
6. Миронов М. Г. Ваша конкурентоспособность / М.Г. Миронов. - М.: Изд-во «Альфа-Пресс», 2004. -160 с.
7. Наливайко А.П. Теорія стратегії підприємства. Сучасний стан та напрямки розвитку: монографія / А.П. Наливайко. – К.: КНЕУ, 2001. – 227с.
8. Панов А.И. Стратегический менеджмент / А.И Панов, И.О Коробейников.- М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2004. – 284 с.
9. Позняк С.В. Конкурентні переваги і конкурентоспроможність / С.В. Позняк // Актуальні проблеми економіки. – 2002. – №1. – С. 50-53.
10. Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / М. Портер. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 715 с.
11. Портер М.Е. Стратегія конкуренції / М.Е. Портер. – К.: Основи, 1998.-390с.
12. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент / Р.А. Фатхутдинов. – М.: Издательско-книготорговый центр “Маркетинг”, 2002. – 892 с.

Melnikov M.A.
Graduate student
MSU of Lomonosov M.V.

Мельников М.А.
аспирант,
МГУ имени М.В. Ломоносова

STAKEHOLDERS IN CRISIS MANAGEMENT: REACTIVE AND PROACTIVE APPROACHES СТЕЙКХОЛДЕРЫ В АНТИКРИЗИСНОМ УПРАВЛЕНИИ: РЕАКТИВНЫЙ И ПРОАКТИВНЫЙ ПОДХОД

Summary: Success of the crisis management depends on stakeholder's position in a crisis. Interactions with them are carried out through a communication system, which must be organized rationally, i.e. to show the stakeholders that the the management of the company owns the situation, takes all necessary measures to overcome the crisis, and this goal is achievable. Rational organization of communications involves the use of reactive and proactive methods. The reactive method assumes the support of the past experience of successful interactions, while the proactive one presupposes the involvement in the communication system of stakeholders who were previously on the periphery of the firm's interests

Key words: crisis management, communication, reactive and proactive methods of management, organizational ethics.

Аннотация: Успех антикризисного управления фирмой во многом зависит от позиции, которую во время кризиса занимают ее стейкхолдеры. Взаимодействия с ними осуществляются посредством системы коммуникаций, которая должна быть организована рационально, т.е. поддерживать в стейкхолдерах уверенность, что руководство фирмы владеет ситуацией, предпринимает все необходимые меры по преодолению кризиса, и эта цель достижима. Рациональная организация коммуникаций предполагает использование реактивных и проактивных методов управления отношениями с ними. Реактивный метод предполагает опору на прошлый опыт успешных взаимодействий, в то время как проактивный предполагает вовлечение в коммуникационную систему стейкхолдеров, которые ранее находились на периферии интересов фирмы.

Ключевые слова: антикризисное управление, коммуникации, реактивные и проактивные методы управления, организационная этика.

Стейкхолдеры фирмы, или группы, заинтересованные в организационном успехе, достижении фирмой ее целей, являются важным фактором, воздействующим на организацию, что особенно справедливо в условиях кризиса или его угрозы. Действительно, легко себе представить, как возрастает уровень проблем, стоящих перед командой антикризисного управления (АКУ), если, например, держатели акций, кредиторы, инвесторы или поставщики усомнятся в возможности фирмы успешно преодолеть кризис. С другой стороны, стейкхолдеры могут оказать значительную поддержку фирме, если будут уверены, что ей удастся без существенного ущерба для себя и своих стейкхолдеров преодолеть кризис. Ключевым фактором, влияющим на настроения стейкхолдеров, являются коммуникации во время кризиса. «Коммуникации – один из важнейших инструментов кризисного управления» – отмечает известный американский исследователь кризисов и кризисного менеджмента Р. Хит. [1, С. 119] К. Фёрн-Бэнкс определяет кризисную коммуникацию как «диалог между организацией и ее стейкхолдерами до, во время и после угрожающих событий». Она поясняет, что используемые для этого стратегии и тактики предназначены для минимизации ущерба имиджу организации. [10, С. 479] Главная задача коммуникаций в АКУ состоит в том, чтобы вовремя, правдиво и в полном объеме информировать стейкхолдеров о

положении дел в АКУ, в то же время, делая акцент на достижениях и позитивных аспектах АКУ, одновременно с этим нейтрализуя негативную информацию, поступающую из внешних источников (чаще всего, СМИ). [9]

Для выстраивания эффективных кризисных коммуникаций со стейкхолдерами необходимо различать два типа методов и понимать, на каких фазах кризиса целесообразно использовать те или иные из них.

Реактивный метод принимает во внимание историю взаимоотношений организации со стейкхолдерами и делает выводы относительно слабых и сильных сторон такого опыта, обращая внимание на ситуации общения, наиболее интенсивно повлиявшие на взаимоотношения с ними. Важность этого метода заключается в возможности избежать повторения ошибок прошлого и учесть положительный опыт прошлых достижений. Он включает в себя обучение по принципу одиночной петли обратной связи, когда отдельные действия компании по отношению к стейкхолдеру оцениваются знаком «+» или «-», накапливается статистика, и в будущем, при возникновении подобной проблемы, принимается решение, которое в прошлом обеспечило положительный результат – компания придерживается проверенных временем форм и методов общения. Этот метод учитывает опыт, полученный по таким вопросам, как: что в прошлом было сделано

верно и неверно, как были использованы сильные стороны фирмы и каких угроз, связанных с ее слабостями, удалось избежать либо свести к минимуму их негативные последствия, а также что в следующий раз можно сделать лучше. Этот метод имеет еще одно преимущество, делающее его столь распространенным: он как бы «превращает» мягкие проблемы в жесткие, однозначные как по формулировке, так и по способам решения, что позволяет быстро находить удовлетворительные решения [2].

Проактивный метод управления отношениями со стейкхолдерами ориентирован на будущие действия (с учетом нынешних и прошлых действий) с целью создания возможностей для эффективного взаимодействия между фирмой и любыми заинтересованными сторонами. Важность данного метода заключается в том, что он позволяет включать в круг стейкхолдеров субъектов, опыта взаимоотношений с которыми еще не было – то есть расширять круг стейкхолдеров. Он позволяет заниматься стратегическим планированием отношений со стейкхолдерами, которое является важной частью планирования АКУ.

Этот метод предусматривает обучение по принципу двойной петли, в рамках которого организация готова адаптировать свои процессы и процедуры принятия решений к изменяющимся условиям. В частности, проактивный метод к управлению отношениями со стейкхолдерами будет рассматривать этические аспекты обмена информацией и тактические принципы, направленные на укрепление сильных сторон, сведение к минимуму либо смягчение последствий слабых сторон, обнаружение возможностей для будущего успеха и факторов, способных поставить под угрозу достижение успеха под углом зрения выстраивания устойчивых и долговременных отношений со стейкхолдерами.

В реальности в организациях в той ли иной пропорции должны использоваться оба метода – речь идет, скорее, о том, какой из них будет считаться приоритетным и почему. Например, организация работает в стабильной среде, в стабильном окружении различных стейкхолдеров, с которыми установлены традиционные дружеские отношения, гарантированные взаимной выгодой. Стабильность не стимулирует разработку антикризисных планов, а стратегия часто направлена на то, чтобы сохранить достигнутый удовлетворительный уровень производительности. В таких условиях доминирует реактивный метод решения проблем, которые возникают при взаимодействии со стейкхолдерами. Однако реактивный подход может измениться на проактивный, если, например, отдел по управлению взаимоотношениями с инвесторами проводит мероприятия (иногда называемые «выездными презентациями») для потенциальных финансовых инвесторов или акционеров. Эти мероприятия принципиально не меняют оценку относительно преобладания реактивного метода, но создают полезную для организации гибкость.

Проактивное выстраивание отношений со стейкхолдерами может иметь реактивное обрамление в виде дидактических упражнений, направленных на обнаружение способов улучшения существующих методов работы с ними, например, когда ставится задача улучшить отношения с кредиторами или поставщиками. Однако, как указывают американские исследователи П. Смад и Ж. Кортридж, в реальной жизни в большинстве случаев доминируют реактивные методы управления отношениями со стейкхолдерами [8, С. 133]. Это создает проблему для антикризисного планирования: наработанные организацией навыки реактивного управления мало полезны в случае решения нестандартных задач АКУ, часто не имеющих аналогов в прошлой практике фирмы и требующих принятия решений в очень ограниченных временных интервалах. Поэтому подготовка к кризису, кризисное планирование должны включать тренинги, ролевые игры, развитие методов принятия решений посредством мозгового штурма и им подобных [3].

Управление взаимоотношениями со стейкхолдерами, как действие риторического характера, основано на вовлечении людей в деловую активность компании и формирование ее образа. Необходимо затронуть еще один аспект этих отношений, обеспечивающий успешность АКУ: коммуникации должны не только обеспечивать информационный обмен, но и укреплять отношения доверия между фирмой и ее стейкхолдерами. В том, что касается доверия, правила взаимоотношения могут быть представлены в виде перечня таких форм поведения, которые абсолютно недопустимы. Подобные правила широко распространены в корпорациях, и их нарушение нередко предполагает административные наказания (например, за грубость по отношению к клиенту). Однако такая политика не стимулирует «правильное» отношение к стейкхолдерам, но пресекает «неправильное». Это не лучшее решение, так как оно ориентируется на пассивного исполнителя, но не на инициативный, творческий подход к выстраиванию полезных доверительных отношений.

В развитие такого инициативного похода американские исследователи Г. Лим, Г. Ан и Г. Ли выделили основные направления выстраивания благожелательных отношений со стейкхолдерами (таб. 1) [6, С. 836].

Разумеется, представленный список «признаков благожелательного отношения» не является ни исчерпывающим, ни неизменным. Но, в принципе, составление таких списков, адаптированных к конкретным условиям и конкретным кризисным угрозам является полезным делом для практики АКУ. Здесь главное – стремиться к тому, чтобы эти признаки были «читаемы» стейкхолдерами и стимулировали их на ответное благожелательное отношение к организации, что особенно важно в условиях АКУ.

Таблица 1 - Характерные признаки благожелательного отношения к стейкхолдерам (по Г. Лим, Г. Ан и Г. Ли)

Искренность и неподдельность	Прозрачность во всех действиях. Декларирование намерений и действия в соответствии с объявленными намерениями без любого рода оскорблений либо лицемерия, даже непреднамеренных.
Компетентность и прозрачность	Демонстрация знаний о сути вопроса и способность подтвердить эти знания соответствующими действиями, в том числе в случаях отказа системы; общение со стейкхолдерами на понятном для них языке и при помощи ценных для них средств информации.
Сопричастность и вовлечение	Значимое участие в жизнедеятельности стейкхолдеров, в их интересах и будущем. Демонстрация понимания компанией ее роли в сообществе.
Доброжелательность	Демонстрация принятия во внимание и высокой приоритетности интересов не только компании, но и стейкхолдеров.
Престиж	Демонстрация причин, по которым компания достойна уважения или восхищения в связи со своей ролью в сообществе. Удовлетворение ожиданий стейкхолдеров, предъявляемых к любому промышленному предприятию, с одновременной демонстрацией положительных черт, выгодно отличающих компанию от конкурентов.

Исследователи отмечают, что основой, обеспечивающей долговременное «благожелательное отношение» стейкхолдеров к организации, является этика. Разъясняя значение этики, американский исследователь М. Сиджер в своей работе вводит понятие «управление впечатлением» и, на наш взгляд, справедливо утверждает, что «выбор и применение символов для передачи впечатления, производимого компанией, является жизненно важной этической составляющей связей с общественностью, но вместе с тем, подобно созданию имиджа в общественных отношениях, управление впечатлением может принимать обманчивый и манипулятивный характер» [7, С. 128-129].

Совершенно справедливо говорят о связи этики и делового прагматизма А. Фридмен и С. Майлз: «Теория стейкхолдеров предлагает мощное средство для рассуждений о способах, благодаря которым этичность становится ключевым аспектом основной деятельности компании, и о том, до какой степени управление несет моральную нагрузку по сравнению с сугубо формализованным и стоящим вне морали стремлением к получению экономической выгоды» [5, С. 232]. Таким образом, этическое поведение по отношению к стейкхолдерам приобретает прагматические черты.

Так же прагматические аспекты можно обнаружить в этическом требовании выстраивать доверительные отношения со стейкхолдерами. Как отмечают в этой связи Дж. Брайент, С. Томпсон и Б. Финкли, «действия компании, благоприятствующие развитию двухстороннего общения, диалога с высокой долей вероятности будут приводить к накоплению доверия общественности к идее, что компания действует в интересах других сторон и, таким образом, будет увеличиваться желание этих других сторон действовать в интересах компании» [4, С. 263]. В этом отношении доверие является производной от принципиальной моральной позиции, с которой организация действует, вступает в общение, приглашает к участию заинтересованные группы, а также обеспечивает известность, понятность и соблюдение своих этических принципов.

Коммуникации являются узловым аспектом управления отношениями со стейкхолдерами, кото-

рое само по себе не относится к мерам по предотвращению ущерба от кризисов, проблем, катастроф или других нештатных ситуаций. Использование коммуникаций для управления взаимоотношениями со стейкхолдерами по существу носит риторический характер и подразумевает ежедневное внимание к делам и проблемам (вне зависимости от их масштабы либо обыденности) лиц и групп, являющихся или потенциально являющихся заинтересованными сторонами, к способам оптимального поддержания отношений с этими лицами и группами, а также к путям улучшения этих отношений в долгосрочной перспективе. Вся эта работа требует от руководителей и специалистов по связям с общественностью использования навыков стратегического мышления и проактивного управления.

Список литературы/ References:

1. Хит Р. Кризисное управление для руководителей и менеджеров. М.: ЛОРИ. 2004.
2. Зуб А.Т., Локтионов М.В. Стратегический менеджмент, Системный подход. М.: Дело. 2011.
3. Чумиков А.В. Антикризисные коммуникации. М.: Аспект-пресс. 2013.
4. Bryant J., Thompson S., Finklea B. Fundamentals of Media Effects. Landgrave: Vavilan Press. 2013.
5. Friedman A., Miles S. Stakeholders: theory and practice. L.: Oxford University Press. 2006.
6. Lim G., Ahn H., Lee H. Formulating strategies for stakeholder management: a case-based reasoning approach // Expert Systems with Applications. Vol. 28. 2005. P. 830-844
7. Seeger, M. Ethics and organizational communication. Cresskill: Hampton Press. 1997.
8. Smudde P., Courtright J. A holistic approach to stakeholder management: A rhetorical foundation // Public Relations Review. 2011. Vol. 37. P. 128-142
9. Freeman R., Harrison J., Wicks C., Parmar L., de Colle S. Stakeholder theory: the state of the art. N. Y.: Cambridge University Press. 2010
10. Fearn-Banks K. Crisis communication: a review of some best practices. In: R. Heath (ed.). Handbook of Public Relations. Thousand Oaks: Sage Publications. 2001.

Нісходовська Олена Юрївна,

аспірант

Навчально-наукового інституту

менеджменту, економіки та фінансів

Міжрегіональної Академії управління персоналом

м. Київ

Niskhodovska O.Y.

Postgraduate Research institute of Management,

International Economics and Finance

Interregional Academy of Personnel Management

ОСНОВНІ ПІДХОДИ ДО ФОРМУВАННЯ ІНКЛЮЗИВНОЇ МОДЕЛІ ПІДПРИЄМНИЦТВА ВИРОБНИКІВ ГРЕЧКИ

BASIC APPROACHES TO THE FORMATION OF THE INCLUSIVE MODEL OF ENTERPRISES OF THE GREEK MANUFACTURERS

Анотація. Актуалізовано роль інклюзивного економічного зростання як єдиного можливого напрямку економічного розвитку України. Визначено, що недосконалість організаційно-економічних відносин між суб'єктами агрокомплексу стримує розвиток вітчизняного АПК, взагалі, та сектору круп'яного виробництва, зокрема: система економічних взаємовідносин підприємств з виробництва, переробки, зберігання, реалізації круп'яної продукції не відповідає ринковим умовам господарювання, що не сприяє підвищенню ефективності виробництва кінцевої продукції, а локальний монополізм підприємств приводить до збільшення роздрібних цін на кінцеву продукцію. Доведено, що кооперація є тією інклюзивною моделлю підприємництва, в якій поєднано вимоги капіталізму та соціальної політики на основі участі працівників у відносинах власності на капітал фірм і відносинах управління виробництвом; представлена інклюзивна бізнес-модель – Кооперативна міжрайонна корпорація виробників гречки (Вінницького, Калинівського та Липовецького районів Вінницької області).

Ключові слова: інклюзивне економічне зростання, інклюзивна модель економіки, бізнес-модель підприємницької діяльності, кооперативна міжрайонна корпорація виробників гречки.

Summary: The role of inclusive economy growing is actualized as only possible direction of economic development of Ukraine. Certainly, that imperfection of organizationally-economic relations between the subjects of agrocomplex restrains development of home АПК, in general, and to the sector of production of groats, in particular: the system of economic mutual relations of enterprises from a production, processing, storage, realization of products of groats does not answer the market conditions of manage that does not assist the increase of efficiency of production of eventual goods, but the local monopolism of enterprises results in the increase of the suggested retail prices on eventual products. It is well-proven that co-operation is that by the inclusive model of enterprise, in that the requirements of capitalism and social politics are united on the basis of participating of workers in the relations of property on the capital of firms and relations of management of operations; a inclusive business model - Co-operative inter-district corporation of producers of buckwheat (Vinnytsya, Kaliniv and Lipovets of districts of the Vinnytsya area) is presented.

Key words: inclusive economy growing, inclusive model of economy, business model of entrepreneurial activity, co-operative inter-district corporation of producers of buckwheat.

Постановка проблеми. Проблема забезпечення сталого економічного зростання країни при одночасному скороченні нерівності в доходах населення є однією з найбільш обговорюваних серед науковців, політиків і державних діячів, які вбачають її вирішення в реалізації концепції інклюзивного економічного зростання.

Інклюзивне економічне зростання створює максимальні можливості для отримання робочого місця та стабільного доходу всіма верствами населення забезпечує їх участь в усіх сферах життєдіяльності суспільства. Воно зорієнтоване на більш широкі економічні цілі – не просто збільшення національного доходу чи ВВП, але й всебічний розвиток людського капіталу, скорочення нерівності й бідності; активна участь виробників у розподілі доходу та економічному житті; отримання вигоди всіма верствами населення;

дбайливе використання природних ресурсів і охорона навколишнього середовища [5]. Отже, інклюзивне економічне зростання є необхідним та єдиною можливим напрямом економічного розвитку України.

Інклюзивна бізнес-модель підприємницької діяльності передбачає залучення малозабезпечених (незаможних) верств населення як споживачів, клієнтів або покупців (з боку попиту) та як працівників, виробників і підприємців (з боку пропозиції) на всіх етапах процесу створення доданої вартості, що забезпечує взаємовигідні відносини між бізнесом і малозабезпеченим населенням. Переваги від формування інклюзивних бізнес-моделей отримують усі: підприємці – отримання прибутку в короткостроковій перспективі та зміцнення ланцюгів поставок сировини і збуту продукції, залучення нових клієнтів (споживачів) своєї продукції (послуг). Для споживачів з низьким рівнем

доходів переваги полягають у задоволенні основних потреб, отриманні сталого доходу і досягнення більш високої продуктивності та якості життя; вигода для суспільства – соціально відповідальне використання природних ресурсів [6].

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Проблеми інклюзивного економічного зростання, побудови інклюзивної економіки в Україні є об'єктом дослідження багатьох вітчизняних і зарубіжних науковців таких, як: Д. Аджемоглу, А.В. Базилюк, В.М. Гейць, А.А.Гриценко, В.С. Данкевич, О.В. Жулин, Т.О. Зінчук, Дж.А. Робинсон, Х.А. Хакимов, Л.І.Федулова тощо.

Невирішеними залишаються питання щодо формування інклюзивної моделі підприємництва виробників сільськогосподарської продукції, зокрема, круп'яних культур.

Ціль даної статті – виявити проблеми розвитку вітчизняного АПК, взагалі, й сектору круп'яного виробництва, зокрема, та визначити основні підходи їх вирішення.

Основна частина. Сучасний виробничий процес доведення сільськогосподарської продукції до кінцевого споживача забезпечується взаємодією кількох відокремлених ланок: постачання, виробництва, заготівлі, зберігання, переробки, збуту, оптової та роздрібною торгівлі. Недосконалість організаційно-економічних відносин між суб'єктами агрокомплексу стримує розвиток вітчизняного АПК, взагалі, та сектору круп'яного виробництва, зокрема. Система економічних взаємовідносин підприємств з виробництва, переробки, зберігання, реалізації круп'яної продукції в Україні не відповідає ринковим умовам господарювання, а це не сприяє підвищенню ефективності виробництва кінцевої продукції. Локальний монополізм підприємств приводить до збільшення роздрібних цін на кінцеву продукцію. Основу аграрного виробництва і збуту формують великі підприємства, які мають розгалужену організаційну структуру управління з відділом (службою) маркетингу, розвинену інфраструктуру та доступ до зовнішніх ринків збуту. В той же час дрібні товаровиробники забезпечують продовольчу безпеку окремих регіонів і зайнятість сільського населення (агрохолдинги

контролюють лише 15-20% українських сільськогосподарських земель і виробляють 30% всієї сільськогосподарської продукції). Через диспаритет цін, взаємні неплатежі, нестійкість державної фінансово-кредитної системи, інфляцію, нестабільність податкового законодавства зберігаються суперечності між виробниками продукції, постачальниками та переробниками. У цих умовах, щоб вижити та розвиватися, сільськогосподарським підприємствам необхідно створювати власні елеватори, склади для зберігання, підприємства з переробки продукції, але фермерські господарства не мають для цього достатніх фінансових ресурсів. Отже, необхідно створювати кооперативні об'єднання виробників, переробників круп та інших суміжних секторів і видів сільськогосподарської діяльності виробників.

За оперативними даними структурних підрозділів агропромислового розвитку облдержадміністрацій в Україні станом на 01.01.2017 р. зареєстровано 1097 сільськогосподарських обслуговуючих кооперативів, з них лише 589 одиниць діючих (об'єднують 0,3% всіх сільськогосподарських виробників), а обробіткою землі та збиранням врожаю займається лише 152 кооперативи. Отже, в аграрному секторі економіки України кооперативний рух розвивається повільно. В той же час, тільки кооператив забезпечить дотримання інтересів усіх виробників сільськогосподарської продукції на основі справедливого розподілу результатів їх діяльності між учасниками об'єднання та сприятиме підвищенню ефективності виробництва.

На думку експертів, кооператив – це і є та інклюзивна модель підприємництва, форма виробничої демократії в економіці, в якій поєднано вимоги капіталізму та соціальної політики на основі участі працівників у відносинах власності на капітал фірм і відносинах управління виробництвом.

Отже, у секторі круп'яного виробництва доцільним є створення інклюзивної бізнес-моделі підприємницької діяльності – багатофункціонального об'єднання кооперативів «Кооперативної міжрайонної корпорації виробників гречки» (КМКВГ), модель якого представлена на рис. 1.

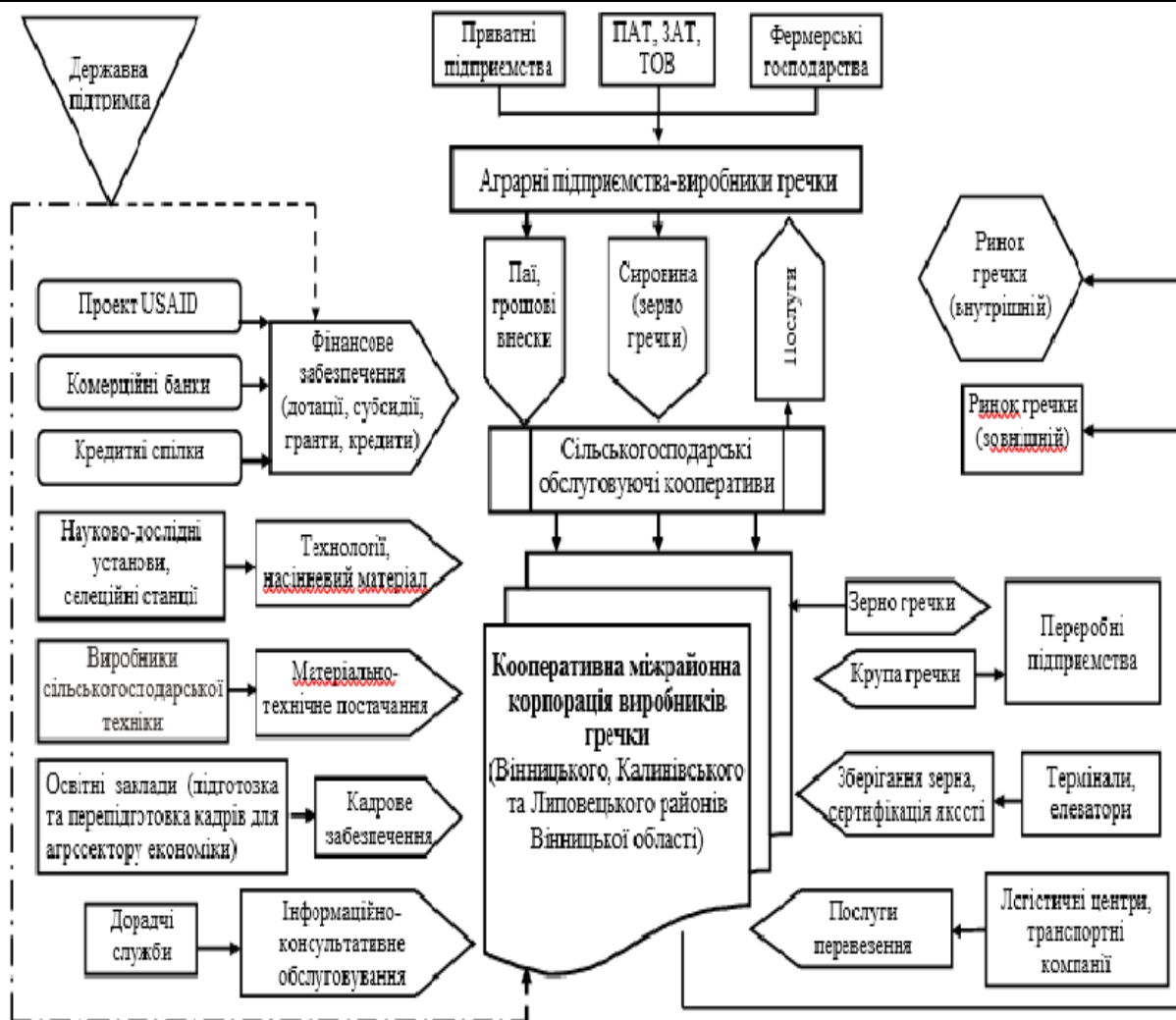

Рис.1. Інклюзивна бізнес-моделі Кооперативної міжрайонної корпорації виробників гречки (Вінницького, Калинівського та Липовецького районів Вінницької області)

Джерело: побудовано автором

Кооперативна міжрайонна корпорація виробників гречки – це багатофункціональне інтеграційне об'єднання аграрних підприємств-виробників гречки та підприємств інфраструктурного комплексу Вінницького, Калинівського та Липовецького районів Вінницької області, які територіально розташовані в радіусі 30-35 км. КМКВГ створюється для задоволення потреб членів корпорації, збільшення прибутковості їх діяльності та підвищення конкурентних позицій на ринку гречки.

Члени КМКВГ зберігають статус юридичної особи, господарську самостійність та об'єднуються на договірній основі. Кооперативна форма дозволяє організувати спільну діяльність так, щоб його члени мали можливість спільно вирішувати наявні проблеми і сприяти задоволенню нагальних потреб, не втрачаючи при цьому своєї ділової, економічної та юридичної незалежності.

Основними перевагами організації КМКВГ для виробників гречки є такі, як:

- формування конкурентного середовища на ринку гречки, створення конкуренції комерційним

посередницьким фірмам та агрохолдингам, перерозподіл ринку на користь виробників;

- оптимізація каналів просування круп'яних культур, вироблених малими і середніми підприємствами, на внутрішній і зовнішній ринки;

- забезпечення власного контролю за рухом продукції на усіх ланках маркетингового ланцюга (від виробника до кінцевого споживача), скорочення кількості посередницьких структур, що сприятиме формуванню конкурентоспроможної ціни на крупу гречки;

- створення можливостей для отримання державних замовлень, субсидій, кредитів, укладення довгострокових контрактів на реалізацію продукції, включаючи експортні поставки;

- високотехнологічне обслуговування сільськогосподарського виробництва: обробіток земельних ділянок чи паїв, сівба, догляд за круп'яними культурами, збирання врожаю, його первинна обробка та підготовка до реалізації;

- підвищення рентабельності виробництва гречки через впровадження досягнень науково-технічного прогресу, сучасних технологій;

– забезпечення доступу до фінансових ресурсів банків, кредитних спілок, інвестиційних фондів тощо.

Переваги організації Кооперативної міжрайонної корпорації виробників гречки для жителів сільських територій:

– становлення засад демократичного розвитку сільської громади, формування культури власності сільського населення, підвищення його соціальної активності;

– підвищення життєвого рівня членів корпорації та сільських жителів адміністративно-територіальних утворень, захист їх майнових і соціальних прав, створення додаткових робочих місць;

– формування системи економічної і соціальної самопомоги та взаємодопомоги суб'єктів господарювання і населення;

– відродження та розвиток соціальної інфраструктури сільських територій, збереження їх історичної та культурної спадщини.

Висновки і пропозиції. Об'єднання виробників гречки у Кооперативну міжрайонну корпорацію створить умови для функціонування прозорої мережі заготівлі та збуту зерна гречки, послаблення впливу кон'юнктурних коливань на ринку, обмеженню спекулятивних операцій посередників, зменшення ризиків, збільшення доходів аграріїв, що сприятиме зростанню обсягів виробництва крупи гречки. А це, в свою чергу, забезпечить вирішення продовольчої безпеки країни, підвищення рівня конкурентоспроможності виробників, покращення їх фінансового стану та позитивно вплине на соціальний розвиток сільських територій.

Запровадження інклюзивної бізнес-моделі підприємництва в Україні сприятиме подоланню соціальної нерівності, зміцненню середнього класу та формування менталітету власників у суспільстві, зменшенню впливу олігархічних структур на економіку, а також дасть можливість активізувати підприємницький потенціал всередині країни та позбутися залежності від зовнішніх інвестицій, що сприятиме переходу до високотехнологічної, соціально відповідальної моделі економіки. Отже, в усіх секторах економіки необхідний перехід на новий рівень шляхом ефективної організації та розширення прав і можливостей працівників-співвласників через розвиток кооперативного руху та впровадження кооперативної просвіти.

Список літератури

1. Про кооперацію. Закон України від 10.07.2003 № 1087-IV—Редакція від 06.11.2014, підстава 1206-18. [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1087-15>

2. Про сільськогосподарську кооперацію. Закон України від 17.07.1997 № 469/97-ВР. Редакція від 19.01.2013, підстава 5495-17. [Електронний ресурс] – Режим доступу:

<http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/469/97-%D0%B2%D1%80>

3. Указ Президента «Про стратегію сталого розвитку «Україна-2020» на сайті Верховної Ради України 12 січня 2015 року № 5/2015. [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/5/2015#n10>

4. Про схвалення Концепції Державної цільової програми розвитку аграрного сектору економіки на період до 2020 року Розпрядження КМУ № 1437-р від 30.12.2015 р. [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=248907971>

5. Growing Inclusive Markets. Creating Value for all: Strategies for Doing Business with the Poor (англ.). United Nations Development Programme (2008). [Електронний ресурс] – Режим доступу: [http://www.rw.undp.org/content/dam/rwanda/docs/pov-red/RW rp Creating Value for All Doing Business with the Poor.pdf](http://www.rw.undp.org/content/dam/rwanda/docs/pov-red/RW_rp_Creating_Value_for_All_Doing_Business_with_the_Poor.pdf)

6. United Nations Development Programme UNDP Regional Bureau for Europe and the Commonwealth of Independent States. [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://europeandcis.undp.org/>

7. Аджемоглу Дарон. Почему одни страны богатые, а другие бедные / Д. Аджемоглу, Дж. А. Робинсон // Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2015. – 720 с.

8. Базиліук А. В. Інклюзивне зростання як основа соціально-економічного розвитку / А.В. Базиліук, О. В. Жулин // Економіка та управління на транспорті. – 2015. – Вип. 1. – С. 19–29.

9. Геєць В.М. Політичні й інституціональні засади справедливості та усталеності соціально-економічного розвитку / В.М. Геєць, А.А. Гриценко // Європейський вектор економічного розвитку. – 2012. – № 2(13). – С. 43-57.

10. Гриценко А.А. Економіка України на шляху до інклюзивного розвитку / А. А. Гриценко // Економіка і прогнозування. – 2016. – № 2. – С. 9-23.

11. Данкевич В.Є. Інституційне забезпечення трансформації земельних відносин в умовах європейського вибору / В. Є. Данкевич // Вісник ЖНАЕУ. – 2016. – № 1 (54), т. 2. – С. 3–13.

12. Зінчук Т.О. На початку пошуку стратегії інклюзивного зростання сільської економіки: світовий та європейський підхід / Т.О. Зінчук // Вісник Сумського національного аграрного університету. Серія : Економіка і менеджмент. – 2016. – Вип. 4. – С. 132-137.

13. Федулова Л. І. Інклюзивні інновації в системі соціально-економічного розвитку [Електронний ресурс] / Л. І. Федулова // Економіка: реалії часу. – № 3 (25). – 2016. – С. 56–65. – Режим доступу: <http://economics.opu.ua/files/archive/2016/No3/56.pdf>.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Kravchenko K.S.

*PhD student of the Department of Justice
Faculty of Law Kyiv National Taras Shevchenko University*

Кравченко Кристина Станиславовна,
*аспирант кафедры правосудия
юридического факультета
Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко*

USING SPECIAL EXPERTISE IN INVESTIGATING OF HUMAN TRAFFICKING ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Summary: The article highlights tactical features of using special expertise during the investigation of human trafficking, focuses on analysis of types of special expertise, determine their content.

Special attention is focused on psychiatric, psychological and medical examination of injured persons.

Keywords: using special expertise, investigation, expertise, human trafficking.

Аннотация: Статья посвящена исследованию и рассмотрению особенностей использования специальных знаний при расследовании торговли людьми. С акцентировано внимание на исследовании форм использования специальных знаний, раскрыты особенности проведения отдельных видов экспертиз.

Ключевые слова: использование специальных знаний, расследование, экспертиза, торговля людьми.

Постановка проблемы в общем виде: При расследовании торговли людьми, которая в соответствии с Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказанием за нее, дополняющим Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности представляет собой осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или зависимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо, для установления вины обвиняемого, состояния потерпевшего, а так же обстоятельств совершения уголовного преступления, важное значение имеет использование специальных знаний.

Если обращаться к данным Государственной судебной администрации Украины по количеству рассмотренных дел, то, соответственно, стоит отметить, что на начало 2016 года в судах было 22 рассмотренных уголовных производств по ст. 149 УК Украины, в течение года от правоохранительных органов с обвинительными актами поступило еще 27 уголовных производств, по которым обвинялось в торговле людьми 58 человек, из которых 2 человека совершили преступление в составе организованной преступной группы. В 2016 году судами было рассмотрено 28 уголовных производств, и по их результатам вынесено 26 обвинительных приговоров 28 людям.

Украина присоединилась к выполнению всех ключевых международных актов, в частности, Конвенции Совета Европы о мерах по противодействию торговле людьми и Протоколу о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно

женщинами и детьми, и наказанием за нее, дополняющим Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка относительно торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, касающихся конвенций Международной организации труда и Плана действий ОБСЕ по противодействию торговле людьми, Второму дополнительному протоколу к Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам от 8 ноября 2001г., Который ратифицирован Законом Украины от 1 июня 2011, Соглашению о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека, ратифицированном законом Украины от 16 октября 2012 года и другим международным актам. Однако показатели торговли людьми как в Украине так и в мире растут быстрыми темпами, а потому противодействие указанным преступлениям необходимо усиливать.

Анализ последних исследований и публикаций: Вопрос досудебного расследования и судебного рассмотрения уголовных производств по торговле людьми исследовали такие ученые как: Н.Н. Ахтырская, В.С. Батыргареева, П.В. Горбаченко, В.А. Иващенко, В. М. Куц, Л. Г. Ковальчук, В. П. Огурецкий, А.М. Орлеан, В.М. Подгородинский, Н.В. Плахотнюк, В.Т. Маляренко, В.В. Турок, Т.М. Юденко и другие ученые. Вместе с тем, особенности использования специальных знаний в уголовных процессах по торговле людьми не были предметом специального научного исследования.

Цель статьи: исследование особенностей использования специальных знаний при расследовании торговли людьми.

Изложение основного материала: Правильное понимание понятия специальных знаний - это

важное условие их использования в различных формах в ходе расследования торговли людьми. Специальные знания являются тем элементом, определяющим процессуально-правовой статус участников уголовно-процессуальной деятельности, на основе которого формируются их права и обязанности, система гарантий, условия и порядок их деятельности в процессе расследования. Их использование является необходимым условием для правильной квалификации преступлений, выдвижения обоснованных следственных версий, повышения эффективности тактики проведения следственных (розыскных) действий и оперативно-розыскных мероприятий, установления конкретных причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также индивидуализации наказания. [8, с.305]

Уголовный процессуальный кодекс Украины не содержит в себе определение «специальных знаний», однако ученые и практики исследовав этот вопрос отмечают, что специальные знания - это знания, которые лежат в основе соответствующих специальностей и специализаций, приобретаются в процессе обучения и практической деятельности по определенной специальности. К специальным знаниям не относятся общеизвестные и общедоступные научные знания, повседневные, бытовые сведения, а также знания в области материального и процессуального права. [9, с.202]

При расследовании торговли людьми важное значение приобретает применение специальных знаний, которые проявляются в виде:

1) участия специалистов при проведении следственных (розыскных) действий (ч.2 ст. 71 УПК Украины);

2) предоставление консультаций сторонам уголовного производства специалистом по различным вопросам, которые возникают в процессе расследования (ч.3 ст.71 УПК Украины), а также предоставление консультаций и письменных разъяснений суду в соответствии со ст. 360 УПК Украины;

3) назначение и проведение судебных экспертиз (ст. ст. 69, 101, 242 УПК Украины).

Использование специальных знаний при расследовании торговли людьми обусловлено особенностями совершения данного преступления, а именно - обстановкой, способом и орудием совершения уголовного преступления.

Так, когда совершение торговли людьми происходит путем перемещения потерпевшего через государственную границу путем пересечения соответствующих пропускных пунктов, преступники обычно используют поддельные документы, позволяющие пересечь государственную границу, и, как следствие, помогают им реализовать свои преступные намерения. В таких случаях возникает объективная потребность в привлечении специалистов для оказания помощи при обнаружении документов, которые использовались преступниками для пересечения государственной границы, определении тех из них которые могут быть поддельными,

их изъятии и направлении для экспертного исследования.

В тех случаях расследования торговли людьми, когда пересечение государственной границы состоялось вне пунктов пропуска через государственную границу, специалисты привлекаются для отобрания образцов, которые будут необходимы в дальнейшем для проведения дактилоскопических экспертиз и экспертиз следов ног и транспортных средств.

Помощь специалиста, как правильно отмечает В.М. Махов, не ограничивается рамками следственных осмотров (места происшествия, документов и т.п.), они могут оказывать помощь при проведении и других следственных (розыскных) действий. [10 с.81]

Так, при расследовании торговли людьми следователи, с участием специалистов и с использованием научно-технических средств, проводят обыски по месту работы, жительства подозреваемых с целью обнаружения доказательств, свидетельствующие о причастности указанных лиц к торговле людьми. Специалисты могут оказывать следователям помощь при проведении допросов, в виде составления перечня вопросов, которые необходимо поставить допрашиваемому (если для этого необходимо применение специальных знаний), или разъяснении тех или иных терминов, применяемых к допрашиваемому при предоставлении показаний.

Также, существуют случаи, когда имеет место необходимость привлечения к проведению следственных (розыскных) действий двух и более специалистов. Это связывается с многогранностью вопросов и многопрофильностью знаний, используемых при установлении обстоятельств, причин и последствий исследуемых событий.

Наиболее распространенной формой использования специальных знаний является назначение и проведение судебных экспертиз. Выводы экспертов являются процессуальными источниками доказательств, а потому играют важную роль в процессе доказывания обстоятельств торговли людьми.

В соответствии со ст. 1 Закона Украины «О судебной экспертизе» от 25 февраля 1994 р. судебная экспертиза - это исследование экспертом на основе специальных знаний материальных объектов, явлений и процессов, которые содержат информацию об обстоятельствах дела, находящегося в производстве органов предварительного расследования или суда. [4]

Согласно ч.1 ст. 242 УПК Украины, экспертиза проводится экспертом по обращению стороны уголовного производства или по поручению следователя, судьи или суда, если для выяснения обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства, необходимые специальные знания. Не допускается проведение экспертизы для выяснения вопросов права. [3]

Важнейшую роль при расследовании торговли людьми играют психиатрические (75%) психологические (67%) и медицинские (49%) экспертизы потерпевших лиц. Необходимо учитывать, что в зависимости от обстоятельств уголовного

производства возможно назначение комплексных психолого-психиатрических, психолого-медико-психиатрических и медико-психологических экспертиз.

Частью 2 ст. 242 Уголовно-процессуального кодекса Украины установлены обязательные случаи проведения экспертиз - это установление причин смерти; установление характера и тяжести телесных повреждений; определения психического состояния подозреваемого при наличии сведений, которые вызывают сомнение в его вменяемости, ограниченной вменяемости; установление возраста лица, если это необходимо для решения вопроса о возможности привлечения его к уголовной ответственности, а другим способом невозможно получить эти сведения; установления половой зрелости потерпевшего; определение размера материального ущерба, вреда нематериального характера, причиненного уголовным правонарушением. [3]

Кроме приведенных обязательных случаев проведения медицинских, психологических и психиатрических исследований, соответствующие экспертизы назначаются при расследовании торговли людьми и для установления других обстоятельств дела, например правильности восприятия потерпевшим обстоятельств, имеющих значение для дела, способности давать о них соответствующие показания; эмоционального состояния пострадавшего в определенный период действия психотравмирующей ситуации для потерпевшего; влияния ситуации в семье и воспитательного процесса, проводимого родителями на эмоциональное состояние, психическое развитие лица; причинение страданий (морального вреда) индивидуально-психологических особенностей и психических заболеваний лиц и т.д. [13 с.184]

Судебно - психологическая экспертиза. Особую специфику при расследовании преступлений, связанных с торговлей людьми имеет судебно-психологическая экспертиза, которая устанавливает те особенности психической деятельности и такие их проявления в поведении лица, имеющие юридическое значение и вызывает определенные правовые последствия. [6, с.40] Такая экспертиза может быть назначена как на стадии досудебного расследования так и во время судебного разбирательства с целью определения у подэкспертного лица индивидуально-психологических особенностей, черт характера, ведущих качеств личности, создающих мотивы факторов психической жизни и поведения; эмоциональных реакций и состояний; закономерностей протекания психических процессов, уровня их развития и индивидуальных ее свойств.

Психологические исследования проводятся экспертами психологами центров судебно-психиатрических и психологических исследований, научно-исследовательских институтов судебных экспертиз Министрерста юстиции Украины и научно-исследовательских учреждений в области психологии и психиатрии, а также другими аттестованными экспертами.

Объектами экспертизы являются психически здоровые лица (подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие, истцы, ответчики: малолетние, несовершеннолетние, лица взрослого и пожилого возраста).

На изучение психологической экспертизы могут быть поставлены ряд вопросов, из которых наиболее типичными являются:

- Какие индивидуально-психологические особенности имеет подэкспертное лицо и могли ли они повлиять на характер его противоправных действий?

- Какой индивидуально-ролевой статус имеет подэкспертное лицо в преступной группе (лидер, подвластный т.д.)?

- Имеет ли испытуемое лицо индивидуально-психологические особенности, которые существенно повлияли на характер его показаний?

- Является ли исследуемая ситуация психотравмирующей для лица?

- Способно ли подэкспертное лицо, с учетом его возрастных особенностей,

эмоционального состояния, индивидуально-психологических свойств, уровня умственного развития и условий социальной среды осознавать реальное содержание собственных действий и в полной мере сознательно управлять ими и предвидеть их последствия? [6, с. 54]

Судебно-медицинская экспертиза назначается для установления наличия, характера, степени тяжести телесных повреждений, обстоятельств нанесения телесных повреждений, возраста потерпевшего.

Стоит отметить, что круг вопросов, которые ставятся на исследования судебно-медицинской экспертизы могут варьироваться в зависимости от вида эксплуатации, которой подвергся потерпевший. Однако, необходимо учитывать тот факт, что часто к потерпевшим может быть применено насилие, которое не оставляет после себя следов нарушения анатомической целостности тканей или следов нарушения нормального функционирования тканей и органов человеческого тела, а причиняет лишь физическую боль - это, например: нанесение побоев или причинение мучений в виде длительного лишения пищи, воды или тепла, или наоборот длительное пребывание под зноем, во вредных условиях труда и тому подобное. Потому, в данном случае эксперты лишь отмечают жалобы потерпевших лиц, но не устанавливают степень тяжести телесных повреждений.

На решение судебно-медицинской экспертизы могут быть поставлены ряд вопросов, из которых наиболее типичными являются:

- Какие повреждения есть у потерпевшего, их характер, локализация, давность образования, степень тяжести, чем они могли быть вызваны?

- Каков механизм образования повреждений?

- Могли ли обнаруженные телесные повреждения быть нанесены при обстоятельствах, указанных потерпевшим лицом?

- Достиг ли потерпевший половой зрелости?

- Есть ли признаки венерического заболевания, как и когда оно возникло?

- Беременна ли потерпевшая, если да - срок ее беременности?

- Есть ли на теле потерпевшего следы медицинского вмешательства, связанные с изъятием органов?

- Как причиненные телесные повреждения повлияли на физическое здоровье потерпевшего? [10 с.218]

Судебно-психиатрическая экспертиза.

Предметом судебно-психиатрической экспертизы является определение психического состояния лиц, которым назначена экспертиза, в конкретные промежутки времени и относительно определенных обстоятельств, представляют интерес для органов предварительного расследования и суда.

Объектами экспертизы могут быть: подозреваемые / обвиняемые, в отношении которых в органах досудебного расследования и суда возникли сомнения в их психической полноценности, вменяемости или возможности по психическому состоянию участвовать в следственных (розыскных) действиях или судебном заседании; свидетели и потерпевшие, в отношении которых в органах досудебного расследования и суда возникли сомнения в их психической полноценности; пострадавшие, в отношении которых решается вопрос о взаимосвязи изменений в их психическом состоянии с совершенными по отношению к ним противоправными деяниями (беспомощное состояние и причинение вреда здоровью) материалы уголовного или гражданского дела, медицинская документация, аудиовизуальные материалы и другая информация о психическом состоянии лица, в соответствии с которой проводится экспертиза. [5]

При расследовании торговли людьми проведение судебно-психиатрической экспертизы проводится с целью установления наличия (отсутствия) признаков какого-либо болезненного расстройства психической деятельности; степени тяжести болезненного расстройства психической деятельности; наличия (отсутствия) причинной связи между действием - эксплуатацией потерпевшего, и следствием - появлением психического расстройства.

Следовательно, при проведении судебно-психиатрической экспертизы эксперту могут быть поставлены следующие вопросы:

- Проявляет ли потерпевший признаки какого-либо болезненного расстройства психической деятельности, если да, то какова степень тяжести болезненного расстройства психической деятельности?

- Находится ли обнаруженный у потерпевшего разлад психической деятельности в причинной связи с совершенными в отношении него действиями или бездействием? [10 с.224]

При расследовании торговли людьми возможно назначение и других видов экспертиз, а именно:

Криминалистические:

1) **почерковедческая экспертиза** - проводится с целью идентификации исполнителя рукописного текста, цифровых записей или подписей в разных документах - контрактах, черновых записях, заявлениях, документах об усыновлении и тому подобное. Также почерковедческая экспертиза решает некоторые неиндикационные задачи, а именно: установление факта выполнения рукописи в необычных условиях или в необычном состоянии исполнителя, намеренно измененным почерком с подделкой (имитацией) почерка другого лица, определение пола исполнителя и принадлежности его к определенной возрастной группе. [7, с.182]

2) **трасологическая экспертиза** - проводится с целью идентификации или определения родовой (групповой) принадлежности индивидуально определенных объектов по материально фиксированным следам - отражения их на следообразующих поверхностях; диагностика (установление свойств, состояний) объектов; установление механизма следообразования и др. [11 с.182] Как правило при расследовании торговли людьми исследуются отпечатки пальцев рук, а также может ставиться вопрос о наличии на предметах обстановки места происшествия следов взаимодействия с другими предметами, пригодность этих следов для идентификации или о наличии в этих следах признаков, которые ориентируют на поиск указанных объектов.

3) **портретная экспертиза** - проводится с целью определения личности человека на основе исследования особенностей его внешности с помощью разного рода материальных данных (фотографий, рисунков, видеозаписи). Экспертиза проводится на основе знаний специалистами антропологии, общей и топографической анатомии и разработанных на их основе положений криминалистики об отождествлении человека по признакам внешности.

4) **Техническая экспертиза документов** - проводится с целью установления фактов и способов внесения изменений в документы (подчистка, дописка, переклейка фотографий, букв и т.п.) и выявление их первичного содержания.

5) **Экспертиза материалов и средств видео и звукозаписи** - проводится с целью исследования фактических данных, отображаемых в видеофонограммах - вещественных доказательствах, которые имеют отношение к уголовному производству. Исследование проводится с использованием специальных знаний в области криминалистической идентификации, акустики, лингвистики и других научных дисциплин. Указанная выше экспертиза имеет четыре самостоятельные специальности, а именно: 1) техническое исследование материалов и средств видеозвукозаписи; 2) исследование акустических сигналов и среды; 3) исследование устной речи человека по его физическим признакам; 4) языковедческие исследования устной речи человека. [12 с.133]

Так, стоит отметить, что в процессе расследования торговли людьми зачастую проводится видеозапись переговоров с покупателями или звукозапись их разговоров с торговцами, потерпевшим или другими лицами. Также во время проведения оперативно-розыскных действий (например, оперативной закупки) могут использоваться технические средства, с помощью которых фиксируются речь и внешний облик преступников. Важное значение играют экспертные методики по установлению факта монтажа или внесения частичных изменений как в аналоговых, так и в цифровых фонограмм. [13 с.188]

Инженерно-технические:

Экспертиза компьютерной техники и программных продуктов. Объектами судебной экспертизы компьютерной техники и программных продуктов является компьютерная техника, периферия (сканеры, принтеры и т.п.), различные носители информации (магнитные, оптические, лазерные и т.д.), программное обеспечение, информация, находящаяся на носителях и в запоминающих устройствах (постоянных и оперативных), а также органайзеры, пейджеры, мобильные телефоны и другие устройства, изготовленные и работающие на основе технологий построения персональных компьютеров. [13 с.187]

Важное значение имеет исследование аппаратов мобильной связи, электронных записных книжек и других магнитных носителей информации, в частности SIM-карт и карт памяти, поскольку это дает возможность не только выявить соучастников торговли людьми, но и собрать доказательства, а так же обнаружить следы преступления.

Судебно-медицинская генетическая экспертиза

Такая экспертиза может проводиться при расследовании торговли детьми в тех случаях, когда было заключено соглашение о «купле-продаже» новорожденного ребенка, а родителям было сообщено будто бы о ее смерти.

Указанная экспертиза проводится с целью установления возможности или невозможности происхождения ребенка от предусмотренных лиц, на основании законов подражания, свойств человеческого организма методом геномной дактилоскопии, или путем исследования группового полиморфизма антигенов, белков, ферментов и др. [5]

Список литературы:

1. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми. Совет Европы от 16.05.2005р. // Официальный вестник Украины от 11.03.2011 г., № 16;
2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятый резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от

15 ноября 2000 // Официальный вестник Украины от 19.04.2006р., № 14;

3. Уголовный процессуальный кодекс Украины, от 13.04.2012 г.. № 4651-VI // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 2013, № 9-10, № 11-12, № 13;

4. Закон Украины от от 25.02.1994 № 4038-XII «О судебной экспертизе» ВПР, 1994, N 28, ст.232, ГУ, 21.04.94 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/4038-12>;

5. Инструкція о назначении и проведении судебных экспертиз и Научно-методические рекомендации по вопросам подготовки и назначения судебных экспертиз // Приказ Министерства юстиции Украины от 8.10.1998 г.. № 53/5 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/reg3145.html. - Название с экрана;

6. Ахтырская Н., Юденко Т. Торговля людьми в Украине: причины, правовые формы борьбы, проблемы практической реализации государственной политики в сфере преодоления / Н.Н. Ахтырская, Т.Н. Юденко. М.: «Издательство ООО Компания Ваитэ». - 2009. - 152 с;

7. Весельский В.К., Пясковский В.В. Торговля людьми в Украине (проблемы расследования): учебное пособие. - К. КНТ, 2007 -268с. - ISBN 978-966-373-261-9;

8. Капитанчук Л.Ю. Использование специальных знаний при расследовании пересечения через государственную границу / сравнительно аналитическое право № 3-2 2013 ст. 304 - 307;

9. Уголовный процессуальный кодекс Украины. Научно-практический комментарий / Под редакцией проф. В. Гончаренко, В.Т. Нора, М.Е. Шумила. - М.: Юстиниан, 2012. - 1224 с;

10. Махов, В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: монография / В. Н. Махов. - М.: Изд-во РУДН, 2000. - 296 с;

11. Расследование торговли детьми: [учебно-практическое пособие] / [Бардацкая А.В. и др. ; под ред. Осины И.М.]; М-во внутренних дел Украины; Нац. акад. прокуратуры Украины. - Киев: [AmericanBarAssociation], 2011. - 236 с. - Библиогр.: с. 225-231;

12. Туровец Ю. М. Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений / Ю. М. Туровец // Форум права. - 2011. - № 3. - С. 808-812 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/FP/2011-3/11tjzpd.pdf>;

13. Щербаковская К.А. Использование возможностей судебных экспертиз при расследовании торговли детьми / К.А. Щербаковская / Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики: сб. науч. трудов / ред. кол. М.Л. Цимбал, В.Ю. Шепитько, Л. Головченко и др. - Харьков: Право, 2011. - Вып. 11. - С. 183-189.

#8 (24), 2017 część 2
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#8 (24), 2017 part 2
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>